

4i
(Arch.)
94
CM

4^e Arch.

94 cu

Kondakow

ТЕРРАКОТТОВЫЯ СТАТУЭТКИ.

(Из XI т. Записок Одесскаго ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Исторіи и Древностей).

Н. КОНДАКОВА.

ОДЕССА,

Франко-Русская типографія Л. Даникана, Ланжероновская улица, домъ № 36.

1879.

A

Греческія терракоттовыя статуэтки

ВЪ ИХЪ ОТНОШЕНІИ КЪ ИСКУССТВУ, РЕЛИГІИ И БЫТУ.

Среди античныхъ древностей Южной Россіи, обогатившихъ науку классической археологіи множествомъ памятниковъ не только замѣчательной художественной красоты, но и высокаго бытоваго интереса, одно изъ первыхъ мѣстъ занимаютъ маленькія статуэтки изъ жженой глины. Не обладая часто тою красотою исполненія, которая дѣлаетъ напр. многочисленныя золотыя вещи Керченскихъ и Таманскихъ кургановъ почти безпримѣрными въ своей области, такія статуйки, наравнѣ съ росписными вазами, составляютъ важнѣйшій, ежегодно умножающійся отдѣлъ этихъ древностей. Между ними также есть образцы, которыхъ совершенство вкуса и исполненія не уступаетъ лучшимъ находкамъ Греціи и Южной Италіи, но, что всего важнѣе, эти терракотты Керчи и Тамани составляютъ оригинальную, разнообразную среду, въ которой нашли себѣ живое выраженіе какъ религіозныя, такъ и бытовыя стороны жизни древнегреческихъ колоній. Привести эту среду въ историческую связь съ различными центрами какъ собственной Греціи, такъ и въ особенности греческаго Востока, такова будущая задача отечественной классической археологіи. Между тѣмъ, пока эти мелкіе памятники, издаваемые по одиночкѣ, хотя съ должнымъ вниманіемъ и вполне критически лишь въ Отчетахъ Имп. Археологической Коммиссіи, продолжаютъ расходиться по рукамъ и теряются въ различныхъ частныхъ коллекціяхъ, общее обзорѣніе ихъ останется невозможнымъ, прямо за отсутствіемъ интереса со стороны частныхъ собирателей. И въ то время, какъ заграничные музеи (Лувра, Берлина и пр.) уже начинаютъ своими обширными изданіями терракоттъ готовить почву для

общаго ихъ изслѣдованія, замѣчательныя древности этого рода изъ Керчи и Тамани продолжаютъ составлять доселѣ предметъ простаго ненаучнаго любительства.

Съ другой стороны, даже въ западной наукѣ, эта область классическаго искусства, изслѣдованная лишь въ немногихъ пунктахъ, болѣе всего, по своимъ отношеніямъ къ монументальной скульптурѣ и погребальнымъ обычаямъ, не была еще доселѣ предметомъ цѣльнаго изслѣдованія. Удовлетворить, по возможности, этой общей потребности и вмѣстѣ содѣйствовать появленію интереса и сознательнаго отношенія къ такимъ памятникамъ въ средѣ отечественныхъ собирателей и любителей, — такова цѣль этого общаго, но предварительнаго труда.

Настоящее время — эпоха значительнаго подъема науки классической археологіи — есть время собиранія ея памятниковъ по группамъ, по родамъ производства, по общности содержанія и пр.; таковы многія новыя изслѣдованія, начатыя и конченныя, о живописи вазъ, бронзахъ, надгробныхъ барельефахъ и пр. и пр. Уже одинъ систематическій порядокъ распредѣленія памятниковъ этихъ группъ, на основѣ выработаннаго историческаго метода, даетъ въ результатъ чрезвычайно плодотворныя обобщенія. Художественный анализъ этихъ памятниковъ, прежде столь исключительный и односторонній, является здѣсь лишь основаніемъ для изслѣдованій общен историческихъ.

Современная наука классической археологіи, достигнувъ апогея въ формальномъ изученіи античныхъ художественныхъ памятниковъ, въ настоящее время, видимо стремится перейти къ знанію реальному, разумѣя подъ нимъ изученіе внутренняго содержанія этихъ памятниковъ. Правда, главенствующее направленіе археологіи еще сосредоточивается на формальномъ изученіи: его основная цѣль создать точную науку исторіи художественнаго движенія, образованія стилей и пошибовъ, развитія и скрещиванія различныхъ художественныхъ движеній, однимъ словомъ, науку художественныхъ формъ въ ихъ развитіи отъ примитивнаго и условнаго искусства къ совершенству. Но уже вслѣдствіе этой глубины анализа, собственная исторія греческаго искусства, какъ конечная цѣль этого направленія, расширилась въ своихъ границахъ: она обнимаетъ собою уже не одни только показныя и крупныя произведенія греческой пластики, но и всякаго рода мелкія художественныя издѣлія. Такимъ образомъ, между исторіей греческаго искусства и его *археологіей* — т. е. общею наукою

всѣхъ его памятниковъ, разсматриваемыхъ въ цѣломъ, установилась новая, живая связь, выражающаяся во взаимномъ пользованіи выводами и разработкою матеріала. Въ результатѣ должна явиться общая наука античной художественной древности, того цѣлаго, въ которомъ всякая мелочь получаетъ свое бытіе, жизнь и въ наукѣ — внутренній смыслъ и значеніе. При этой постановкѣ, какъ высокія художественныя произведенія греко-римской пластики пріобрѣтаютъ новый живой интересъ, такъ и различныя второстепенныя и даже мелкія области античнаго искусства и художественной промышленности — этой важнѣйшей сферы дѣятельности искусства въ общей народной жизни — получаютъ должное значеніе и мѣсто въ исторіи античной культуры. Быстро создавшійся и широко развивающійся отдѣлъ науки художественной миѳологіи нуждается во всей массѣ этихъ мелкихъ разнообразныхъ памятниковъ и проливаетъ на нихъ равный свѣтъ: будетъ ли то декоративная мраморная статуя, или рисунокъ на вазѣ, рѣзьба на камнѣ, или грубо и наскоро слѣпленная статуэтка изъ жженой глины. Новая точка зрѣнія дала уже плодотворныя изслѣдованія въ сферѣ этихъ мелкихъ издѣлій художественной промышленности, а живопись вазъ, пріобрѣтая все болѣе и болѣе значенія, вноситъ множество новыхъ данныхъ въ самую истерію греческаго искусства, какъ главный факторъ его архаической эпохи и дѣятельности его на всемъ пространствѣ античнаго міра. Но изъ всѣхъ этихъ сферъ наиболѣе скромною, съ точки зрѣнія формы, является обширная область такъ называемыхъ *терракоттъ*, т. е. пластическихъ издѣлій изъ жженой глины, и между ними, въ частности, *терракоттовыхъ статуэтокъ*.

Намъ предстоитъ показать, что, напротивъ того, съ точки зрѣнія внутренняго содержанія, терракотты греческаго искусства представляютъ отдѣльную художественную среду, которой связь съ жизнью, бытомъ и религіей грековъ несравненно живѣе монументальныхъ произведеній пластики, — среду, по преимуществу, типическую, національную, чуждую всего субъективнаго и случайнаго. Не въ произведеніяхъ личнаго творчества, не въ обширныхъ развѣтвленіяхъ изящнаго искусства, со всѣми его живыми и индивидуальными явленіями, можетъ надѣяться историкъ искусства открыть законы его образованія, понять ходъ и развитіе, объяснить его цѣли, и суммировать его результаты и значеніе эпохъ. Чѣмъ многообразнѣе и живѣе эта область,

тѣмъ она смутнѣе, тѣмъ болѣе мѣста для произвола, тѣмъ неопредѣленнѣе сужденіе, тѣмъ случайнѣе связь и тѣмъ анекдотичнѣе является самая историческая наука. Напротивъ того, такіа второстепенныя, повидимому, сферы искусства, какъ художественная промышленность, даютъ историку ясные и устойчивые типы, руководящіе его сужденіемъ, а простыя и краткія явленія ея подчиняются легко анализу; типъ, повторенный много крѣтъ, напечатлѣвается въ представленіи. Высокій интересъ этой сферы признавался наукою издавна, когда она, въ различныхъ частныхъ своихъ изысканіяхъ, принуждена бывала черпать изъ этого обильнаго родника. Эта область предлагала наукѣ древнѣйшіе образцы и прототипы тѣхъ художественныхъ замысловъ, которыми она интересовалась въ высшихъ религіозныхъ сферахъ искусства, или же доставляла подробный комментарий. Стоя въ связи, затѣмъ, съ погребальными обрядами (по мнѣнію иныхъ, даже всецѣло относясь къ нимъ), терракотты обращали на себя вниманіе и какъ интересная иллюстрація этой религіозной среды древняго міра (изв. сочиненіе Штакельберга: *Die Gräber der Hellenen*). Этому интересу способствовала наконецъ и рано явившаяся въ классической археологіи и скоро распространившаяся гипотеза, которая видѣла въ мистеріяхъ главнѣйшій источникъ религіознаго искусства лучшей эпохи и, на этомъ основаніи, относила и рисунки вазъ, и глиняныя статуэтки въ разрядъ важнѣйшихъ документовъ о мистеріяхъ ¹⁾. Однако-же, во всѣхъ общихъ изслѣдованіяхъ этого рода, терракотты никогда не играли самостоятельной роли, — и за исключеніемъ изданія терр. Берлин. музея ученымъ Панофкою, не послужили ни разу предметомъ отдѣльнаго изслѣдованія.

Если, наконецъ, мы присоединимъ къ этимъ сочиненіямъ рано начавшіяся изданія и описанія терракоттъ, какъ памятниковъ извѣстныхъ мѣстностей, напр. Сициліи (сочиненіе Paolo Avolio и ст. Гергарда), Этрурію (соч. Гори, Ингирами, Микали, Урлихса), Галліи (Тюдо), Босфора киммерійскаго и колоній по берегамъ Чернаго моря (Стефани, Ашикъ) Малой Азіи и Собственной Греціи въ послѣднее время (англ. путеш., Кекуле, Людерсъ, Ленорманъ, Фрѣнеръ, Гѣзей, Перваноглу), то этимъ и исчерпывается почти вся

¹⁾ Сочиненія и статьи того же Гергарда, Панофки, отчасти Штакельберга и особенно Де-Витта, Минервини, Гиньо, въ предѣлахъ научной критики, и въ различныхъ изданіяхъ дилетантовъ — собирателей, изъ которыхъ, важнѣйшій — *Biardé*, *Les terres cuites grecques funébres*, 1872.

литература вопроса ²⁾; правда, въ послѣднее время вниманіе ученыхъ, пробужденное въ особенности значительнымъ накопленіемъ памятниковъ этого рода, ручается за

²⁾ Литература терракотовыхъ статуэтокъ:

D'Agincourt: Recueil des fragments de sculpture antique en terre cuite, P., 1814, содержитъ преимущественно терр. барельефы, статуэтки (изъ Ват. и Лувр. собранія): pl. XIII, 1—4; XIV, 1, 3, 5, 6; XV, 14; XVIII, 1, 2, 3; головки: VIII, 8.

Изданія барельефовъ изъ терр.: *Opere di plastica della collezione del cav. Campana*, Distrib. 2, 3, 6, 11. Roma. 1842—3; Этрусскихъ терр. барельефовъ: *Carloni*, M., Bassirilievi Volsci in terracotta, trovati nella città di Velletri, Roma. 1785. Статуэтки и барельефы въ изд. *Gori*, Museum Etruscum, fol. I, tab. 160, III, 18, 20—1. *Inghirami*, Monumenti Etruschi, t. VI, tav. X, 4, *Micali*, Storia dell' Italia avanti etc., monumenti, tav. 61, *Ulrichs*, Ann. del Inst. 1846, vol. XVIII, его же: Veientische Terracotten, въ Jahrbücher d. Rhein. Alterthumsfreunde. VIII, Taf. 2. *Millingen*, Unedited Monuments, Ser. II, pl. 2, 3 (барельефы), 19, 20 (терр. щитки съ барел.). *Brunn*, H. Terrecotte etrusche, Monum. del Inst., vol. VI, VII, tav. 72, Ann. 1862, p. 274. О барельефахъ изъ Корнето, Journal des Savants 1829, Mai.

Литература статуэтокъ:

Paolo Avolio, Sulle antiche fatture d'argilla, che si ritrovano in Sicilia, Palermo 1829 (рецензія въ Bullet. del' Institut. di Corresp. arch. di Roma, 1830, p. 38 сл.).

Gerhard. Ed. Intorno i monumenti figurini della Sicilia. Ann. del Inst. VII, p. 26—53.

Его же рисунки и объясненія статуэтокъ въ Antike Bildwerke, t. I, tav. 93—99; ib. prodromus.

Panofka, Terracotten des K. Museums zu Berlin, 1842—3. 64 табл.

Его же: Cabinet Pourtalès, pl. II, 28, 31, *Combe*, Taylor. Description of the collection of ancient terracotta's in the British Museum, 1818, in 4°: кромѣ барельефовъ колл. Тоунлен и Слоана, 4 стат. Музы, табл. 4—10.

Witte, de. Catalogue du cabinet Durand.

Его же: Choix de terres cuites antiques du cabinet de M. le Vic. Janzé, 1857. Фотограф. снимки литогр. Пуатевеномъ, 44 таблицы.

Stackelberg, Die Gräber der Hellenen in Bildw. etc., 1837 fol. 80 табл.

Tudot, Collection des figurines en argile, oeuvres premières de l'art gaulois, 4° P. 1860 73 pl. lithogr. Изданіе находокъ фабрики терр. у Мулена въ басс. Аллье.

P. Biardot. Explication du symbolisme des terres cuites grecques de destination funéraire. P. 1864. in 8° de 70 p.

Его же: Les terres cuites grecques funèbres. 1872. Съ атл. въ 54 табл. литогр. и хромолит. in fol.

Lenormant, Fr. О терр. на выставкѣ Musée rétrospectif, въ Gazette des beaux Arts 1866, t. XXI, Janvier.

De Witte, Quelques antiquités, rapportées de la Grèce par Fr. Lenormant. Gaz. des Beaux-Arts, 1866, II, p. 105 сл.

Janssen, Terracotta's uit het Museum van Oudheden te Leiden. Met X Platen in Kleurdruk. Leiden. 1862, fol. Терр. южной Россіи издавались въ «Древностяхъ Босфора Киммерійскаго», «Отчетахъ Импер. Археологической Комиссіи» 1859—1874 гг., соч. *Ашика*: «Воспорское царство», гр. *Уварова*: Изслѣд. о древн. ю. Россіи 1851—6 г. и пр. (указанія подробн. см. ниже).

Порознь много терр. обнаружено въ изданіяхъ:

Археол. Института въ Римѣ: *Annali*, *Monumenti* и *Bullettino* del Inst. di corr. arch. di Roma; въ журн. *Archäologische Zeitung* и *Arch. Anzeiger*; изд. Société pour l'encouragement des études grecques, *Bulletin* . . . 1872 сл., *Gazette Archéologique* съ 1876 года и пр. за разные годы.

Терр. южно-итальян. происхожденія въ изд. *Minervini*, Monumenti antichi inediti p. da Raf. Barone. 1852, таб. 14, 15. Терр. собств. Греціи: *Pervanoglu*, Antichità Tegeatiche, въ *Nuove Mem.* del Inst. di Roma 1865. Мало-азійскія: *Barker and Ainsworth*, Lares and Penates, Cilicia and its governors, также изд. Фрѣнера, Mus. de France и пр.

Терр. Родоса: *Salzmann*, Nécropole de Camiros. 1870—5, fol. 60 pl. Кипра: изд. фотографій Томпсона съ колл. Чеснолы, соч. Дѣля (ниже).

важность той будущей роли этих памятниковъ въ наукѣ, которая явится результатомъ всесторонняго изслѣдованія ихъ въ исторіи античнаго художества. Такъ, въ ближайшемъ будущемъ обѣщано появленіе интересной монографіи извѣстнаго А. Дюмона о терракоттахъ, найденныхъ на почвѣ Греціи ³⁾, съ рисунками Шаплена и начать полный каталогъ терракоттъ Луврскаго музея подъ редакціею Гёзея.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СТАТУЭТОКЪ И ИХЪ ТЕХНИКА.

Терракотты раздѣляютъ судьбу всѣхъ издѣлій художественной промышленности: исторія (напримѣръ Плиній въ своей 35-й книгѣ о пластикѣ изъ глины) почти не знаетъ ихъ, и ходъ ихъ развитія необходимо возстановлять по самымъ памятникамъ: ихъ произведенія были настолько распространены въ древности, что писатели не находили нужнымъ подробно говорить о предметѣ, извѣстномъ всякому. Правда, въ исторіи художественныхъ производствъ Плинія существуетъ отдѣлъ исторіи собственной *пластики* ⁴⁾ т. е. ваянія или лѣпки въ глинѣ, но и онъ касается только памятниковъ монументальнаго искусства. Мифологія въ лицѣ Прометея представляетъ намъ перваго лѣпщика въ глинѣ и горшечника. Съ того портретнаго снимка въ глинѣ, который сдѣлалъ будто-бы Бутады, горшечникъ Коринѳа, по тѣни фигуры, начинается

Извѣстный А. Дюмонъ, директоръ Аѳинской франц. школы, приготовляетъ изданіе терр. собств. Греціи. Замѣчательныя терракотты Танагры дали матеріалъ для многихъ изданій и статей: О. Rayet, въ Gazette d. Beaux Arts, 1874 p. 297, 551 сл. и 1875 p. 56 сл.; также Lüders. Terracotten von Tanagra. Bull. d. Instit. 1874. Его же ст. въ журналѣ: Im Neuen Reich 1874, № 5, p. 178 о томъ же.

Изданіе Kekule: Griechische Thonfiguren aus Tanagra, по порученію Археолог. Института въ Берлинѣ, Римѣ и Аѳинѣ, 1878, fol. съ 17 великолѣпн. снимками Л. Отто (рецензія О. Бенддорфа съ 4 рис. въ Zeitschrift für bild. Kunst 1878 p. 161, № 6 и проф. К. К. Герца въ Русскомъ Вѣстн. 1878, май. Нѣкоторыя терр. статуэтки изданы и описаны въ Gazette Archéologique 1877 pl. 33, 1878 pl. 21. Общая статья о терр. Танагры на Париж. выставкѣ 1878 г. О. Rayet въ Gaz. d. B. A. 1878 p. 350.

Наконецъ уже въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ Археологическій Институтъ въ Римѣ приготовляетъ (черезъ посредство ученаго Кекуле, рисовальщика Отто и др.) матеріалы для изданія *всѣхъ античныхъ терракоттъ* въ описаніяхъ и рисункахъ. Той же цѣли содѣйствуетъ изданіе консерватора Луврскаго музея Гёзея: Les figurines antiques de terre cuite du Musée du Louvre par Léon Heuzey. P. 1878. 4° 2 livr.

³⁾ Заявленіе въ ст. Луврскаго консерватора Heuzey: Recherches sur les femmes voilées 1873, помѣщен. въ Bull. de la Société pour l'encouragement des études grecs, 1873.

⁴⁾ Кн. XXXV, 12, 43—45.

исторія терракотового, раскрашеннаго барельефа. Плоскія маски, наложенныя на кайму крайнихъ кирпичей крыши ⁵⁾, рано стали украшать храмы. Сначала онѣ дѣлались отъ руки; затѣмъ изобрѣтена была модель и въ ней стали получать нѣсколько *оттисковъ*—*естура*. Въ древнюю эпоху издѣлія этого рода особенно привились въ Этруріи, откуда добыто множество памятниковъ жженой глины: саркофаги съ раскрашенными барельефами и статуями, кирпичныя маски, сосуды съ барельефами и фигурами и пр. Оттуда вызывались и художники въ Римъ для украшенія его храмовъ прилѣпами и даже колоссальными статуями. Новое движеніе въ пластикѣ изъ глины встрѣчаемъ, затѣмъ, послѣ длиннаго промежутка — обстоятельство важное, объясняемое ниже — уже въ эпоху діадховъ, когда являются портретныя статуи изъ глины «комедовъ и атлетовъ» Халькосеена, по мастерской котораго прозвался въ Аѳинахъ «Керамикосъ». Того же времени художникъ Поссисъ такъ художественно ваялъ изъ глины, что его яблоки и грозди пельзя было, говоритъ Варронъ, отличить отъ настоящихъ. Модели — *proplasmata* Аркесилая цѣнились дороже произведеній изъ мрамора, и Пазителесъ называлъ пластику *matrem caelaturae et statuariae sculpturaeque*.

Итакъ пластика, т. е. лѣпка въ глинѣ, имѣла во первыхъ служебную цѣль: доставлять модели для работъ въ мраморѣ и бронзѣ, а во вторыхъ, какъ производство ремесленное, давать копіи или оттиски въ изготовленной для того формѣ. Отсюда первая мысль археологовъ была та, что въ терракотовыхъ статуэткахъ мы имѣемъ или модели для статуй, или копіи съ нихъ, повторенныя ремесломъ.

По первому мнѣнію, мы должны были бы видѣть въ этихъ фигуркахъ первый эскизъ, набросокъ мысли художника, конечно, особенно драгоцѣнный для исторіи художества; но этому противорѣчитъ какъ самая масса издѣлій, такъ и главное, маленькій размѣръ статуэтокъ; доселѣ указано не болѣе двухъ, трехъ примѣровъ подобныхъ моделей ⁶⁾.

Болѣе имѣть почвы второе мнѣніе, и не рѣдко археологамъ удавалось болѣе или

⁵⁾ *Personas tegularum extremis imbricibus imponere* — открытіе того же Дибутада. Ими украшались *fastigia templorum*.

⁶⁾ Въ Мюнхенѣ, эскизъ въ глинѣ головы Александра Мак. и женской головы, обѣ эпохи Лизиппа, изд. въ *Münch. Antik. Лютцова*, Taf. 1, p. 4, Taf. 33.

менѣе указывать прямое соотношеніе между произведеніями скульптуры и терр. статуэтками ⁷⁾, особенно, если эти послѣднія выходятъ изъ обыкновеннаго круга своихъ сюжетовъ ⁸⁾. Напротивъ того, въ сюжетахъ наиболѣе обычныхъ, напр. въ изображеніяхъ Афродиты, Діониса, Гермеса и пр. доселѣ не отыскалось такого типа, который повторялъ бы безусловно извѣстныя намъ произведенія античной скульптуры, и изслѣдователямъ художественно-миѳологическихъ типовъ приходилось признать, что терракотты, какъ вольныя копіи, далеко ушли отъ своихъ оригиналовъ ⁹⁾. Если бы, затѣмъ, терракотты были, дѣйствительно, копіями статуй, то онѣ въ массѣ представили бы такое соотношеніе между содержаніемъ и формою, какое наблюдается въ копіи: въ нихъ было бы менѣе разнообразія, содержаніе преобладало бы надъ выраженіемъ, художественная композиція была бы въ противорѣчій съ ремесленнымъ исполненіемъ. Между тѣмъ, мы находимъ въ этой области условія прямо противоположныя и при первомъ взглядѣ должны признать, что эта сфера вполнѣ *самостоятельная* и своеобразная. Конечно, терракотты въ изобиліи пользуются мотивами монументальной пластики (особенно терр. соб. Греціи), но вполнѣ свободно и ради своихъ собственныхъ цѣлей, перенося напр. красоту типа Афродиты на всѣ женскія фигуры и пр., и въ этомъ отношеніи вполнѣ сходятся съ живописью вазъ, которая признана безусловно оригинальною областью въ греческой живописи.

Дѣйствительно, терракотовыя статуэтки представляютъ въ археологій греческаго искусства сферу по преимуществу ремесленнаго производства, сравнительно со всѣми отраслями греческой художественной промышленности. Въ этой средѣ почти вовсе не встрѣчаемъ работъ съ именами художниковъ, и двѣ, три надписи ¹⁰⁾, найденныя

⁷⁾ Группа двухъ женщинъ, изъ которыхъ одна несетъ другую, у Біардо pl. 22, изъ Танагры (см. ниже жанръ въ терр.) сопоставлена Гёзеємъ съ произведеніемъ, упомянутымъ у Плинія XXXIV, 69, какъ изображеніе Деметры и Кору, но, по мнѣнію Стефани (отчетъ Арх. Ком. за 1859 г. р. 70—72) группа Catagusa представляла Кору съ Якхомъ. Вакханка Скопаса въ терр. Брит. муз., указано въ Arch. Zeitung. 1855 p. 62.

⁸⁾ Такова напр. группа всадника у Біардо, Les ter. s. gr. fun. atl. pl. 39.

⁹⁾ Слича напр. терр. фигуры Афродиты Анадіомены, изд. Стефани въ отчетѣ 1870 г. р. 83—4, т. III, 6, p. 103, т. V, 3, p. 183—4.

¹⁰⁾ Такія надписи на террак. статуэт. представляютъ исключенія: на одной формѣ изъ Гнатіи (Фазано ок. Бари) для вытѣпчиванія женской фигуры, читается имя Βαλός μορροχονας (ΚΗΡΗΣ) (мессанійскій алфавитъ и туземный діалектъ, какъ въ надписи изъ Отранто?), изд. въ Bullett. arch. Napl., а. V, p. 15, также въ соч. Панофки Arch. Z. 1847, p. 191. — На группѣ мальчика на плитѣ изъ Ю. Италіи изд. въ Bull. Arch. Nap. 1853, tav. 4 имя Προκλιν.

на статуэткахъ, скорѣе относятся къ разряду фабричныхъ штемпелей, нежели къ подписи автора; другія же надписи ¹¹⁾, также немногочисленные, были посвятельныя, и дѣлались заранѣе для продажи. Рѣдко встрѣчаются на женскихъ фигуркахъ имена (какъ на вазахъ) собственные ¹²⁾. Статуэтки, какъ и барельефы, лѣпились ¹³⁾ изъ глины въ изготовленной напередъ глиняной же формѣ или модели, при чемъ оттискивался только тонкимъ слоемъ передній фасъ ¹⁴⁾ фигуры, задняя же часть ея при дѣлывалась послѣ и притомъ или въ видѣ гладкаго столбика для удобства штампования, или въ общихъ контурахъ, но въ натуральной формѣ. Только особо красивыя издѣлія отдѣлывались тщательно и въ задней половинѣ статуэтки, рѣзцомъ или моделировальною палочкою послѣ лѣпки. По инымъ статуэткамъ видно, что онѣ лѣпились въ обѣихъ половинкахъ, одна за другою, на одномъ кускѣ глины, и тогда фигурка бываетъ массивнѣе и меньше размѣрами, но каждая статуэтка представляетъ непременно внутри пустоту, обыкновенно до головы ¹⁵⁾.

Отсюда понятно, что тѣ терракотовыя статуэтки, которыя назначались для повторенія въ большомъ числѣ, для удобства полученія оттисковъ, должны отличаться плоскостью, или даже переходить въ рельефъ; таковы, какъ увидимъ, особенно распространенныя изображенія извѣстнаго религіознаго содержанія, — обстоятельство чрезвычайной важности для пониманія терракотъ и ихъ роли ¹⁶⁾. Когда статуэтка была

¹¹⁾ На ст. Деметры въ Arch. Z. 1867 taf. 228, 3, p. 122 отрывокъ: *Ἀθλῖα ἀνέθηκε*. Также надпись *χαλκῶ* на фигуркѣ Афродиты какъ на вазахъ, Cabinet Pourtalés № 825.

¹²⁾ Таманская стат. съ гроздью, на подножii надпись *Ἀθηνα*. См. Гёрца, Ист. обзоръ арх. изсл. на Таманск. п., 1876 p. 26.

¹³⁾ Лѣпить — *πλάσσειν*, *ingere terra vel gypso similitudines* — *Nam impressa argilla formam aliquam facere plastae est*. *Imprimere* — оттискивать, — *exprimere* — получать оттискъ, какъ выражается Плиніемъ объ издѣліяхъ изъ воска. Выраженіе *естура*, у того же Плинія, о древ. барельефахъ, должно означать под. же оттискъ, а *prostupa* — барельефъ сдѣланный рукою. Мнѣніе Тьерри въ Dict. d. a. gr. par Daremberg v. Antefixa.

¹⁴⁾ Чтобъ сдѣлать крѣпче эту часть фигуры, мастера любятъ прислонять фигуру къ колоннѣ, столбу и пр.

¹⁵⁾ Массивныя, но полныя статуэтки изъ Финикіи изд. у Longpérier Musée Nap. III, pl. 23, дѣлались отъ руки. Мнѣніе Даженкура Resneil p. 43, что стат. выдалбливались, крайне странно.

¹⁶⁾ Такова напр. статуэтка архаистическаго пошиба Керы; плоскія плитки съ изображеніемъ Амура, Афродиты, держащейся за соски, или съ цвѣткомъ. Изъ реальныхъ сюжетовъ: плитка съ изображеніемъ мальчика съ собачкою или пѣтухомъ, игры дѣвушки съ собачкою и пр. Терр. статуэтка почти переходитъ здѣсь въ другія издѣлія: щитки, маски, барельефы, медальоны и пр. Много под. терр. найдено въ Левкасъ въ Аркадіи, съ изобр. боговъ, рогатаго Діониса, Музъ и пр., находятся въ Брит. музеѣ.

вылѣплена и обдѣлана, мастеръ дополнялъ оттискъ, если требовалось, пьедесталомъ ¹⁷⁾, но обыкновенно лишь въ видѣ тонкаго плинтуса (терр. Танагры), сѣдалищемъ, если фигура изображалась сидящею (иногда сѣдалище дѣлалось и деревянное); также особо лѣпились и прикрѣплялись мелкія выступающія детали (шляпы, вѣера въ терракот. Танагры); иногда на бокахъ большихъ статуэтокъ ¹⁸⁾ дѣлались ушки, чтобъ брать за нихъ статуэтку, не портя ея красокъ. Но самое характерное въ формѣ греческихъ терракоттъ представляютъ круглыя или также четырехугольныя отверстія въ спинкѣ ихъ, или даже въ половинѣ фигуры, широкое настолько, чтобы просунуть палецъ; такое отверстіе (*trou d'évent*, *Brennloch*), помѣщенное въ верхней части полости фигуры должно было, очевидно, предупреждать разрывъ ея при обжиганіи ¹⁹⁾. Послѣ обжиганія всякая статуэтка раскрашивалась вся, снизу доверху, и Лукіанъ ²⁰⁾ сравниваетъ поверхностно — образованнаго человѣка съ подобными игрушечными издѣліями лѣщниковъ, которыя сверху пріятно раскрашены сурикомъ и голубою краскою, а внутри ломкія и изъ простой глины. Слѣды этой раскраски, болѣе или менѣе полныя, оказывались на всѣхъ терракотовыхъ статуэткахъ, какъ греческихъ, Южноиталійскихъ, такъ Керченскихъ и другихъ находокъ, но полная система этой раскраски открылась для западныхъ археологовъ впервые на терракоттахъ Танагры, которыя хотя и теряютъ въ коллекціяхъ постепенно почти всѣ краски, но при самомъ ихъ нахожденіи представляли изумительную сохранность и свѣжесть ²¹⁾. Подобной же свѣжестью и тонкостью раскраски отличались терракотты, найденныя въ Васюринскомъ курганѣ на Таманскомъ полуостровѣ, и такъ какъ эти терракотты по изяществу соперничаютъ съ лучшими издѣліями Танагры, то весьма жаль, что при изданіи ихъ не обратили вниманія на краски, теперь исчезнувшія. По обычной системѣ статуэтка

¹⁷⁾ Всякая статуэтка, и безъ плинтуса, могла ставиться и имѣла для того сглаженный ровно низъ. Исключеніе составляютъ фигурки, которыя не могутъ ставиться — такъ наз. *Oscilla* и куклы съ подвижными членами, о которыхъ ниже.

¹⁸⁾ Терр. статуэтка изъ Смирны, въ колл. Одесскаго музея Общ. Ист. и Древн.

¹⁹⁾ *Rapofka*, I. c., стр. IV. Менѣе удачны другія объясненія этихъ отверстій: что онѣ назначались для вѣшанія въ мастерскихъ и храмахъ. Стефани, Отчетъ II. Арх. Комм. за 1870—1, стр. 171.

²⁰⁾ *Λεξιγράφης* § 22: *ἐοικώς τοῖς ὑπὸ τῶν κοροπλάθων ἐς τὴν ἀγορὰν πλαττομένοις, κεχρωσμένοις μὲν τῇ μίλτῃ καὶ τῇ χυτῇ, τὸ δ' ἐνδοθεὶς πῆλινός τε καὶ εὐθροπτός ὢν . . .*

²¹⁾ Находки начались съ 1873 года; особенно цѣнятся недавнія по свѣжести красокъ. Причина этой сохранности заключается въ томъ, что статуэтки ставились въ каменные гробницы въ сухой почвѣ.

предварительно покрывалась тонким слоем бѣлой (трубочной) глины или гипса и затѣмъ обжигалась съ этимъ слоемъ, а по немъ уже послѣ расписывалась легкими, свѣтлыми красками ²²⁾. Общій характеръ этой раскраски, какъ представляютъ терракотты лучшей эпохи искусства ²³⁾, даетъ самую утонченную гамму тоновъ, а именно преобладаніе голубой и розовой краски ²⁴⁾; въ цвѣтахъ одеждъ, и нѣжно-розоватаго, тѣлеснаго цвѣта на обнаженныхъ частяхъ тѣла. Между танагрскими статуйками найдены также покрытыя сплошн позолотою. Иногда пеплосъ бываетъ бѣлый съ розовыми каймами, рѣдко верхняя одежда желтая (шелкъ?) или зеленая. Обычная въ архаическихъ терракоттахъ красная краска въ эту эпоху встрѣчается только на деталяхъ: башмакахъ, лентахъ, иногда хламидѣ ²⁵⁾ и всегда съ коричневымъ оттѣнкомъ. Волосы по греческой модѣ (существующей и теперь) окрашены почти всегда (терр. Танагры, Смирны, Керчи, Южной Италіи и пр.) въ красный и коричневый цвѣтъ; также окрашены брови и вѣки; глаза голубые, губы красныя. Гораздо неопредѣленнѣе цвѣтъ тѣла: во многихъ терракоттахъ, даже позднѣйшаго періода, находимъ красно-коричневый цвѣтъ ²⁶⁾, подѣ влияніемъ, вѣроятно, древняго типа полихроміи, въ терракоттахъ-же Танагры — прекрасный, живой тѣлесный цвѣтъ. Позолота покрываетъ наконецъ діадемы, серьги, ожерелья, браслеты и волосы, когда ихъ хотятъ изобразить бѣлокурыми. Въ концѣ концовъ, однакоже, вся эта система раскраски не можетъ служить рѣшительнымъ аргументомъ въ спорномъ доселѣ вопросѣ о полихроміи греческой пластики, такъ какъ, при всей связи ремесла и искусства въ древней Греціи, всегда останется цѣлая бездна между размалевкою этихъ фигурокъ и художественною рос-

²²⁾ Составъ ихъ еще не опредѣленъ, но такъ какъ эта самая глина не бываетъ пропитана краскою, то краски, вѣроятно, были не водяныя, а слегка клеевыя или даже восковыя. Примѣсь клея, сохраняя рисунокъ и уподобляя статуэтку изъ терракотты фарфору, найдена на Таманской фигуркѣ въ формѣ сосуда, изд. въ Отчетѣ И. Арх. Комм. за 1870 г., стр. 7. На Южноиталійскихъ терр. изд. Минервини въ *Monum. ined. da Raff. Varone*, tav. 17, 4, видѣнъ черный лакъ, подобный тому, которымъ покрывались вазы. Подобная терр. изъ Ольвіи упоминается гр. Уваровымъ, *Recherches*, стр. 128. Такова же раскраска бюста коня изъ Ольвіи, изд. въ прилож. рис.

²³⁾ На терр. архаическихъ кирпичный, красный и коричневый цвѣта.

²⁴⁾ О господствѣ этихъ же красокъ во второмъ періодѣ Византійской живописи см. *Исторія Виз. искусства по миниатюрамъ* стр. 135 и др.

²⁵⁾ Терр. Эрота изъ Калимны въ Луврѣ.

²⁶⁾ Нечего и упоминать, что символическія толкованія этой окраски, будто бы имѣющей бакхическое значеніе, свойственное терракоттамъ, не имѣютъ никакого научнаго основанія. Припомнимъ *gubrica* — издѣлія Дибуты по Плинію, слѣды этой окраски на древнихъ скульптурахъ и пр.

писью мраморныхъ статуй, цѣнившейся иногда самими художниками выше скульптурной работы.

При такомъ производствѣ терракоттъ черезъ оттискиваніе или штампованіе ихъ въ формахъ, понятно, что размѣры ихъ не должны быть велики, и, дѣйствительно, высота ихъ въ средней цифрѣ рѣдко превосходитъ 30 сантим., обыкновенно же бываетъ еще меньше, т. е. около 20, иногда отъ 20 до 10 и даже 8 сант. (5, 4 и 2 вер.)²⁷⁾; фигуры, имѣющія въ высоту 40 и болѣе сант., хотя бываютъ особенно изящны, но представляютъ чаще по своему содержанію сюжеты не религіозные, а декоративные²⁸⁾. Немногіе примѣры терракотовыхъ статуэтокъ въ натуральную величину человѣческаго роста или нѣсколько менѣе составляютъ исключеніе изъ этой фабрикаціи²⁹⁾.

Особую и довольно обширную область представляютъ тѣ терр. статуэтки, которыя сдѣланы въ формѣ сосудовъ (или, точнѣе, образуютъ собою сосуды), обыкновенно изъ разряда мелкихъ туалетныхъ лекиоовъ, алавастровъ и пр.; роль сосуда выражается, конечно, и въ выборѣ пластическаго сюжета.

Подобныя статуэтки—сосуды встрѣчаются повсюду, но особенно онѣ изобильны среди находокъ Керчи, Ольвіи, Финикии, Родоса и вообще греческаго Востока, рѣже въ Ю. Италіи. Архаическій прототипъ этихъ сосудовъ въ Финикии и на Кипрѣ пред-

²⁷⁾ Таковы маленькія жанровыя статуэтки Керчи, Тамани и рѣже Греціи; часто прекрасной работы, каковы послѣднія находки на Тамани, въ Танагрѣ и нѣк. статуэтки Вѣнскаго Каб. Антиковъ.

²⁸⁾ Фигуры такъ наз. Музъ изъ Керчи, Малой Азіи и Греціи до 50 сантим. и вообще драпированныя фигуры. Фигуры Брит. муз., *Tylor Combe*, pl. 3 и 38: 2 ф. и 3 ф. 11 д. Головы изъ Ольвіи, представляющія варваровъ, въ колл. Одес. музея, представляютъ размѣры статуэтокъ до 60 и 70 с.

²⁹⁾ Особенно большаго размѣра терр. статуи изъ Помпей въ Неапол. музеѣ: Зевса и Юноны (?), 2 метра выш., фигура юноши — 1, 78 м., спеленатаго ребенка 70 сантим., молящейся женщины — 94 сант. и 96 с., Комиковъ — 1, 20 сант.; тамъ же большіе бюсты боговъ архаическаго типа, статуя Геракла, Гидрофоры болѣе обыкновеннаго размѣра и пр., болѣею частию изъ Помпей. Затѣмъ, кромѣ архаическихъ терр. Кипра, Этрурии, которыя имѣютъ размѣры обыкновенныхъ произведеній скульптуры этихъ мѣстностей, встрѣчаемъ лишь, какъ рѣдкія исключенія, терр. статуи въ натуральную величину изъ Греціи (изъ Теген голова Керы въ Брит. муз.) и Ю. Италіи (бюстъ Деметры 63 сант. въ колл. Janzé pl. 44, и под. въ Вѣнс. Каб. Ант. статуя Керы подъ покрываломъ, такъ наз. Минерва изъ Капуи, тамъ же). Бёрчъ, *Hist. of a. pottery* I p. 171 упоминаетъ 2 музъ изъ Поццуоли, и въ Брит. муз. статуи около 3 футовъ выш. и торсъ Терминуса въ нат. величину. Въ Ватиканѣ под. же статуя Меркурія. — Замѣчательны большія терр. статуи изъ Этрурии: Изъ Тосканеллы происходятъ напр. стат. лежащаго (умирающаго) Адониса въ пол. человѣческаго роста, изд. въ *Diction. des ant. gr. et rom.* Daremberg et Saglio, fig. 112, v. Adonis. Съ большими этрусскими глиняными статуями представляютъ замѣчательное сходство фрагменты портретныхъ фигуръ съ Кипра (въ Брит. музеѣ) — двѣ женскія головы, съ полною раскраскою глазъ, бровей и даже кожи (красноватаго цвѣта).

ставляетъ коническій бокалъ, на которомъ вмѣсто ножки находится фигура ³⁰⁾. Оригинальные сосуды Родоса, типы которыхъ сложились отчасти подъ вліяніемъ Египта, представляютъ богатый выборъ формъ и разнообразіе художественной мысли; работы относятся къ различнымъ эпохамъ; большая часть ихъ, позднѣйшаго періода, представляетъ ловко пригнанные къ формѣ сосудовъ разнообразныя фигуры животныхъ, какъ и подобныя же статуэтки Греціи ³¹⁾, Ольвіи, Керчи ³²⁾, также Ю. Италіи и пр. Также часто встрѣчаются сосуды въ формѣ головы, обыкновенно (изъ Ю. Италіи) женской, убранной; иногда и богини Афродиты, Керы и др., или же сатира, Эѳіона ³³⁾; пластическая форма этихъ сосудовъ представляетъ иногда антропо — или зоо — морфизацію самыхъ частей сосуда, — черту спеціально восточнаго происхожденія ³⁴⁾.

Въ Южной Италіи, подъ вліяніемъ пышнаго, буржуазнаго процвѣтанія греческихъ колоній на почвѣ варварской и темной, этотъ изящный родъ греческой Керамики развился въ оригинальный, но нѣсколько фантастическій характеръ. Таковы многочисленные между апулійскими и Калабрскими находками полихромные сосуды, въ натуральной формѣ или антропоморфической, украшенные въ систематическомъ порядкѣ на верхней своей части терр. статуэтками; иногда вазы представляютъ родъ колесницы, а фигуры, на ней помѣщенные, души умершихъ, совершающія переѣздъ черезъ море въ область блаженныхъ. Какъ сосуды эти и пластическія ихъ украшенія происходятъ изъ однихъ фабрикъ, такъ, очевидно, и самое производство пластики въ глинѣ было тѣсно связано (какъ и теперь) въ древности съ производствомъ горшечнымъ.

Но вопросъ объ этихъ фабрикахъ, ихъ издѣліяхъ, и, главное, принадлежности находокъ той или другой мѣстности, крайне теменъ и запутанъ. Извѣстно напр. слѣд.

³⁰⁾ Сюжеты: Афродита, держащаяся руками за свои груди, фигура съ чашею, обезьяна и пр. Происхожденіе позднее, время синкретизма языческихъ работъ. Въ Луврѣ и Брит. музеѣ.

³¹⁾ Изъ Оимбры, Stark, Orient, стр. 377. Древнѣйшій образецъ сосуда въ видѣ статуи жреца, держащаго газель на рукахъ, изъ Камироса, изданъ въ Rev. Archéol. 1862 pl. XVII, p. 266.

³²⁾ См. Древ. Босф. Кимм., табл. 63, 5. *Ашикз*, Б. царство, ч. III рис. 36; Отчетъ Арх. Комм. за 1870—1, табл. I, 1—4, 6, II, 4. Замѣчательный бюстъ коня въ Колл. Од. Общ. Ист. и Др.

³³⁾ Видъ лекиноевъ въ формѣ головъ Эѳіоновъ, чрезвычайно натуральныхъ и разнообразныхъ, съ о. Родоса, въ Луврѣ.

³⁴⁾ *Fröhner*, Anthropologie des vases grecs, въ Revue des deux Mondes. 1873. Mars, p. 223—261. Также *Birch*, S. History of ancient pottery. 1858. I, p. 31, 39, 201, 213 и пр. И особенно ст. *Bau*, Amerikanische Gesichtsvasen, въ Archiv für Anthropologie, VI B., 1873, p. 163 сл.

положеніе современной археологіи: если въ данной мѣстности сдѣланы значительныя находки издѣлій изъ матеріала грубаго и дешеваго какова, напр. глина, то смѣло можно заключать, что эти издѣлія представляютъ состояніе художества именно въ этой мѣстности и не могутъ быть предметомъ привоза, подобно издѣліямъ изъ металловъ и особенно такихъ, какъ напр. золото и серебро. И, однакоже, наша Ольвія прямо свидѣтельствуєтъ противоположное: ея большія глиняныя амфоры вмѣстѣ съ продуктами привозимы были съ о. Тазоса, Родоса и пр.; отчасти тоже самое можно сказать и о многихъ колоніяхъ береговъ Чернаго моря и городахъ соб. Греціи. Тѣмъ болѣе, могли быть предметомъ привоза мелкія терр. статуэткі, какъ бы ни было значительно число ихъ находокъ. Единственнымъ основаніемъ, по этому, можетъ служить: существованіе по историческимъ извѣстіямъ въ извѣстной мѣстности фабрики или доказательства ея существованія раскопками; далѣе, но только отчасти, близкое отношеніе издѣлій къ мѣстному культу и святилищу и, наконецъ особо многочисленныя находки даннаго производства. Но для того, чтобы прослѣдить эти условія, мы имѣемъ слишкомъ мало точныхъ данныхъ, такъ какъ находки терракоттъ были большею частію случайны, а раскопки некрополей нигдѣ не велись систематически, (кромѣ Этруріи и Юж. Россіи) самая важность подобныхъ разслѣдованій сознается только теперь. Мы сказали, что производство терр. статуэтокъ должно было исполняться на тѣхъ же горшечныхъ фабрикахъ, гдѣ работалась и домашняя посуда, и расписныя вазы, и предметы забавы и игръ.

Разница въ степени обжиганія (статуэткі, кажется, обжигались слегка, можетъ быть, высушивались на огнѣ, почему издають глухой звукъ и часто раскисаютъ въ земляныхъ гробницахъ) или качествѣ глины, употребляемой для сосудовъ (красная, особенно тонкая и мелко зернистая) и статуэтокъ (бѣловатая, изсѣрожелтая притомъ рыхлая и скважистая), не требуетъ, однакоже, чтобы мы, по этому различію, раздѣляли эти производства ³⁵⁾. Часто статуэтка служитъ крышкою сосуда ³⁶⁾, иногда частію другой утвари, напр. подставкою для лампы, въ видѣ юноши, держащаго свѣтильникъ; какъ

³⁵⁾ Какъ то дѣлаетъ Біардó I. с. стр. 95.

³⁶⁾ Упомянутая статуэтка изъ Смирны съ ушками, низъ которой обдѣланъ такъ, чтобы закрывать горлышко сосуда.

изображеніе божества, статуэтка помѣщается иногда въ особый глиняный храмикъ — *aediculum* ³⁷⁾, составляя съ нимъ обращикъ домашняго кіота. Область глинянаго производства въ древности, кромѣ крупныхъ сооруженій: каналовъ, водопроводовъ, колодцевъ, домовъ, капеллъ и проч., и всевозможныхъ издѣлій утвари домашней, храмовой и погребальной: лампъ, ³⁸⁾ сосудовъ, жертвенниковъ, урнъ и проч., обнимаетъ еще цѣлый рядъ издѣлій собственно художественныхъ: барельефы и фризы, украшавшіе древніе храмы, акротеріальные кирпичи съ барельефами, маски и прилѣпы, украшавшія гроба, такъ наз. *vota* или всякіе предметы и изображенія, дѣлавшіяся по обѣту, и проч. Между всѣми этими издѣліями статуэтка, какъ важнѣйшая, наиболѣе обширная среда, выделяются особенно, уже вслѣдствіе пластическаго характера греческаго искусства. Здѣсь уместно сказать о томъ взглядѣ на терракотты, какъ на исключительную принадлежность гробницъ, — взглядѣ, поведшемъ къ односторонней характеристикѣ самаго содержанія этой среды. Въ самомъ дѣлѣ, хотя наибольшая масса стат. извлечена изъ могилъ, но также значительныя ихъ находки сдѣланы въ святилищахъ разныхъ храмовъ, на мѣстахъ существованія горшечныхъ фабрикъ и проч. Мы знаемъ также, что мелкія подѣлки въ глинѣ служили символическою замѣною дѣйствительныхъ предметовъ, и кромѣ обѣтныхъ даровъ, назначались въ подарки домашнимъ, рабамъ, дѣтямъ на извѣстные праздники. Такого рода *sigilla* или *sigillaria* изъ глины и бронзы и *oscilla*, выдѣлывавшіяся въ мастерскихъ близъ Пантеона и термъ Траяна, дарились въ Римѣ на праздникъ Сатурналій съ 21-го и 22-го Дек. до 1-го Января, и между этими вещами были и куклы, и такіе же золоченые орѣхи и плоды, какъ и у насъ на святкахъ. Иного рода дѣло, что терр. статуйки получили, благодаря самому своему содержанію, значеніе также погребальнаго аксессуара, какъ *ἐναγίσματα νεκρῶν* — свидѣтельства любовнаго и религіознаго жертвованія умершимъ, и что это значеніе въ свою очередь, въ извѣстную эпоху, сильно вліяло на самые сюжеты терракоттъ.

³⁷⁾ У Грековъ, равно какъ и у Финикіянъ, Этрусковъ; храмикъ или надгробный памятникъ съ Гарпіями внутри, изъ Финикіи; храмикъ изъ Аѳинъ изд. *Le Bas Voyage en Grèce*, Mon. fig., pl. 43; *Daremberg et Saglio*, Dict. v. ara, fig. — 416, v. *aediculum*.

³⁸⁾ Нѣтъ нужды и трудно перечислить всѣ мелкія издѣлія домашней и иной утвари: инструменты для тканья, пряжи, кухни, игральныя кости и желуды, подвѣски различныхъ формъ для сѣтей и занавѣсокъ, марки и медали, такъ наз. *Sigilla* и пр.

Но если полное изученіе этой самостоятельной вѣтви греческой пластики должно стремиться къ тому, чтобы исчерпать ея внутреннее содержаніе, то оно не можетъ основаться иначе, какъ на историческомъ анализѣ ея. Эта вѣтвь должна была, какъ и самая монументальная пластика, пройти болѣе или менѣе всѣ фазы ея развитія, и то сближаясь съ нею, то отдаляясь, по своимъ задачамъ и потребностямъ, развиваться въ самостоятельную область. Ея исторія должна показать, въ какую именно эпоху искусства она развилась и процвѣтала, и въ какую, напротивъ того, умахалась и падала; вмѣстѣ съ этимъ, анализъ внутренняго содержанія этой среды долженъ выяснитъ, каковы были именно тѣ духовныя потребности, которыя вызвали распростра-неніе самаго производства. Распредѣленіе этого производства по странамъ и мѣстностямъ классическаго міра должно идти въ связи съ историческимъ развитіемъ. Ибо только этимъ путемъ свяжутся тѣ нити, которыя прядетъ искусство въ живомъ общеніи съ культурою каждой страны, мѣстности или города, и получаютъ смыслъ и значеніе отдѣльныя звенья и формы.

ОЧЕРКЪ ИСТОРИИ ТЕРР. СТАТУЭТОКЪ ПО МѢСТНОСТЯМЪ И СТИЛЯМЪ.

Успѣхи современной классической археологіи, несомнѣнно, были всего рѣшительнѣе въ анализѣ архаическаго періода греческаго искусства: вмѣсто эстетическихъ гаданій по темному тексту позднѣйшихъ классическихъ писателей, или по сомнительнымъ копіямъ архаическихъ памятниковъ, основою для этого анализа послужила теперь масса вновь открытыхъ произведеній древнѣйшаго греческаго и грековосточнаго искусства. И чѣмъ строже, чѣмъ научнѣе были добытыя данныя въ монументальномъ искусствѣ, тѣмъ сомнительнѣе становились всѣ прежнія заключенія археологовъ объ архаическихъ терракоттахъ.

Въ противность прежнему обыкновенію выставлать ихъ образцами древнѣйшаго стиля и искусства, выяснился окончательно тотъ безусловный фактъ, что архаизмъ этихъ работъ чаще всего есть дѣло традиціи, и видимая грубость иныхъ терракоттъ никакъ не можетъ быть отнесена къ примитивному состоянію художества.

Извѣстный по своимъ гипотезамъ ученый Панофка ³⁹⁾ находитъ напр. слѣдующія формы стилей въ терракоттахъ: древнѣйшій стиль, развитый, но еще строгій, прекрасный, древнеиталійскій, этрусскій и римскій. Въ настоящее время первый стиль придется подраздѣлить на: 1) собственно примитивный, 2) древневосточный и 3) архаическій чистый и архаистическій или подражающій стилю древнему. Напротивъ того, послѣдующія дѣленія сольются въ два: стиль изящный и стиль упадка, который имѣетъ въ извѣстныхъ мѣстностяхъ еще одну вѣтвь — варварскаго стиля.

Нѣтъ термина въ археологiи болѣе условнаго и неопредѣленнаго, какъ примитивный стиль: едва выражая характеръ произведенія, онъ еще менѣе обозначаетъ эпоху его происхожденія. Причина этого кроется столько же въ рѣдкости истинно примитивныхъ произведеній искусства, сколько въ привычкѣ злоупотреблять терминомъ. Очищая послѣдовательно исторію греческаго искусства отъ различныхъ эстетическихъ теорій, въ ней нажившихся, современная археологiя въ области классическаго искусства убѣдилась, что она не знаетъ ничего въ собственномъ смыслѣ примитивнаго: всѣ извѣстныя памятники собственной Греціи, переднеазіатскаго Востока, Сициліи и проч. уже отмѣчены извѣстною манерою, стилемъ ⁴⁰⁾, а главное разными вліяніями: если египетская манера оказываетъ это вліяніе только въ немногихъ пунктахъ или поздно, то ассири — вавилонскій или вообще восточный стиль характеризуетъ собою памятники древнѣйшаго греческаго искусства. Тѣмъ строже должно примѣнять этотъ взглядъ къ терракоттамъ, — сферѣ, въ которой подражаніе старинѣ имѣетъ такое широкое значеніе. Отсюда совершенно ошибочно называть ⁴¹⁾ примитивными напр. всѣ тѣ плоскія лепешкообразныя фигурки богинь на тронѣ съ полосами на головѣ, грубо выѣпленные, и напоминающія древнѣйшихъ идоловъ, рѣзанныхъ изъ досокъ, каковъ былъ напр. идолъ Геры (σάμης) въ Самосѣ. Еще болѣе прошло искусство стадій, для того, чтобы изваять затѣмъ фигуры божествъ съ атрибутами; грубо выраженные члены не

Терракотты
примитивнаго
стиля.

³⁹⁾ Terrac. d. Berl. Mus., p. V, VI.

⁴⁰⁾ Стиль и манера или извѣстная условность представленія обща самымъ первобытнымъ издѣліямъ рукъ человеческихъ.

⁴¹⁾ Какъ это дѣлаетъ напр. извѣстный Гёзей въ недавней статьѣ своей: *Recherches sur les figures des femmes voilées dans l'art grec*, въ *Monuments grecs publ. par la Société pour l'encouragement des études grecques*, 1876.

лишаютъ эти фигуры извѣстной величавости, и все представленіе божества εἰδρωος уже дастъ намъ религіозный типъ.

Тѣмъ не менѣе, мы находимъ въ Греціи терракотты чисто примитивнаго типа: таковы замѣчательныя находки на островахъ Архипелага (особенно Тэрѣ, Іосѣ, Паросѣ, Делосѣ ⁴²⁾, Наксосѣ, Аморгосѣ и пр.) и подобныя имъ въ Троѣ ⁴³⁾ и Микенахъ ⁴⁴⁾; болѣе развитыя формы представляютъ глиняные идольчики Танагры, Физбе, Мегары, Коринѳа и Аргоса вообще. Кромѣ того, ранѣе этихъ находокъ, Гергардъ ⁴⁵⁾ издалъ нѣсколько образцовъ «дедаловыхъ» идольчиковъ (по его мнѣнію, Геры) богини съ обильными локонами. Грубо обозначая фигуру человѣка и женское тѣло, эти терракоты расписаны красками также, какъ и древнѣйшіе сосуды Греціи, чаще краснокоричневою по простой глиня, иногда по сѣрому грунту; слегка обозначены руки; кружки на головѣ представляютъ серьги, на шеѣ ожерелье; сѣтчатая покрывка фигуры изображаетъ платье; на головѣ видна діадема. Фигуры эти представляются обыкновенно стоящими; сидящее положеніе оказывается для лѣпщика еще труднымъ, и чтобы выразить его, онъ выгибаетъ слегка фигуру, а сзади приклеиваетъ упоръ ⁴⁶⁾. Всѣ эти фигурки представляютъ женщину — и этотъ важнѣйшій пунктъ долженъ руководить насъ въ отысканіи смысла и значенія самихъ изображеній. Если бы предметъ ихъ принадлежалъ къ реальнымъ сюжетамъ, то легко встрѣтились бы вмѣстѣ съ ними и изображенія мужчинъ, мужскихъ упражненій ⁴⁷⁾, игръ и пр.; если же этого нѣтъ, значитъ, мы имѣемъ передъ собою представленіе божества, вообще, олицетвореннаго

⁴²⁾ Кромѣ изд. у Гергарда, Акад. Abh., табл. 44, особенно въ Брит. муз., Ленорманова фигурка изъ Тэры въ Arch. Anz. 1866 p. 294 со скрещенными руками. Стат. Брит. муз. въ фотогр. Томпсона, Catal. № 782 сл.

⁴³⁾ Примитивные идольчики изъ Трои, найд. Шлиманомъ, обыкновеннаго типа, изобр. въ его соч. Antiqu. troien. atl. pl. 20. Остальныя терр.: Астарта въ клубокъ таб. 125, головки драпир. фигуръ и пр. таб. 119, 147, 164, 166, 172, 173 относятся къ разряду позднѣйшихъ.

⁴⁴⁾ Находки терракоттъ въ Микенахъ и Тиринѣ, сдѣланныя Ленорманомъ и Шлиманомъ (Мукенае, табл. A—D), ограничиваются двумя типами: женскаго божества — какъ на Тэрѣ, съ локонами и грудями, грубѣйшей работы, и идольчиковъ коровы, которые, вѣроятно, относились къ древнему культу Іо-Геры.

⁴⁵⁾ Gesamm. Akad. Abhandl., II Abth. taf. 61. *Перванолу* въ Nuove Memorie del Inst. di Roma 1865 p. 74 сообщаетъ, что между терр. изъ Тегеи также встрѣчаются первобытные — «Дедаловы» идольчики.

⁴⁶⁾ Статуэтка въ Луврѣ изъ Мегары. Подобная, пестро размазанная фигура сидящей богини (на дифросѣ) изд. у Henzeu, Les fig. du Louvre pl. 17, fig. 2 — изъ Танагры, и болѣе развитыхъ формъ ib. fig. 4.

⁴⁷⁾ Бернулли, въ соч. Aphrodite p. 4 указыв. на колоссальную арханч. статую въ передней залѣ Брит. музея, какъ на изображеніе мушны (?).

въ женщинѣ. Пусть это будетъ представленіе основнаго и древнѣйшаго божества земли — матери и кормилицы, наглядное выраженіе первой философской идеи, ⁴⁸⁾ начала жизни, рожденія и плодородія, — все же, кому бы оно ни принадлежало — финикійскимъ ли поселенцамъ или Карійцамъ, какъ гадалъ Тиршъ, для его объясненія мы должны отъ культовъ собственной Греціи обратиться къ переднеазіатскому Востоку, и тамъ въ обоготвореніи высшаго женскаго божества (Астарты — Аллатъ — Алитта, Иштаръ, супруга сына жизни Адониса = Афродиты и вмѣстѣ Геры и Артемиды и пр.) искать прототипа этихъ идольчиковъ. Божество, въ нихъ представленное, еще не дифференцировалось по принципу греческой мифологіи, оно не снабжено никакими атрибутами, оно дастъ намъ лишь обожествленіе женщины, и въ этомъ лишь смыслъ должны мы понимать и всѣ атрибуты.

Вліяніе культовъ и художественныхъ образцовъ переднеазіатскаго Востока составляетъ и въ области терракоттъ архаическаго стиля древнѣйшій элементъ, и его изслѣдованіе является существенною задачею въ началѣ этого періода. Древнѣйшіе памятники этого рода принадлежатъ Кипру ⁴⁹⁾, Родосу ⁵⁰⁾, Финикіи ⁵¹⁾, отчасти Сиріи вообще и нѣкоторымъ мѣстностямъ Іоніи, Троѣ ⁵²⁾, о. Левкадіи ⁵³⁾, рѣже собственной Греціи, напр. Фивамъ ⁵⁴⁾, и всѣ относятся къ новымъ находкамъ. Въ числѣ этихъ терракоттъ, по большей части грубо исполненныхъ, встрѣчаемъ почти всѣ типы ре-

Архаическія
терр. статуэтки
восточн. стиля.

⁴⁸⁾ Это значеніе указывается формою бѣтила или необдѣланнаго аэролита, которому, видимо, подражаютъ статуэтки. Въ этомъ фетишѣ чтится божеская сила матери земли. Объ этомъ примитивномъ культѣ Востока, пелазгическихъ народовъ и племенъ Италіи см. соч. Бахофена, *Das Mutterrecht*, Tanakvil — Sage и *Gräbersymbolik*, и замѣчательную рецензію этихъ соч. О. П. Буслаева въ статьяхъ: Сравнит. изученіе народнаго быта и поэзіи, гл. VIII, IX въ Рус. Вѣстн. за 1873 г. № 1, и 1872 № 10; также Fr. Lenormant, *Le Déluge et l'épopée babyl.* 1873 стр. 25—9.

⁴⁹⁾ *Döll*, Joh. *Die Sammlung Cesnola. Mém. de l'Acad. Imp. des Sc. de St. P. VII-e Sér., t. XIX, № 4, Taf. XIV—XV*; *Antiquities of Cyprus*, phot. by Thompson, 1873, pl. 5—6. *Heuzey*, *Les figur. du Louvre*, pl. 6, 9, 10.

⁵⁰⁾ *Heuzey*, l. c. pl. 13 — идольчики Афродиты, а также группа Деметры и Керы. Также *Salzmann*, *Nécropole de Camiros. Journal des fouilles pendant 1858 et 1865. P. 1870 — 5, fol. 60 pl. photolith.* безъ текста. Другія стат. въ Луврѣ и Брит. музеѣ, находки З. въ Базелѣ.

⁵¹⁾ Въ Луврѣ, изд. Лонперье въ *Musée Nap. III*, также *Heuzey*, pl. 6, 8, 11.

⁵²⁾ *Штаркз*, *Nach d. gr. Orient* p. 164 относитъ финик. типа терр. изъ находокъ Шлимана въ Гиссарлыкѣ къ святилищу Аѳины Илии — богини луны.

⁵³⁾ Въ Брит. музеѣ, не изд.

⁵⁴⁾ Въ колл. Фр. Ленормана изъ Фивъ нѣсколько изображеній женскаго божества въ видѣ конуса или бѣтила; діадема или вѣнокъ съ дискомъ на головѣ.

лигіозной пластики Кипра, Родоса и Финикии; тѣ же формы, то же обиліе символическихъ атрибутовъ; важнѣйшіе принадлежатъ Кипру. Главный сюжетъ этихъ терракоттъ (какъ и въ большихъ идолахъ изъ известняка)⁵⁵⁾ есть опять изображеніе Афродиты — Астарты, великой богини матери, въ видѣ нагой женщины, держащейся обѣими руками за груди⁵⁶⁾, изъ сосковъ которой должна пролиться живительная влага неба на землю и питательное молоко для ея чадъ. Иногда идея матери кормилицы выражена яснѣе: на груди богини, охвативъ ее руками и ногами, виситъ ребенокъ и сосетъ грудь; богиня-женщина держитъ при этомъ въ правой рукѣ гидрію или кратеръ; различныя украшенія покрываютъ ее шею и грудь. Часто также на кипрскихъ и финикійскихъ⁵⁷⁾ терракоттахъ является атрибутомъ богини голубь, въ одной статуэткѣ изображенный даже у груди богини; рѣже и при болѣе развитыхъ формахъ, видимъ въ рукахъ ея цвѣтокъ. Иногда богиня сидитъ на тронѣ и держитъ ребенка — типъ уже очень близкій къ изображенію богини «куротрофосъ» — кормилицы, которое мы такъ часто встрѣчаемъ въ терр. позднѣйшихъ. Многія изъ подобныхъ фигурокъ исполнены въ египетской манерѣ⁵⁸⁾. Специально египетскою манерою, хотя финикійскими сюжетами⁵⁹⁾, отличаются терр. Родоса, тоже повидимому, привозныя; какъ и въ кипрскихъ терр. фигуры отличаются художбою, рѣзко выступающими чертами овала, угловатыми плечами; одежда — двойной греческій хитонъ; руки у сидящихъ фигуръ положены на колѣна.

Но, кромѣ этого опредѣлившагося типа древняго женскаго божества, встрѣчаемъ въ трехъ описанныхъ мѣстностяхъ цѣлая серія архаическихъ терр. иного содержанія, именно реальныхъ сюжетовъ, и между ними важнѣйшій и наиболѣе обширный

⁵⁵⁾ Главныя колл. въ Лувръ и Брит. музеѣ. Замѣчательное собраніе принадлежитъ музею Одесск. Общ. Ист. и Древн.

⁵⁶⁾ Есть фигурки въ позѣ Венеры Медичейской, несомнѣнно, первобытнаго типа. Онѣ показываютъ, что известное положеніе ея рукъ возникло прежде всего съ опредѣленнымъ мифологическимъ значеніемъ и только въ позднюю эпоху мотивировано психически.

⁵⁷⁾ Замѣтимъ, между прочимъ, что терр. Кипра и Финикии, кромѣ общихъ сюжетовъ, сдѣланы и изъ одинаковой глины, и, м. б., происходятъ изъ одной мѣстности, вѣроятно, финикійской. Глина красно-коричневая, покрыта красною краскою.

⁵⁸⁾ Въ Брит. музеѣ нѣсколько десятковъ такихъ терр. съ Кипра.

⁵⁹⁾ Одна терр. изображающая Афродиту, съ Родоса, въ Брит. музеѣ, совершенно тождественна съ Финик., изданною Лондерье, Musée Nap. III, pl. XXVI, livr. 19.

циклъ явно относится къ культу вообще. Главныя фигуры между ними представляють жрецовъ и жриць ⁶⁰⁾ иногда увѣнчанныхъ, съ атрибутами божествъ, которымъ они служили съ подносами въ рукахъ, или же съ музыкальными инструментами: бубнами, цистою и пр., сосудами и чашами въ рукахъ (между прочимъ, въ типѣ «каменныхъ бабъ»), плодами и т. д.; особенно многочисленны между ними флейтшики и флейтшицы — изображенія, повторявшіяся въ эту эпоху и въ крупной пластикѣ, а въ терр. до позднѣйшихъ временъ. Нерѣдко эти фигурки исполнены по грудь на конусообразной подставкѣ, изъ которой онѣ поднимаются: всего вѣроятнѣе, что эти конусы имѣютъ отношеніе къ коническимъ идоламъ Афродиты Пафосской. Уже позднѣйшія работы вносятъ въ эту среду типы Сиренъ, играющихъ на флейтѣ, Гарпій и пр. Египетская манера сказывается въ этихъ терр. разными деталями, прическою, типомъ головы и т. д.

Напротивъ того, собственно реальные сюжеты взяты исключительно изъ жизни мужчины, его воинственныхъ и иныхъ упражненій: таковы грубыя фигурки воиновъ со щитами ⁶¹⁾ всадниковъ, колесничниковъ и стрѣлковъ. Одна грубая подѣлка представляетъ нишу, надъ которою начерченъ дискъ и опрокинутый рогъ луны; внутри фигура въ конической шапкѣ занята какими то хозяйственными работами. Рѣже сюжеты, относящіеся къ культу погребальному: возлежація мужскія фигуры съ чашею, или пиръ: одинъ изъ участвующихъ ласкаетъ собаку, другой обнимаетъ женщину ⁶²⁾; или же двѣ женщины — мать и дочь — изображены въ сценѣ нѣжнаго прощанія, рядомъ съ ними ребенокъ, — все это только зародыши разрастающейся впоследствии сферы. Насколько, затѣмъ этотъ циклъ восточныхъ произведеній близокъ уже къ чисто греческому искусству архаической эпохи, видно изъ тѣсной связи съ архаическими терр. собственной Греціи ⁶³⁾.

⁶⁰⁾ Въ святилищѣ Идалиума на Кипрѣ найдены массы ихъ изображеній, это vota или обѣтныя приношенія. См. изданія Дѣля, фотогр. Томпсона и пр. *passim*. См. Финик. терр. у Лонперье I. с. pl. 23.

⁶¹⁾ Многія сняты въ изд. г. Дѣля, фотогр. снимкахъ Томпсона въ собраніи Чеснолы, также въ *Gaz. Arch.* 1878, p. 108, 109. Грубѣйшей работы. Характерныя примѣты — коническая каска и круглый щитъ.

⁶²⁾ Изъ Амрита въ Финикии. Лувр. колл. Ренана.

⁶³⁾ Эта связь обнаружилась, понятно, только тогда, когда взаимнѣй единственныхъ прежде обрачиковъ архаизма изъ Ю. Италіи въ сороковыхъ годахъ добыты были извѣстные глиняные барельефы о. Мелоса, грубыя терр. изъ Афинъ и Самоса, под. такимъ же мраморнымъ фигуркамъ изъ могилъ Пароса, Иоса, Наксоса и Теры. См. примѣч. Велькера (по Россу) къ ч. I, § 72 руководства К. О. Миллера *Hdb. d. Arch.* 1848.

На островѣ Эгипѣ и въ Аѳинахъ, въ отдаленной Пантикапее и Сициліи, въ Пестумѣ и Книдосѣ, — повсюду встрѣчаемъ мы тождественное или сходное изображеніе женскаго божества, сидящаго на высокомъ тронѣ, съ атрибутами культа въ рукахъ — патерою, цвѣткомъ или голубемъ, гранатою и пр., съ высокимъ модіусомъ (полосъ, калатосъ, смотря по высотѣ этой корзины) на головѣ въ торжественно неподвижной позѣ, и въ архаическомъ условномъ типѣ. Божество это дифференцировалось: по его атрибутамъ различаемъ въ немъ (хотя гадательно) греческую Деметру или Геру, Афродиту или Кору. Иногда архаизмъ намѣренно воспроизводитъ грубыя формы древнѣйшихъ идоловъ съ ихъ обильными украшеніями, иногда онъ уступаетъ мѣсто пластическому развитію формъ. Стоящія фигуры того же божества съ цвѣткомъ и голубемъ тѣснѣе усвоены Афродитѣ и до позднѣйшаго времени сохраняютъ типъ, опредѣленный кипрскими скульптурами.

Именно здѣсь выставляется наиболѣе рельефно традиціонный характеръ народнаго религіознаго искусства, и было бы совершенно напрасно стараться опредѣлить время происхожденія этихъ издѣлій: одни изъ нихъ легко могутъ восходить до древней эпохи архаическаго искусства VІІ—VІІІ стол., другія должно отнести къ IV или даже III стол. и позднѣе, каковы напр. фигуры Астарты изъ Пантикапеи, Деметры изъ Пестума. Городокъ Тегея въ юговосточной Аркадіи — этой глухой горной провинціи, одинъ доставилъ до полутора тысячъ идольчиковъ грубѣйшей работы. Между терракоттами, находимыми въ теменосахъ святилищъ (участкахъ) и развалинахъ извѣстныхъ храмовъ, чаще встрѣчается архаическій типъ, чѣмъ между гробничными находками; таковы напр. терракотты изъ храма Деметры въ Галикарнассѣ ⁶⁴⁾, изъ Книдоса, того же Пестума ⁶⁵⁾ и многихъ мѣстностей Сициліи и Южной Италіи; въ соотвѣтствіи съ архаическимъ типомъ оказывается и ихъ статуарный характеръ, онѣ снабжены большимъ, въ нѣсколько ступеней, пьедесталомъ.

⁶⁴⁾ Newton, History of discov. in Halicarn., Cnidos etc. 330, атласъ pl. 46—47. Голова Персефоны въ видѣ сосуда строгаго типа ib. p. 124. Афродита изъ Книдоса, pl. 60.

⁶⁵⁾ Изд. Гергардомъ, Ant. Bildw. Taf. 95—99. Именно эти терр., открытыя во множествѣ въ Пестумѣ въ 1824 г. (въ нѣкоторыхъ покоехъ около храма Деметры б. навалены цѣлыя ихъ кучи, какъ складъ votивныхъ приношеній) обратили вниманіе археологовъ на значеніе глин. издѣлій для исторіи искусства и особенно для древнѣйшихъ религіозныхъ идей.

Наиболѣе чистый архаическій типъ представляютъ статуэтки, найденныя на островахъ Архипелага ⁶⁶⁾, далѣе въ Аргосѣ, Аѣинахъ ⁶⁷⁾, на островѣ Эгинѣ (архаич. стат. Деметры и Керы), въ особенности въ древнихъ городахъ Аргоса, Коринѣ, Сикіонѣ и Мегарѣ ⁶⁸⁾. Развитое уже, но подражательное искусство останавливается преимущественно на отдѣлкѣ деталей, мелкихъ складокъ въ драпировкѣ, симметричныхъ завитковъ волосъ, тонкой раскраски по грунту (примитивныя терр. раскрашивались изъ самой глины) съ соблюденіемъ древнихъ обычаевъ пластики (краснокоричневая окраска тѣла, какъ въ Этрусскихъ и кипрскихъ издѣліяхъ изъ глины). Напротивъ того, позднѣйшій архаизмъ терракоттъ Южной Италіи, Сициліи и колоній береговъ Чернаго моря отличается небрежностью и поверхностной отдѣлкою фигуръ. Но тѣ и другія, видимо, копируютъ общій образецъ: древнихъ рѣзныхъ изъ дерева идоловъ; отсюда — положеніе рукъ, прижатыхъ къ тѣлу; крайне длинные пальцы рукъ и ногъ представляютъ просто продольныя нарѣзки; тронъ, выкрашенный красною краскою, украшенъ цвѣтными же полосками; на діадемахъ обозначены драгоценныя камни; одежда испещрена украшеніями, наиболѣе удобными для рѣзьбы на деревѣ: зигзагами, полосками, кружочками, овалами, наполнявшимися тоже краскою.

Тотъ же традиціонный пошибъ повторяется и въ основныхъ сюжетахъ ⁶⁹⁾: женское верховное божество, ближайшее къ человѣку, къ жизни, съ ея горемъ и радостями, представляется въ сакральной торжественной позѣ; нагота уступаетъ мѣсто пышнымъ, длиннымъ одеждамъ, наивное выраженіе физическаго начала смѣняется церемониальною обстановкою установившагося культа. Но тѣмъ значительнѣе эта сила преданія,

⁶⁶⁾ Съ острова Самоса: Гера и Зевсъ, Overbeck, Нера р. 25; съ о. Калимны — архаич. стат. Аполлона въ конич. шапкѣ въ Брит. музеѣ. Нѣкоторыя въ музеѣ Ирины въ Константинополѣ, см. Rev. Arch. 1868, р. 243. Особенно много терр. найдено на о. Калимнѣ (нынѣ въ Брит. муз. всякихъ эпохъ).

⁶⁷⁾ Извѣстныя статуэтки Аѣины, изд. Штакельбергомъ (какъ и все у него, подрисованы): Die Gräber d. Hellenen, т. 57, и новыя находки на акрополѣ, н. въ Муз. Арх. Общ. въ Варвакіонѣ.

⁶⁸⁾ Лучшіе образцы изъ Аргоса, Коринѣа и Мегары до 10 экз. находятся съ недавняго времени въ Луврѣ. Изъ нихъ статуэтки Афродиты изъ Коринѣа отличаются богатою драпировкою; пока не изд.

⁶⁹⁾ На множество статуэтокъ богинь, лишь какъ исключеніе, приходится нѣсколько изображеній мужскаго божества. Такъ, мы встрѣтили лишь одну статуэтку Аполлона (въ Брит. музеѣ съ о. Калимны, гдѣ въ древности уже развился его культъ), тогда какъ монументальное искусство архаической эпохи особенно занималось его изображеніемъ въ бронзѣ, мраморѣ и пр., въ связи съ атлетическими сюжетами, которыхъ въ эту эпоху въ области терр. не находимъ вовсе, а позднѣе встрѣчаемъ въ немногихъ примѣрахъ.

управлявшего народнымъ искусствомъ, что терракотты эти, видимо, тянутся до конца IV вѣка, т. е. среда эта подчинялась традиціи даже тогда, когда греческое искусство стояло уже на высочайшей ступени совершенства. И хотя систематическія раскопки гробницъ въ собственной Греціи можно считать почти только начавшимися, однакоже напередъ можно предполагать, что и послѣдующія сткритія терр. не принесутъ намъ особенно много образцовъ того строгаго стиля ⁷⁰⁾, которымъ характеризуется древняя аттическая школа эпохи V столѣтія. Причины и значеніе этого обстоятельства вскроются впоследствии.

Масса терр. статуэтокъ, полное изслѣдованіе которой превышаетъ силы одного человѣка, принадлежитъ эпохѣ *изящнаго* стиля въ греческомъ искусствѣ, обозначаемой въ его исторіи именами Скопаса, Праксителя съ ихъ обширными школами. Мы встрѣчаемъ здѣсь произведенія самыхъ разнообразныхъ мѣстностей древнегреческаго міра, отъ отдаленныхъ странъ Малой Азіи и колоній береговъ Чернаго моря черезъ всю Грецію до Сициліи и Кампаніи, и сѣверной Африки включительно. Хотя, при этомъ, производство глиняныхъ статуэтокъ по прежнему сосредоточивается въ извѣстныхъ мѣстностяхъ, около чтимыхъ святилищъ, однакоже усилившееся общеніе странъ и городовъ древняго міра настолько содѣйствуетъ обмѣну типовъ и сюжетовъ въ вѣдствіе самаго привоза и вывоза этихъ издѣлій, что, не смотря на разбросанность памятниковъ, они составляютъ въ общемъ уже цѣльную массу, съ яснымъ характеромъ единства въ направленіи и содержаніи.

Обзоръ мѣстностей, представившихъ терр. находки, приходится начать опять таки съ восточныхъ областей греческаго міра, ибо именно тамъ является чаще и наибольшая чистота изящнаго стиля, и имъ же, главное, принадлежитъ тѣсная связь съ предыдущею эпохою.

Такъ, на Кипрѣ находимъ ⁷¹⁾ рядъ древнихъ сюжетовъ, воспроизведенныхъ совершеннымъ искусствомъ: это почти исключительно женскія божества; Афродита,

⁷⁰⁾ Единственный образецъ чистаго Фидіевскаго стиля въ терр. мы встрѣтили въ полу-фигурѣ Аѳины, въ двойномъ безрукавномъ хитонѣ; изъ Аѳинъ, въ Брит. музеѣ. Напротивъ того, прекрасныя статуйки и головки Аполлона, Эфебовъ и пр., находимыя въ Керчи, Ольвіи и Ю. Италіи, съ легкимъ отбѣнкомъ архаизма въ типѣ лица и волосахъ, относятся къ подражательному архаизму временъ Стефана и Менелая.

⁷¹⁾ Въ Луврѣ и особенно въ Брит. музеѣ. См. Heuzey, l. c. pl. 16.

Деметра и Кора съ ихъ атрибутами, и первая иногда представляется еще съ ребенкомъ на колѣняхъ, держа въ рукахъ цытовъ. На мраморъ же, лавъ и на гипсъ, найдены въ большемъ количествѣ изящныя, отличной отдѣлки, фигуры комиковъ, уродцевъ, лысыхъ стариковъ, брюхатыхъ человѣчковъ, волосатыхъ силеновъ, развлекающихся неприличными позами и тѣлодвиженіями, и прелестныя фигурки женщинъ и дѣвицъ въ роскошной драпировкѣ, которыя мы встрѣтимъ въ колоніяхъ береговъ Чернаго моря. Среди сюжетовъ погребальнаго культа замѣтимъ фигуры дѣтей, играющихъ сидя съ птичками ⁷²⁾ и загадочныя изображенія женщины горюющей, сидя на землѣ.

Переходя, затѣмъ, на почву собственной Греціи, исторія терр. становится въ то же положеніе, въ какомъ находится исторія вазовой живописи: сравнительная бѣдность добытаго матеріала, а главное, его неопредѣленность ⁷³⁾, не позволяютъ пока положительныхъ заключеній. Доселѣ, кромѣ Аѣинъ ⁷⁴⁾ съ ихъ любопытными архаическими идольчиками, Тегей (терр. разныхъ эпохъ и традиціонные типы, поздне-небрежнаго стиля), Герміоны (въ Арголидѣ, одна стат. въ собраніи Лекюйе — Панкратіастъ комическаго типа), Коринѣа съ прекрасными, но пока немногими статуэтками, (между ними драпированныя же статуэткі), Феспій, Физбе, Фимбры и пр., главныя находки были сдѣланы только въ Бѣотіи: Фивахъ ⁷⁵⁾, Мегарѣ ⁷⁶⁾, Левадіи, особенно въ Танагрѣ ⁷⁷⁾. Терракотты этого богатаго и торговаго города плодородной Бѣотіи, добываются съ 1872—73 года въ замѣчательномъ обиліи (всего открыто нѣсколько тысячъ статуэтокъ въ 6—8 тыс. гробницъ) и отличаются удивительной

⁷²⁾ Подобныя же статуи изъ мрамора и известняка въ дюжинѣ репликъ, въ Луврѣ.

⁷³⁾ Такъ коллекціи терр. въ Аѣинахъ: Музея Арх. Общ., Комноса и пр. собраны изъ разныхъ мѣстностей и не описаны даже по составу своему. Въ изд. Henzeу табл. 21, 27 помѣчены общимъ терминомъ: Греція.

⁷⁴⁾ Стат. изд. въ соч. Штакельберга: Die Gräber der Hellenen. Въ частныхъ коллекціяхъ встрѣчаются и реального содержанія стат.: напр. фиглярка, продѣвающая свое тѣло въ кругъ.

⁷⁵⁾ Терр. Луврскаго музея, привезены Фр. Ленорманомъ.

⁷⁶⁾ Много гидрофоръ, привезены имъ же. Изъ Левадіи одна стат. изд. у Henzeу l. c. pl. 34.

⁷⁷⁾ Литературу Танагр. терр. см. выше. Коллекціи ихъ находятся въ Луврѣ, въ отдѣлѣ Муз. Кампаны и б. Нап. III, также въ Брит. и Берлин. музеѣ, Аѣин. А. О., у частныхъ лицъ въ Парижѣ, Аѣинахъ (русс. посланника Сабурова), гр. Пурталеса въ Берлинѣ, Имхофъ — Блюмера въ Винтертурѣ, немного въ Вѣнѣ и пр. Колл. О. Рэе недавно распродана на аукціонѣ, и высокія цѣны, за которыя пошли статуэткі, показываютъ, что мода на нихъ еще держится и до сихъ поръ.

сохранностью, доходящей до того, что иногда раскраска фигуръ, при вскрытіи каменныхъ туфовъ и гробницъ, оказывается совершенно свѣжею; въ настоящее время некрополь Танагры уже значительно истощился. Въ отдѣлѣ произведеній древняго искусства въ Трокадеро на Пар. выст. нынѣшняго года эти терр. играли самую блестящую роль. Дѣйствительно, на ряду съ статуэтками Іоніи, Керчи и Тамани, эти чисто художественныя издѣлія изъ глины, представляютъ небывалое въ исторіи художественныхъ ремеслъ мастерство лѣпки и моделировки; силу экспрессіи и живую характерность типовъ; эффектность, виртуозность, погубившія монументальную пластику, наоборотъ, придали въ этой средѣ особую прелесть мелочному художеству; мы видимъ, какъ высокіе результаты, добытые мастерами въ бронзѣ и мраморѣ, растрачиваются здѣсь широкою рукою. Кромѣ немногихъ и однообразныхъ архаическихъ типовъ ⁷⁸⁾ статуэтки Танагры представляютъ изящный стиль второй половины IV и изрѣдка начала III стол. Сюжеты ихъ также немногосложны: кромѣ многихъ изображеній Гермеса (особо чтившагося въ Танагрѣ) и Афродиты съ Эротомъ, — они относятся почти исключительно къ области *жанра*, т. е. это все — разнообразные реальные сюжеты, но преимущественно изъ женской сферы ⁷⁹⁾ и богатыя мотивами «драпированныя» женскія фигуры (ниже).

Тоже разнообразіе и остроуміе сюжетовъ отличаетъ собою терракотты городовъ Іоніи, Пергама, Смирны, Эфеса, Милета, Милоса, — извѣстная въ торговлѣ вообще подъ именемъ «смирнскихъ» а также нѣкоторыхъ мѣстностей внутренней М. Азии и острововъ Архипелага. Эти малоазійскія терракотты относятся, по большей части, уже къ эпохѣ III ст. до Р. Х. ⁸⁰⁾ и воспроизводятъ, видимо, стиль лизипповой школы: удлиненныя пропорціи, маленькія головы, страстность движеній и общее стремленіе къ эффекту. Сюжеты и самое исполненіе ихъ близки къ монументальной скульптурѣ; ихъ содержаніе не представляетъ той интимной среды, которая столь характерна между терр. Танагры, почти нѣтъ жанра, и богатство мифологическихъ типовъ явно

⁷⁸⁾ Бенндорфъ въ указ. ст. полагаетъ ихъ періодъ лишь въ нѣсколько десятилѣтій. Henzeу pl. 11, 27.

⁷⁹⁾ Между мужскими фигурами часто встрѣчаются статуэтки воина въ шлемѣ, см. Gaz. Archéolog. 1878 p. 117 pl. 21.

⁸⁰⁾ Gaz. d. b. A. 1878, p. 382.

указываетъ на зависимость терракоттъ отъ мѣстныхъ святилищъ. Въ самомъ дѣлѣ, на обширное производство терракоттъ въ святилищахъ Книдоса упоминается у Лукіана ⁸¹⁾, а англ. археологу Ньютону безъ большихъ поисковъ удалось открыть въ этомъ городѣ и въ Галикарнассѣ много статуэтокъ, изъ которыхъ выдается особенно отдѣль «гидрофоръ» — дѣвъ святилища, носившихъ воду изъ источниковъ въ храмъ въ положенные дни. Изъ Смирны привозятся лучшія статуэтки «драпированныхъ женскихъ фигуръ» и изображенія Афродиты (Анадіомены и другихъ типовъ), и добыты типы Геракла и Омфалы, Артемиды, Папа (?), Кибелы, Эрота и пр. Трудно было бы также указать среди островныхъ находокъ что нибудь болѣе изящное и лучше исполненное, какъ тѣ маленькія статуэтки съ о. Милоса, которыя изображаютъ уродцевъ въ мѣховомъ хитонѣ, съ неприличнымъ жестомъ, или брюхатаго человѣчка въ воинственномъ костюмѣ, или паразита и комика, иногда въ роли «педагога» раба, занятого укачиваніемъ ребенка. Изъ другихъ мѣстностей Іоніи и острововъ происходятъ обратившія на себя вниманіе на Пар. выставкѣ любопытныя комическія фигуры и гротески, напр. статуэтки уличнаго торговца, фигляра, площаднаго крикуна и пр., — каррикатуры натуралистическаго характера. Такимъ же оригинальнымъ изяществомъ отличаются и статуэтки танцовщицъ съ о. Митилене. Случайное открытіе фабрики терр. издѣлій въ Тарсосѣ въ Киликіи ⁸²⁾ доставило замѣчательную коллекцію разнообразныхъ и высокохудожественныхъ статуэтокъ ⁸³⁾; по богатству мысли, красотѣ и типичности онѣ смѣло могутъ равняться съ издѣліями Танагры, но онѣ имѣютъ то преимущество, что между ними много любопытныхъ мифологическихъ типовъ. Прекрасныя фигуры Афродиты представляютъ высокохудожественные мотивы, напоминающіе Праксителя и блестящую эпоху греческой живописи: богиня въ этихъ изображеніяхъ обнажена уже, но это нагота Афродиты Анадіомены, выжимающей свои волосы, и

⁸¹⁾ Amores § 11.

⁸²⁾ См. соч. *Barker and Ainsworth. Cilicia ant its governors. 1865, p. 153—261.* Также *Langlois: Voyage dans la Cilicie. P. 1861. 28 pl. Froehner, Musées de France, терр. Таркоса.*

⁸³⁾ Много стат., перечисленныхъ въ указ. соч. Баркера, за исключеніемъ тѣхъ, которыя представлены въ рисункѣ, всѣ опредѣлены не точно, а иныя даже нелѣпо: Коммодъ, Мессалина, Сивилла, бардъ, даже Леандръ, переплывающій Геллеспонтъ, или изображеніе Тартара, — таково толкованіе сюжетовъ. Для нашего руководства служила самая коллекція (отъ 1853 г.) Ланглуа въ Луврѣ.

нижняя часть тѣла ея обута гиматіемъ; или богиня изображается послѣ купанья въ позѣ Книдской статуи, или она же, въ присутствіи бога любви, отводитъ свое покрывало, обнажая свои прелести. Фигуры Эрота отличаются и разнообразіемъ мотивовъ, и прекрасною работою: юный богъ Праксителява типа или рядится въ доспѣхи Геракла, или украшается атрибутами Діониса. Между статуэтками находимъ прекрасный типъ Аполлона: взоры бога вдохновенно устремлены къ небу, или онъ пребываетъ въ покоѣ въ извѣстномъ типѣ «отдыхающаго» Аполлона. Почитаніе въ Тарсѣ Геракла выразилось въ обилии терр. его изображеній, въ которыхъ легко отгадать вольныя подражанія извѣстнымъ произведеніямъ скульптуры. Затѣмъ слѣдуютъ Аѳина, Гермесъ, и Геліосъ, Юпитеръ и Гера, Діана, Панъ и Ганимедъ, граціозный юноша, который, припавъ на колѣно, отбивается отъ орла и пр. Но особенно богатъ выборъ головокъ: Эѳіоповъ, макрокефаловъ, уродовъ и просто харь, чрезвычайно характерныхъ, и отлично выполненныхъ, напоминающихъ рисунки Леонардо да Винчи; а также фигурокъ животныхъ: львовъ, пантеръ, лебедей, орловъ и т. д.

Итакъ цѣльность общаго содержанія, при этомъ разнообразіи типовъ и замѣчательная чистота стиля и изящная отдѣлка, указывающая, что на производство терракотъ смотрѣли, какъ на важную художественную область, и что имъ занимались хорошіе художники, — таковы черты, отличающія собою малоазійскія терр. статуэтки, какъ ни мало доселѣ ихъ число и ни случайно обозначены самыя мѣста находокъ.

Тѣмъ любопытнѣе для насъ двоякая близость какъ къ греческимъ, такъ вмѣстѣ и іоническимъ образцамъ, богатыхъ находокъ, которыми не даромъ славятся некрополи нашей Пантикапеи и греческихъ поселеній на Таманскомъ полуостровѣ, основанныхъ выходцами іоническихъ городовъ. Надо думать также, что тщательное изслѣдованіе некрополей (т. е. особенно сплошныхъ могильныхъ насыпей) и другихъ колоній, какъ-то: Ольвіи, Танаиса, Тираса, и пр. доставитъ со временемъ также извѣстный контингентъ этого рода находокъ ⁸⁴⁾. Терракоты Пантикапеи, города мно-

⁸⁴⁾ Терракоты Ольвіи извѣстны (изд. графомъ Уваровымъ въ его *Recherches sur les antiqu. de la Russie méridionale* 1861, pl. XVIII, XIX, XXI), но не многочисленны, конечно, поэтому, что некрополь Ольвіи еще

голюднаго, долго процвѣтавшаго, представляютъ такую полноту стилей, сюжетовъ и типовъ, что восполняютъ значительно самую бѣдность находокъ іоническихъ и аттическихъ и заслуживаютъ вполне особаго разсмотрѣнія. Между архаическими типами напр. излюблено въ этой мѣстности изображеніе Астарты, культъ которой оживленъ былъ (по Кёне, 1. с. р. 216 со врем. Перисада I) въ позднюю эпоху иранскимъ племенемъ, избравшимъ греческій городъ резиденціею могущественнаго царства; это изображеніе любопытно своимъ традиціоннымъ типомъ, который находитъ себѣ аналогію только въ фигурахъ этого божества изъ Финикіи и Сиріи⁸⁵). Къ этому восточному божеству примыкаютъ, затѣмъ, и Кибела, и культъ Пріапа и Афродиты, съ чертами, явно свидѣтельствующими о заносахъ изъ Малой Азіи, Іоніи и Понта; въ чистомъ архаическомъ типѣ погрудные идолы Керы и Деметры, статуэтки богини Куротрофосъ на тронѣ и пр. Въ изящномъ стилѣ исполнены великолѣпныя статуэтки Афродиты, и особенно разнообразны типы женскихъ фигуръ (т. наз. драпированныхъ), которые такъ близки къ сюжетамъ и типамъ терр. Греціи, что сами говорятъ за общій свой источникъ. И реальные сюжеты, и типы изъ области погребальнаго культа, разнообразны и богаты мотивами: извѣстны многочисленные статуэтки и группы дѣтей съ животными, разные типы Эрота, группы Амура и Психеи и пр. Выборъ комическихъ типовъ актеровъ, масокъ и пр. отличается замѣчательнымъ изяществомъ и живостью изображенія, особенно въ курганныхъ находкахъ Керчи и Таманскаго пол., а оригинальность всего цикла подобныхъ представлений указываетъ на характерныя бытовыя и религіозныя стороны жизни этихъ колоній. Вообще въ исторіи терракоттъ, Пантикапея играетъ тѣмъ болѣе видную роль, что мы знаемъ здѣсь обстоятельно самыя условія и обстановку этихъ мелкихъ древностей въ гробницахъ⁸⁶) чисто греческаго характера (IV — III в.): статуэтки клались

мало разслѣдованъ. Это большею частію головки, часто замѣчательной красоты; нерѣдко архаическаго стиля, иногда мифологическихъ фигуръ, чаще индивидуальныхъ, особенно молодыхъ дѣвушекъ. Драпированныя статуи поздней работы. Интересны: изображенія умершаго на одрѣ и умершей молодой женщины, ib. pl. XVIII, 6 и XXI, 1. Изъ другихъ мѣстностей знаемъ только терракотты изъ Феодосіи, добытыя при раскопкахъ кн. Сибирскаго. (Замѣтка въ соч. Кёне «Музей кн. Кочубея», т. I, стр. 274, прим. 6; Др. Б. Ким., т. 70, 1). Въ Феодосійскомъ музеѣ, кромѣ мелкихъ фрагментовъ, находится прелестная статуя Аполлона. Лучшими образцами изъ Ольвіи, сколько мы знаемъ, владѣетъ музей Одес. Общ. Ист. и Др., и изъ нихъ мы издаемъ въ рис. три замѣчательныя терракотты.

⁸⁵) См. изображеніе Астарты на прилож. табл. I, 1.

⁸⁶) Существующее въ Керчи мнѣніе, что статуи находятся преимущественно въ дѣтскихъ могилахъ, обобщаетъ факты, относящіеся къ позднѣйшей эпохѣ, а именно къ III вѣку.

обыкновенно вмѣстѣ съ глиняною посудою, въ ногахъ умершаго, или по бокамъ его, по одной, по двѣ и по три сразу. Изящные, раскрашенные или позолоченные медальоны Медузы (Горгонейоны), розетки, пальметты съ нѣжною голубою окраскою, маленькіе барельефы съ изображеніемъ Персидской Артемиды, Беллерофона съ Химерою, маски сатировъ, Діониса, Геліоса и пр., наконецъ, лѣнные фризы со сценами избіенія Ніобидъ, покрываютъ въ эту эпоху рѣзные изъ дерева саркофаги и гробы. Съ появленіемъ стеклянной посуды статуэтти, и вмѣстѣ съ ними глиняные лекины исчезаютъ совсѣмъ, за исключеніемъ позднѣйшихъ типовъ Тихе, Нике, Гарпократа, Пріапа, гермъ масокъ и Пана, Сатира, Горгоны и пр., являющихся уже въ небрежномъ стилѣ упадка. Совершенно особый классъ, также весьма обширный, представляютъ терракотты, извлекаемыя изъ катакомбъ и гробницъ эпохи Рождества Христова (I в. до Р. Х. и до II в. по Р. Х.), и относятся уже къ варварскому отдѣлу пантикап. стат., который заслуживаетъ особаго разсмотрѣнія,

Напротивъ того, терракотты, добытыя изъ кургановъ (и рѣдко сплошныхъ могильныхъ насыпей) Таманскаго пол. принадлежатъ почти исключительно къ лучшей эпохѣ греческаго искусства: эротическіе сюжеты, фигуры комическихъ актеровъ и гротески, — таково немногосложное ихъ содержаніе; виртуозное исполненіе ихъ, вмѣстѣ съ остроуміемъ сюжетовъ, приближается болѣе къ іоническимъ образцамъ, тогда какъ пантикапейскія драпированныя фигуры — родныя сестры изящнымъ терракоттамъ Танагры и Аттики.

Къ тому же изящному стилю относятся террр. стат. изъ Киренаики въ Африкѣ ⁸⁷⁾ часто прекрасной работы и отдѣланныя рѣзцомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ любопытнаго типическаго содержанія, даже въ позднѣйшихъ небрежныхъ подѣлкахъ: нагая Афродита за туалетомъ, Эротъ, ребенокъ Гермесъ и прекрасныя драпированныя фигуры чередуются здѣсь съ характерными бытовыми представленіями. Искусство лѣшниковъ ищетъ здѣсь проявить свое умѣнье въ крошечныхъ фигуркахъ отличной отдѣлки и поразительной экспрессіи. Въ самомъ Египтѣ, въ гробницахъ Розетты,

⁸⁷⁾ Терракотты въ Луврѣ, коллекція Ватье де Бурвиля. Также въ Брит. музеѣ. См. *Smith and Porcher*, *History of the recent discoveries at Cyrene*. L. 1864, fol. 60 pl., 16 phot. Въ изд. Heuzey, l. c. pl. 41—2, 44—6, 50, 56.

также находятся, повидимому, греч. терракотты: но единственный пока образец ихъ былъ представленъ на Пар. Выставкѣ 1878 г. въ видѣ стат. юнаго Эола съ мѣхомъ, изъ котораго онъ выпускаетъ вѣтеръ, напряженно слѣдя за его направленіемъ ⁸⁸⁾).

Всѣ эти отдѣлы и типы терр. соб. Греціи и восточныхъ ея колоній повторяются затѣмъ и въ издѣліяхъ изъ терр., массами открытыхъ въ Сициліи и Ю. Италіи, и только самая многочисленность этихъ послѣднихъ и первенство ихъ открытія были причиною, что эти подражанія доселѣ служили основаніемъ для всѣхъ изслѣдованій о терракоттахъ. Архаистическій пошибъ является здѣсь почти безусловнымъ отличіемъ религіозныхъ сюжетовъ: идольчиковъ и вотивныхъ издѣлій, и въ то время, какъ Афродита или Кора въ греческихъ и пантикапейскихъ бюстахъ, не смотря на символизмъ атрибутовъ и древній типъ, являются въ изящныхъ формахъ, здѣсь архаизмъ, рѣдко оригинальный, представляетъ скорѣе грубое ремесленное подражаніе и простой базарный расчетъ. Какая то небрежность замѣчается и въ терракоттахъ изящнаго стиля; бѣдность мотивовъ, ихъ утрировка и частое повтореніе, утрата художественности даже въ отдѣлкѣ деталей, — все это гармонируетъ съ общимъ характеромъ искусства въ III вѣкѣ. Сицилія первая обратила на себя вниманіе именно этими находками ⁸⁹⁾ въ особенности въ южной и восточной частяхъ острова (т. е. собственно греческихъ): Агригентъ и Гела (архаическія терр., особенно фигуры Деметры и Кору), Акры, Камарина, Ченторби, Леонтины, Сиракузы, Катанія и пр. — были прежде главными пунктами находокъ; нынѣ пункты эти умножились ⁹⁰⁾. Фигуры Деметры и Кору въ бюстахъ и статуэткахъ, порознь или вмѣстѣ, богиня Куротрофосъ съ ребенкомъ на тронѣ, неизвѣстныя точно богини въ модіусахъ и съ плодами въ рукахъ, драпированныя женскія и иногда мужскія фигуры обычнаго типа, жрецы и жрицы Деметры съ поросенкомъ на рукахъ (сюжетъ особенно постоянный въ Южноитал. терр.), изрѣдка комики и сюжеты погребальнаго культа: дѣти и Эроты среди игръ

⁸⁸⁾ См. Rayet, Gaz. d. B. A. 1878 p. 308.

⁸⁹⁾ См. Гергарда ст. въ Ann. del Inst. VII, p. 27 слѣд., также соч. Avolio.

⁹⁰⁾ Въ музей Палермо находятся терр., помѣченныя мѣстечками: Salnitriano, Asterio, Солунтомъ, Валенцею, и др.; часто изъ сѣрой глины, даже не б. раскрашены. Но маски и три драпир. женщины изъ Солунта были богато позолочены. Многія помѣчены музеемъ S. Martino (м—ря), изъ котораго перешли сюда; въ Катаніи музей Бискари. Собраніе Гаржіуло перешло (описано въ Arch. Z. 1848 p. 297—302) къ Біардó.

или съ домашними животными, флейтщицы и пирующие, — таковы обычные сюжеты Сицилійских терракотъ, и было бы по нашему мнѣнію, излишне различать ихъ по мѣстностямъ.

Тѣмъ же отсутствіемъ оригинальности, многочисленностію ⁹¹⁾ и ремесленнымъ исполненіемъ отличаются терракоты Ю. Италіи: лучшія изъ нихъ принадлежатъ Кампаніи (выдѣляются изъ нихъ драпированныя фигуры женщинъ): Капуѣ ⁹²⁾, Нолѣ, Гнатіи ⁹³⁾, Пестуму, Кумамъ; грубѣе и однообразнѣе утрированныя статуэтки Апуліи (Руво, Канузіума и пр.). Съ одной стороны, въ Южноитал. терр. копируются образцы собственной Греціи и Востока, т. е. повторяются тѣже фигуры богини «Куротрофосъ», драпированныя фигуры, гидрофоры, разнообразныя типы Афродиты за туалетомъ (особенно присѣвшей въ створкахъ раковины), Эроты, развлекающіеся играми, Амуръ и Психея, обнимающіеся и пр., но эти сюжеты чаще исполнены въ особомъ, базарномъ, такъ сказать, вкусѣ: мы встрѣчаемъ напр. бюсты Керы, фигуры флейтщицъ, водоносицъ, жрицъ съ поросятами, Аполлона, Зевса Аммона, Геракла колоссальныхъ размѣровъ и вмѣстѣ грубой работы. Съ другой стороны, слабая въ собственно греч. терр. декоративная, орнаментальная сторона начинаетъ преобладать надъ типами мифологическими и фигурами съ опредѣленнымъ смысломъ и значеніемъ: отсюда эти крылатые мужскіе и женскіе геніи съ разными эмблемами, аллегорическіе сюжеты, въ видѣ головокъ, подымающихся изъ цвѣтовъ (сюжетъ апулійскихъ вазъ), эти безсодержательныя изображенія Психеи или душъ съ патерами на вазахъ, вакхическія фигуры и сцены женскаго туалета, которымъ заняты Амуръ, наконецъ фигуры въ тогахъ (togati) ⁹⁴⁾ и гладіаторы въ полномъ вооруженіи.

⁹¹⁾ Коллекціи во всѣхъ музеяхъ Лондона, Парижа, Петербурга (въ Эрмитажѣ собр. Пиццати), Берлина (каталогъ Панофки указ.), Вѣны, Мюнхена (Штакельберга), Карльсруэ (описана въ Arch. Z. 1851, Anz. № 28, изъ Руво и Ченторби въ Сиц.), Дрездена, особенно Парижа (муз. Кампаны) и Неаполя (Studi, колл. Spinelli; изъ Пестума, Помпей и пр.). Изъ этихъ террак., со множествомъ поддѣлокъ или новыхъ оттисковъ, составлена напр. коллекція Біардѣ.

⁹²⁾ Museo provinciale въ Капуѣ. Много репликъ богини «куротрофосъ» на тронѣ.

⁹³⁾ Между терр. Гнатіи любопытны стат. «неизвѣстной» богини (нимфы?) съ лебедемъ у груди или на колѣняхъ и цвѣткомъ въ рукахъ. М. б., онѣ изображаютъ нимфъ этого безводнаго города: Dein Gnatia Nymphis iratis exstructa dedit risusque jocosque. Hor. Sermon. 1, 5, 97.

⁹⁴⁾ 12 стат. въ Неапол. музеѣ, Помпейскаго происхожденія.

Не касаясь въ подробности этихъ сюжетовъ, часто весьма интересныхъ для Юж-поиталійскихъ культовъ, мы, однакоже, въ правѣ заключить, что уже въ сферѣ Юж-поиталійскихъ статуэтокъ греческія терракотты, очевидно, отчасти пережили свое назначеніе, утратили основное содержаніе и смыслъ, и самое ихъ разнообразіе такого характера, которое указываетъ на переживание старины и забвеніе ея основной идеи. Въ самомъ дѣлѣ, фигуры Париса и Энея, несущаго на плечахъ своего отца, никакъ нельзя помирить съ основнымъ содержаніемъ терракоттъ Греціи (каковъ бы ни былъ смыслъ этого содержанія, о чемъ скажемъ послѣ), и въ послѣдовательномъ развитіи этого содержанія именно здѣсь, въ такъ наз. Великой Греціи проявляется періодъ разложенія.

Тѣмъ важнѣе для насъ то обстоятельство, что, чѣмъ далѣе на сѣверъ отъ Кампаніи, и чѣмъ ближе къ Риму, тѣмъ бѣднѣе становится добыча терр. статуэтокъ. Уже въ Помпеѣ ихъ открыто было сравнительно мало ⁹⁵⁾. Болѣе открыто въ Пренесте (Палестрина) — древне-пелазгическомъ городѣ Лаціума ⁹⁶⁾. Въ самомъ же Римѣ, кромѣ барельефовъ изъ жженой глины греческаго или этрусскаго пошиба, доселѣ найдено (раскопки 1875 г., открывшія гробницы на Эсквилинѣ) лишь нѣсколько десятковъ: всѣ (въ Капитолинскомъ Музеѣ) грубо копируютъ прежніе типы, и только статуэтки комиковъ заслуживаютъ упоминанія.

Насколько, наконецъ, терракотты были произведеніемъ чисто греческой почвы, и, слѣдовательно, связаны съ религіей, бытомъ и искусствомъ грековъ, видно изъ того глубокаго паденія, которое представляютъ этого рода издѣлія, проникшія на окраины классическаго міра. Въ древней Галліи (изд. Тюдо) въ мѣстности бассейна Аллье, притока Луары, гробницы содержатъ также грубыя издѣлія этого рода, безусловно копирующія греческіе типы; интереснѣе ихъ типы собственно варварскіе, но ихъ немного, и они крайне декоративны. Важнѣе появленіе греческихъ терракоттъ на крайнемъ Востоцѣ, какъ напр. въ Египтѣ ⁹⁷⁾ и на Сирійскомъ побережьи въ эпоху религіознаго

⁹⁵⁾ См. Overbeck, Pompeji 1866, II, p. 146. Двѣ статуи комиковъ изд. въ Museo Borb. XIV, 37.

⁹⁶⁾ Терракоттовые группы Деметры и Керы изд. у Гергарда, Ant. Bildw., т. II, 12, III, 1.

⁹⁷⁾ Особенно въ Александріи, терр. изъ ея окрестностей въ Брит. музеѣ и Луврѣ — также любопытны террак. изъ Алькантары около Суэца (изъ древняго Магдала — Мигдола Библии; опис. Фрэнеромъ въ Bull. arch.

синкретизма. Греческіе культы и религіозныя типы ихъ являются здѣсь въ выдохшейся декоративной формѣ ⁹⁸⁾ или смѣшиваются съ культомъ египетскимъ ⁹⁹⁾; реальные сюжеты или традиціонные передаются крайне грубо: флейтички, вакхическія фигуры, карлицы и карлики; многіе сюжеты загадочны, вслѣдствіе грубости исполненія. Много фигуръ изъ сѣрой глины, грубой работы, найдено въ окрестностяхъ Вавилона, и, повторяя финикійскій типъ Афродиты, выжимающей молоко изъ своихъ грудей, походятъ даже на буддійскихъ идольчиковъ; чисто индійскій типъ представляетъ напр. (въ Луврѣ) Діана, лежащая на богатомъ ложѣ и покрытая множествомъ украшеній. Такъ, въ эпоху распаденья классическаго міра, Востокъ опять вступаетъ въ свои права и на широкомъ пространствѣ сливается и смѣшивается вновь то, что было различно и разрознено.

Но изъ всѣхъ вѣтвей варварской сферы терракоттъ наиболее любопытны грубыя статуэткі, находимыя съ недавняго времени ¹⁰⁰⁾ въ Керченскихъ катакомбахъ (а также въ земляныхъ гробницахъ позднѣйшей эпохи г. Керчи): изображая различныхъ уродцевъ, каррикатуры, гротески и пр., эти статуэткі отличаются существенно отъ подобныхъ имъ греческихъ уже тѣмъ, что иныя лѣплены не въ формѣ и чрезвычайно грубо; далѣе у каждой статуйки ноги и фаллосъ подвѣшивались къ головѣ чрезъ полость фигуры, и потому въ бокахъ ея и въ головѣ имѣются дырочки для прикрѣпленія этихъ членовъ. Сюжеты этихъ скульптуръ, однакоже, *совершенно тѣже*,

du Musée Parent. 1867. № 1. По толкованію этого ученаго, двѣ фигуры изображаютъ Геракла и Геліоса, но вторая, — скорѣе, эротическій гротескъ.

⁹⁸⁾ Стат. Діониса изъ Александріи изображаетъ его поднимающимся изъ акантоваго куста; въ рукахъ богъ сжимаетъ гроздь. Лувръ.

⁹⁹⁾ Оттуда же: статуэтка богини съ факеломъ — Діана - Изида; девять стат. Гарпократа на лошади, лотосѣ, или съ поросенкомъ въ рукахъ, съ змѣею и пр. Лувръ.

¹⁰⁰⁾ Уже въ Древн. Босфора Киммер. т. 71, фиг. 7, 8, изд. образцы, извлеченные изъ катакомбъ на Сѣверной покатости горы Митридата. Исслѣдованія ея сплошныхъ насыпей, начавшіяся съ 1861 и 1863 г., привели въ настоящее время къ открытію множества катакомбъ, которыя, судя по монетамъ, въ нихъ попадающимся, относятся къ I—IV в. послѣ Р. Х. Но вслѣдствіе давняго разграбленія, цѣлыхъ катакомбъ найдено немного; статуекъ въ нихъ помѣщалось по двѣ, три и болѣе, рядомъ съ лампами, грубыми акварельными вазами и масками. Всего статуекъ, открытыхъ И. Арх. Комиссіею и поступившихъ въ продажу и въ собранія частныхъ лицъ можно считать болѣе сотни. Е. Е. Люценко, какъ намъ извѣстно, приготовилъ ихъ описаніе съ рис. 60 статуэтокъ. Въ отчетахъ Имп. Арх. Комм. за 1873, таб. II, 6—10; 1874, I, 8, образцово издано нѣсколько статуэтокъ, наиболѣе сохранившихся. Въ музеѣ Одес. Общ. Ист. и Древн. четыре любопытныхъ экземпляра (съ одного прилаг. рисунк.).

что и въ позднегреческихъ терракоттахъ: флейтчики и музыканты, фигуры съ бокаломъ или чашею, воинъ побѣдитель съ мечемъ и вѣнкомъ, безобразные комики съ длинными фаллосами, выставляющимися подъ одеждою, мать съ ребенкомъ на рукахъ, который сидитъ на лошади; брюханы и лысые, длиннобородые старички, эоіоны, разные уроды и т. д.; изъ божествъ встрѣчается таже самая Астарта и Гераклъ женственнаго типа съ браслетами на ногахъ, палицею и шкурою льва. Не сомнѣваясь, что все это каррикатуры, какъ видно по ихъ фаллосамъ, уродливымъ оттопыреннымъ ушамъ, ослинымъ или похожимъ на слоновые, по приторно слащавымъ улыбкамъ матерей, которыя будто собираются лизать ребятъ своихъ, по звѣриному характеру этихъ типовъ, ихъ рогамъ, скуламъ, печесанымъ бородамъ и пр., мы не можемъ, однакоже, удовольствоваться однимъ подведеніемъ ихъ подъ общую категорію карриатуръ (см. ниже). Изъ историческаго анализа терракоттъ мы видимъ, какъ рано являются гротески въ области чисто греческихъ издѣлій, и лишь къ нимъ относится та догадка Стефани, что поводъ къ изображенію этихъ уродцевъ подали карлики *gāgoi*, отличавшіеся несоразмѣрностью своихъ членовъ (*αἰδοῖον ἔχοντες μέγα*). Но при этомъ объясненіи остается непонятнымъ, почему же такими уродливыми изображеніями отличается такъ рѣзко область терр. статуекъ именно въ Пантикапееѣ, и при томъ въ позднѣйшую эпоху. Конечно, извѣстное вліяніе оказало здѣсь преобладаніе варварскаго племени въ этомъ городѣ, которое, усвоивъ себѣ греческіе сюжеты, утрировало ихъ грубо и наивно, съ цѣлью образовать для своихъ гробницъ такіе же антропны, каками служили изящные гротески греческаго искусства. Но народное искусство варваровъ явно повторило здѣсь сюжеты, нами найденные въ древней Финикии и Сиріи, какъ бы свидѣтельствуя тѣмъ, что во всякомъ народномъ художественномъ производствѣ есть основной типъ, единая задача, которая переживаетъ тысячелѣтія, не стираясь и не теряя въ глазахъ народа своей высокой важности и безусловной пригодности.

ОБОЗРѢНІЕ СТАТУЭТОКЪ ПО СОДЕРЖАНІЮ. ОТНОШЕНІЕ КЪ ПОГРЕБАЛЬНОМУ КУЛЬТУ И МИСТЕРІЯМЪ. ОЧЕРКЪ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ МИФЛОГІИ ВЪ ТЕРРАКОТТАХЪ, И ЕЯ ЭЛЕМЕНТЫ ГЛАВНЫЕ И ВТОРОСТЕПЕННЫЕ.

Итакъ, самая исторія производства терр. статуэтокъ въ классической древности наглядно показываетъ цѣльность этой ея области: мы видимъ въ ней послѣдовательную смѣну, или развитіе одного круга явленій, сюжетовъ и типовъ, наблюдаемъ тѣсную связь идей и представленій въ одной мѣстности, и общеніе по тѣмъ или другимъ сторонамъ съ другими родственными мѣстностями. Всѣ эти мѣстныя различія наблюдаются нами на общей основѣ цѣльнаго художественнаго и историко — культурнаго явленія, имѣющаго опредѣленный смыслъ и сохраняющаго свой характеръ при всемъ разнообразіи историческихъ интересовъ и направленій. Литература классической древности всегда сознавала существованіе этого цѣльнаго характера и общаго смысла и почти безъ исключенія находила или, по крайней мѣрѣ, угадывала его въ отношеніи терр. статуекъ къ погребальному культу.

Въ самомъ дѣлѣ, эти статуэтки мы находимъ преимущественно въ гробницахъ. Главное исключеніе изъ этого общаго правила составляютъ лишь такъ наз. *vota* или обѣтныя приношенія въ художественной формѣ, вполне замѣнявшія собою въ жертвахъ божеству (*simulacra in sacris*) приношеніе дѣйствительное. Извѣстно, какъ развита была обрядовая сторона въ греческой религіи, и какъ важенъ и распространенъ были обычаи подобныхъ художественныхъ приношеній, отъ обширныхъ святилищъ и храмовъ, которые сами были *ἀναθήματα* т. е. приношенія богу, до множества мелкихъ предметовъ, утвари, украшеній, и собственно обѣтныхъ вещей, наполнявшихъ греческіе храмы. Мы знаемъ нѣсколько святилищъ, въ которыхъ земля священнаго участка усыяна множествомъ мелкихъ издѣлій подобнаго рода, и которыя давали особенно много теракотовыхъ находокъ ¹⁰¹⁾. Всего чаще между ними встрѣчались изо-

¹⁰¹⁾ Кромѣ упомянутыхъ выше святилищъ, замѣтимъ, что эти *vota* находятся во множествѣ и въ Римѣ, на Эсквилинскомъ холмѣ.

браженіе въ глинь (нуждающихся въ исцѣленіи) членовъ тѣла: ногъ, рукъ, глазъ, ушей, женскихъ и мужскихъ половыхъ органовъ, головъ и бюстовъ въ натуральную или уменьшенную величину; иногда одна рука представляетъ молящагося. Другой рядъ издѣлій изъ глины воспроизводитъ жертвенныя приношенія: пирожки или хлѣбцы, нарѣзанные крестообразно (въ рукахъ женскихъ фигуръ, и на надгробныхъ рельефахъ — приношеніе Деметрѣ), различные плоды (фига, граната, яблоко, орѣхъ и пр.) яйца, сосновые шишки, грозди винограда, или самыхъ животныхъ и птицъ: голубей, гусей, пѣтушковъ, собакъ, овецъ и особенно свиней и поросятъ — приношенія той же Деметрѣ. Все это назначалось, какъ замѣна реальныхъ приношеній этого рода, практиковавшаяся особенно въ греческомъ культѣ ¹⁰²⁾, по свидѣтельству писателей, и потому среди этихъ символическихъ даровъ встрѣчаемъ также глиняныя модели разныхъ жизненныхъ принадлежностей, утвари и орудій мужскаго и женскаго ремесла: корзины, чашъ, колыбелей, веретенъ, шаровъ, костей игральныхъ и пр. Отчасти къ тѣмъ же вотивнымъ предметамъ относятся и изображенія божествъ, но всегда одного и того-же божества, чтимаго въ данномъ святилищѣ.

Вся остальная масса терракотовыхъ статуэтокъ принадлежитъ гробницамъ: въ нихъ онѣ находятся и для нихъ, повидимому, онѣ изготовлялись ¹⁰³⁾ (какъ лекины въ Атикѣ), и въ погребальномъ культѣ заключается главнѣйшее ихъ значеніе и самый смыслъ ихъ содержанія. Погребальный культъ Грековъ, какъ извѣстно, представляетъ особенно сложную, исторически разнообразную и потому наиболѣе темную область ихъ религіозныхъ вѣрованій. Греческая религія, перейдя отъ основныхъ метафизическихъ понятій къ богатѣйшей мнѳологіи и широкому психологическому анализу антропоморфическихъ божествъ, и затѣмъ измѣнившись послѣдовательно и кореннымъ образомъ нѣсколько разъ, отложила въ этомъ историческомъ процессѣ рядъ различныхъ мнѳологическихъ слоевъ и культовъ. Въ то время какъ образованное общество слѣдовало за этимъ развитіемъ и, удаляясь отъ старины, принимало по-

¹⁰²⁾ Маленькіе аттические сосуды для возливанія виномъ замѣняли так. обр. большіе. Въ Керченскихъ гробницахъ встрѣчаются сосуды со вставленными въ горлышки ихъ чашечками для либацій — чтобы не тратить много вина. Терр. конусы съ надп. *υλιν, μελι* им. ту же символическую цѣль.

¹⁰³⁾ Плутархъ Qu aest. Rom. XXIII: все необходимое для погребенія *τα πρόσ τὰς ταφάς* продавалось въ Римѣ въ святилищѣ Венеры Либитины, а между тѣмъ изображенія этой богини особенно часты между терракоттами.

визну, то промѣнивая натуральную религію на философію ¹⁰⁴⁾, то возвращаясь къ ней въ мистеріяхъ, народъ продолжалъ почитать старину, сливалъ ее съ новыми представленіями, и, теряя единство религіознаго міросозерцанія, вырабатывалъ различные виды погребальныхъ обычаевъ, суевѣрій и всяческаго переживанія древнихъ вѣрованій. Отсюда выдающееся разнообразіе въ обычаяхъ погребенія (сожженіе и погребеніе въ собственномъ смыслѣ, устройство и украшеніе могилы), не только въ разныя эпохи, но и по разнымъ мѣстностямъ, о чемъ говорить было бы слишкомъ долго и по существу дѣла излишне. Не одними также физическими условіями мѣстности можно объяснять различныя по мѣстностямъ приспособленія и убранство гробницъ, но и мѣстными религіозными обычаями. Поэтому и появленіе терракотовыхъ статуэтокъ въ извѣстныхъ мѣстахъ одни объясняли мистеріями, другіе особыми культами. Извѣстно также, что росписныя вазы, составляя въ извѣстную эпоху главное украшеніе греческихъ гробницъ, въ другую какъ бы замѣняются статуэтками, и наоборотъ. Исслѣдователи напр. Керченскихъ и Таманскихъ гробницъ и кургановъ знаютъ, что въ періодъ IV стол. онѣ заключаютъ въ себѣ преимущественно росписныя вазы, гробницы же III стол. — наоборотъ статуэткн, и, главное, что тѣ и другія вмѣстѣ встрѣчаются рѣже, и статуэткн обыкновенно сопровождаются или золотыми издѣліями въ богатыхъ гробницахъ, или же простою посудой и мелкими амулетами и пр. въ бѣдныхъ.

Далѣе, въ самомъ содержаніи терр. статуэтокъ заключается много пунктовъ соприкосновенія съ погребальнымъ культомъ, загробными вѣрованіями; ихъ обширная символика даетъ намъ богатый источникъ именно для этой темной стороны религіозныхъ идей грековъ въ историческую эпоху. Мнѳологическое построеніе будущей жизни не могло уже удовлетворить тогда мыслящаго человѣка; наступившее философское образованіе отнеслось къ сказаніямъ этого рода, какъ къ пустымъ баснямъ. Но инстинктъ глубочайшаго религіознаго вѣрованія въ безсмертіе души, — эта основа религіи, продолжала существовать. Темная доктрина, не освѣщенная воображеніемъ и поэзіею, о жизни будущей была на днѣ всѣхъ этихъ басенъ и обычаевъ, и она то

¹⁰⁴⁾ Интересный обращикъ того, какъ это общество подъ вліяніемъ эпикурейской философіи, отвергавшей будущую жизнь, возстаетъ противъ народныхъ обычаевъ, связанныхъ съ погребальнымъ культомъ, находимъ въ трактатѣ Лукіана De luctu.

неизмѣнно сохранялась до самыхъ временъ христіанства. Эта основная идея о загробной жизни, тѣсно связанной съ останками человѣка, какъ безконечномъ продолженіи его земной жизни, соединяла судьбы души и тѣла; и въ доисторическую эпоху, и во времена Эпикура, она требовала отъ могилы прежде всего подобія земному жилищу. По этому, кромѣ постоянныхъ жертвъ умершему, душа котораго заключалась въ могилу («посылокъ» ему — *πρόπρ*), самая гробница, если только было возможно и по средствамъ, устраивалась прямо въ видѣ такого жилища, склена, напоминавшаго въ камнѣ деревянныя жилища строенія, или же, во всякомъ случаѣ, убиралась принадлежностями земной жизни. Покойника одѣвали въ лучшія его одежды, со всѣми мелкими ихъ убранствами; по сторонамъ его клались принадлежности его занятій и пола, его алавастры и бальзамаріи съ духами и маслами, стригиль, которымъ онъ пользовался въ гимназіумѣ; на головѣ его клался золотой вѣнокъ, напоминавшій его вѣнки на пирахъ (плющевой вѣнокъ въ волосахъ многихъ бакхическихъ фигуръ, въ силу своей всегда свѣжей листвы и молодыхъ побѣговъ, какъ эмблема жизни, могъ также служить символомъ погребальнымъ); въ ногахъ же сосуды для яствъ и питій и иногда утварь. Изъ всѣхъ этихъ принадлежностей важнѣе всего были тѣ, которые прямо или символически выражали идею будущей жизни, т. е. загробнаго существованія въ полномъ смыслѣ слова; это были сосуды и вазы, особенно росписныя, и терр. статуэтки ¹⁰⁵⁾: первыя должны были или прямо и матеріально служить умершему въ будущей жизни, или представлять символическое подобіе этого служенія; вторыя же — говоритъ О. Рэйе — «создать подобіе самой жизненной обстановки умершаго». Содержаніе этой послѣдней сферы выражало собою не только вообще духовныя и нравственныя потребности человѣка, но и разнообразныя условія и формы его жизни; умершаго сопровождали какъ его боги, геніи хранители его существованія, такъ и образы его любимыхъ занятій, развлеченій, игръ и привязанностей. Къ сожалѣнію, только въ Керченскихъ раскопкахъ доселѣ наблюдалось необходимое правило описывать самую гробницу и все ея содержаніе (въ

¹⁰⁵⁾ Лучшія вазы и терракотты бились на погребальныхъ тризнахъ и часто обломки ихъ въ Керченскихъ курганахъ находимы были на мѣстахъ тризницъ. См. Отчетъ Арх. Ком. за 1865, стр. 192.

Греції и Італії доселѣ терракотты добываются безъ всякихъ научныхъ приѣмовъ, и потому мы не знаемъ вовсе, какъ распредѣляются напр. реальные сюжеты). Между терр. барельефами, украшавшими Керченскія гробницы, мы встрѣчаемъ символическій сюжетъ гибели Ніобидъ отъ руки раздраженныхъ боговъ; статуэтти представляютъ намъ Адониса умирающаго ¹⁰⁶), Нерейдъ, переплывающихъ на дельфинѣ океанъ, Эрота, плывущаго на лебедѣ или дельфинѣ ¹⁰⁷), игры Эрота и любовную группу его съ Психеей, летающихъ геніевъ, и пр. — все образы воскресенія къ новой жизни ¹⁰⁸). Эту жизнь охраняютъ и блюдутъ иногда богини Мойры, Тихе, но чаще разнообразныя апотропѣи и филактѣрии, т. е. предохранительныя горгонейоны, маски трагическія и комическія, звѣриныя головы и пр. на деревянныхъ гробахъ, или надъ склепомъ, также какъ амулеты, талисманы въ ожерельяхъ, перстняхъ и т. д. съ изображеніями восточнаго или даже египетскаго происхожденія ¹⁰⁹). Многіе изъ изслѣдователей относятъ сюда же и всѣ терракотты, представляющія театральнѣйшій комосъ, уродовъ и вообще гротески ¹¹⁰) и полагаютъ даже, что всѣ изображенія и предметы бакхическаго цикла имѣли въ вѣрованіяхъ и въ глазахъ древнихъ профилактическую, т. е. оберегательную отъ зла силу, и что именно этому оттѣнку своего значенія обязаны тѣмъ, что онѣ составляютъ главный контингентъ сюжетовъ въ средѣ терракоттъ, изготовлявшихся для гробницъ. Затѣмъ, должно признать несомнѣннымъ, что обширный циклъ представленій, относящихся къ культу Деметры и Коры, Діониса и Афродиты (особенно Афр., рождающейся въ раковинѣ) съ ихъ мифологическою обстановкою, тѣсно связаны съ

¹⁰⁶) Также фигуры скелетовъ съ подвижными членами: Древн. Босф. К. т. 74, 6. Стефани въ Отчетѣ Арх. Ком. за 1863 г. р. 249, прим. 3, объясняетъ ихъ, какъ своего рода *memento mori*, по Петровію Satyr. 34, какъ образъ *homuncio* для пировъ.

¹⁰⁷) Барельефы этихъ Эротовъ изъ Керчи см. въ Отчетѣ И. Арх. Ком. за 1863 г. р. XII. На вазѣ Эроть и Нерейды ib. р. X.

¹⁰⁸) Важный примѣръ собранія слѣд. сюжетовъ въ терракоттахъ одной изъ Керченскихъ гробницъ: Ніобиды, ребенокъ на лебедѣ и другой на дельфинѣ, маска Горгоны, Венера, Тихе, Деметра, Скиѣ на конѣ. Древн. Босф. Ким., томъ I, стр. LXVI.

¹⁰⁹) Такъ наз. маски Ахелоя или Бахуса-Гебона (бородатый мужчина съ рогами), въ формѣ акротеріальныхъ кирпичей, добываются напр. изъ гробницъ Нолю въ Ю. Італіи, см. Ulrichs, *Vejent. Terrac. Jahrbücher d. Altfr. im Rheinlande* VII, р. 127, ib. II, р. 63, и Avellino, *Bull. arch. Nap.* VI, р. 49 sq. видитъ въ нихъ погребальное значеніе. Фигурки Гарпократа, т. наз. Беса — карлика, зубы, кулаки и кукиши, фаллосы, гермы Пріапа и пр. изъ Керченскихъ гробницъ.

¹¹⁰) Стефани въ Отчетѣ И. Арх. Ком. за 1865 г. стр. 193 относитъ всѣ *γελοία* и *ἄτοπα* къ разряду *φυλακτῆρια*.

символическою погребальнаго культа. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ средѣ терракотъ (и не между вотивными только) встрѣчаемъ идеальное представленіе умершаго въ видѣ доранта — поклонника божеству, воздымающаго къ нему свои руки; обыкновенно, ¹¹¹⁾ это представленіе даетъ намъ лишь образъ самой души молящейся — такъ наз. «оранты», которая съ инымъ высшимъ смысломъ, чрезъ посредство античныхъ саркофаговъ, явилась символомъ церкви у древнихъ христіанъ. Далѣе, знаемъ изображеніе общей семейной трапезы ¹¹²⁾, которыя находятъ себѣ полное объясненіе въ барельефахъ аттическихъ (также Керченскихъ) надгробныхъ стѣлъ. Самые плоды, находящіеся въ рукахъ разныхъ фигуръ, или встрѣченные въ подобіяхъ въ могилѣ, какъ образъ земныхъ наслажденій, также должны имѣть отношеніе къ основной идеѣ о загробной жизни, ибо по греческой эпиграммѣ ¹¹³⁾ умирающій восклицаетъ: *λείπω ἦδ'ε καὶ ὀραίους σικερούς καὶ ρῆλα καὶ ὄρχνους* ¹¹⁴⁾. Итакъ, не можетъ быть и сомнѣнія, что терракоты отчасти, дѣйствительно, зависѣли въ своемъ содержаніи (т. е. даже въ выборѣ сюжетовъ, атрибутовъ и пр.) отъ погребальнаго культа, или въ средѣ своей заключали циклъ представленій, къ нему относящихся.

Но, кромѣ того, въ этомъ циклѣ изслѣдователи рано начали усматривать и особую религіозную сторону, а именно связь съ греческими мистеріями. Уже Гергардъ, касаясь многократно въ своихъ сочиненіяхъ художественной мифологіи мистерій, и посвящая ей отдѣльные трактаты ¹¹⁵⁾, останавливался на терракоттахъ; не ограничиваясь иногда ихъ общою, духовною связью съ мистеріями, онъ въ нѣкоторыхъ женскихъ драпированныхъ фигуркахъ видѣлъ даже изображенія «посвященныхъ» въ мистеріи ¹¹⁶⁾. Подчиняясь общему направленію археологической науки двадцатыхъ и

¹¹¹⁾ Въ Вѣн. Каб. Ант. подъ № 13 фигура мужчины адоранта, который, держа въ лѣвой рукѣ патеру, выставилъ правую ладонью впередъ. Стат. эти извѣстны изъ Олимпіи и во множ. изъ Ю. Италіи. См. о сосудахъ съ этими фигурами выше.

¹¹²⁾ Напр. Stackelberg I. с. таб. 68 — особенно подробная сцена.

¹¹³⁾ Bergk, *Poetae lyrici Graeci*, pars III, XXXVI, 2.

¹¹⁴⁾ Припомнимъ аттическій обычай посыпать умершаго пшеницею. О разныхъ плодахъ: гранатѣ, фигѣ, каштанѣ, огурцѣ и пр. въ отношеніи къ погребальному культу построены своеобразныя и нелѣпыя теоріи у Біардо I. с. р. 237—41, 296.

¹¹⁵⁾ *Mysterienbilder* въ *Akadem. Abhandl.*; *Antike Bildwerke*, Prodrömus и пр.

¹¹⁶⁾ Статуэтки такъ наз. Музъ, съ задумчивымъ, унылымъ выраженіемъ, закутанныя въ длинныя одежды.

тридцатых годовъ, изслѣдователи вазовой живописи: Миллингенъ, Крамеръ, Тиршъ, тотъ же Гергардъ и др. преслѣдовали одну главную цѣль: вскрыть въ содержаніи ея рисунковъ ту символику, которая должна была, по ихъ мнѣнію, освѣтить и осмыслить античную древность. Этою идеею увлекался и издатель аттическихъ терракоттъ Штакельбергъ, доходя до крайностей въ ихъ толкованіи ¹¹⁷⁾, какъ и многіе другіе любители классической древности. Увлечение символизмомъ доходило до того, что въ сочиненіи Лажара о Митрѣ все содержаніе ассиро - вавилонскихъ цилиндровъ отнесено къ мистеріямъ западной Азіи, какъ откровеніе ихъ іерофантовъ (двѣнадцати ступеней) съ атрибутами посвященія въ мистеріями и тайныхъ обрядовъ ¹¹⁸⁾! Извѣстный своими неумѣстными хитростями въ толкованіи античныхъ произведеній, Панофка безконтрольно пользовался мистеріями, какъ такой таинственной областью, куда онъ могъ перемѣщать все непонятное: самыя простыя фигурки божествъ и реальные сюжеты терракоттъ онъ выдавалъ за небывалыя въ искусствѣ хитросплетенія мифологическихъ типовъ ¹¹⁹⁾ и символовъ (мистическая гипотеза у этого ученнаго играла, однакоже, незначительную роль и не составляла ясной системы). Но археологическая литература не представляетъ съ другой стороны и такихъ блестящихъ опроверженій разныхъ гипотезъ, какія имѣла литература мифологіи уже въ лицѣ Фосса и знаменитаго скептика Лобека противъ искусственнаго построенія ея въ мистико - символическихъ теоріяхъ.

Однакоже, классическая археологія доселѣ сохранила особенное пристрастіе къ этимъ теоріямъ, не смотря на историческую закладку науки, положенную О. Миллеромъ, Яномъ, Стефани и др. Потокъ мутнаго символизма продолжаетъ еще течь широкою струею, правда, въ трудахъ, хотя и талантливыхъ, но чуждыхъ строгаго метода,

¹¹⁷⁾ Такъ фигуру Афродиты, одѣвающейся послѣ омовенія, онъ принимаетъ за изображеніе священной люстраціи при посвященіи въ элевзинскія мистеріи.

¹¹⁸⁾ Казалось бы, идеи Лажара невозможны при современной точности науки, но къ нимъ вновь вернулся нѣкто *Эмиль Сольди*, въ *Revue Arch.* 1874, p. 117 слд. напечатавшій общее введеніе къ своему соч. о цилиндрахъ: онъ видитъ въ нихъ особыя масонскіе знаки мистерій древняго Востока!

¹¹⁹⁾ Припомнимъ для примѣра измышленныя Панофкою типы Афродиты Амбологеры — прогоняющей старость, Діониса Телесфороса или Мистеса (*Mytilos*, нѣмаго Д., Мутиноса римскаго) въ типѣ юнаго бога съ пальцемъ на устахъ, богини лунарной — водъ свѣтящихся при лунѣ, богини мистерій Семелы-Θіоны и пр.

диллетантовъ - археологовъ ¹²⁰⁾, и мы еще долго и часто можемъ восклицать вмѣстѣ съ Лобекомъ: «*nunc maxime rerum mysticarum studia flagrant*»! Оспаривать эти теоріи нельзя, потому что спорить можно только противъ того, что построено на какихъ либо основаніяхъ, а ихъ дутыя системы совершенно чужды всякаго научно-историческаго метода. Впрочемъ, даже краткій разборъ такой теоріи самъ по себѣ будетъ свидѣтельствомъ о ея нелѣпости, и мы считаемъ нужнымъ остановиться на главнѣйшемъ общемъ сочиненіи о погребальныхъ терракоттахъ Біардо ¹²¹⁾, которое составлено именно въ этомъ духѣ и даетъ, повидимому, откровеніе тайнъ античной древности. Его основное положеніе, вѣрнѣе, предвзятая идея, которую онъ провѣряетъ и доказываетъ въ обширномъ трактатѣ, — то, что терракотты суть погребальные памятники только по внѣшнему ихъ назначенію. По внутренней же сущности, будто бы намѣренно прикрытой, терракотты суть особые мистическіе образы, пенаты мистерій, въ которыхъ излагалось откровеніе этихъ тайныхъ ученій; таинственные знаки, полные глубокаго, мистическаго смысла лишь для ихъ адептовъ, сопровождали ихъ въ будущую жизнь, служа для загробнаго міра, свидѣтельствомъ ихъ посвященія въ различныя степени великой тайны. Главное содержаніе этихъ знаковъ воспроизводитъ все міровоззрѣніе и обрядовую реальность самихъ мистерій, но скрываетъ ихъ подъ условными формами, и только метафорическимъ путемъ выражаетъ или напоминаетъ вѣру въ безсмертіе и надежду умершаго на блаженство въ будущей жизни ¹²²⁾. Въ основу этого круга идей положена доктрина орфико - пифагорейская и теорія метемпсихозы, а внѣшнимъ обликомъ являются обычаи мистерій Діониса. Обычай класть подобные знаки въ гробницы посвященныхъ существовалъ и въ V вѣкѣ, но установился де окончательно будто бы во времена Платона. И, однакоже, въ нихъ слились и воспроизводятся систематически тайныя философскія ученія древнѣйшаго Востока, Греціи и Италіи. Такимъ об-

¹²⁰⁾ Назовемъ на первомъ мѣстѣ между ними извѣстнаго Шлиманна, Колонна-Чеккальди — изслѣдователя кипрскихъ древностей, Клермона-Ганно, Бахофена и др.

¹²¹⁾ *Biardot, Prosper. Les terres cuites grecques funèbres dans leur rapport avec les mystères de Bacchus. 1872. 8°, Atlas de 51 pl. fol.*

¹²²⁾ Біардо, ib. p. 487 догадывается даже, что погребальныя терр., т. е. аппаратъ духовный, клались только посвященнымъ въ высшія ступени, для низшихъ же (вѣроятно, какъ болѣе грубое представленіе) служили вазы.

разомъ, эти мелкія работы выдѣлены изъ общаго историческаго хода искусства, а ихъ содержаніе изъ единого процесса религій древняго міра; тайный міръ откровенія не имѣетъ ничего общаго съ официальной, показною стариною греческой религіи.

Ясно, что подобныя приемы для открытія тайнъ древняго міра, напоминающіе басню о ларцѣ съ секретомъ, способны были только замутить и окончательно заподозрить дѣйствительный внутренній смыслъ народныхъ произведеній. Для Біардо Афродита, занимающаяся туалетомъ, есть представленіе космологической идеи; ея туалетъ образъ всего космоса, а колонка, на которую она опирается,—бассейнъ, роса, благодѣяніе Венеры, или же символъ земли. Этотъ ученый въ фигуркѣ Амура наблюдаетъ эпохи солнечнаго движенія, солнцестоянія, равноденствія и т. д., и ребенокъ въ колыбели для него символъ поворота солнца на весну и т. д. Но слѣдить за всѣми дикими фантазіями и смѣшными умствованіями нѣтъ и особой нужды: Біардо такъ перепутываетъ всѣ религіозныя представленія, что самый его авторитетъ Макробій, съ своимъ сирійскимъ чаромутіемъ, не узнаетъ себя въ его истолкованіяхъ; если для Макробія длинныя волосы Аполлона бородатаго—образъ солнечныхъ лучей, то Біардо въ распахнувшихся одеждахъ Афродиты видитъ звѣздное небо—жилище великой Афродиты Ураніи. Полихромныя вазы Калабріи съ ихъ пестрою, провинціальною орнаментикою, но любопытныя по образамъ переселенія душъ по океану въ Элизіумъ, кажутся ему высшимъ фазисомъ мистицизма: изображенные на нихъ гиппокампы символизируютъ три элемента души, а орнаменты подъ ними образъ хаоса, по которому плаваешь міровое яйцо.

Между тѣмъ, исходная точка зрѣнія, отъ которой отправляются подобныя теоріи, сама по себѣ, совершенно правильна: а именно, что терракотты представляютъ собою особую художественно-религіозную область греческаго искусства, тѣсно зависѣвшую отъ мистерій и разрабатывавшую циклъ вѣрованій въ загробную жизнь. Но эта зависимость есть внутренняя и представляетъ явленіе, исторически сложившееся, т. е. она произошла отъ сродства представленій между мистеріями и вѣрованіями въ будущую жизнь, а отсюда и погребальными обычаями, уже въ историческія времена Греціи. Какъ бы ни древне было происхожденіе самихъ мистерій, неоспоримъ тотъ фактъ, что ихъ развитіе и окончательное сложеніе принадлежатъ той же эпохѣ Греціи,

когда греческая религія возвратилась отъ чисто человѣческаго, гомеровскаго Олимпа къ древней натуральной религіи и вновь переживала и развивала древнѣйшіе культы хтоническихъ божествъ. Забытые или униженные гомеровскою героическою эпохою (презрѣніе Гомеровскаго эпоса къ Деметрѣ) боги вновь выступили на передній планъ; хтоническія земныя божества Деметра и Кора, Діонисъ и Гермесъ стали великими богами и населили какъ поверхность земли, такъ и ея нѣдра. Вновь частная жизнь и бытіе человѣка, рожденіе и смерть, радость и горе, вообще судьбы человѣка получили первостепенное значеніе въ религіозномъ міровоззрѣніи; развитіе гражданскаго быта въ VI и V стол., притомъ въ мѣстностяхъ наиболѣе цивилизованныхъ (какъ напр. Аттика), и потому отошедшихъ отъ гомерическаго быта, стремилось замѣнить мифологию и героическіе культы домашними, близкими человѣку идеалами. Но эти идеалы не могли уже быть чистыми олицетвореніями природы: переживаніе глубокой старины придавала ей характеръ таинственнаго; природа наполнялась безчисленными демоническими существами, мать земля опутывалась волшебнымъ, чаровнымъ покрываломъ. Обыденная жизнь, радость и счастіе, удовольствія моральныя и физическія, вся окружающая человѣка среда, занимаетъ теперь равно умы философовъ, мистиковъ и практическихъ людей ¹²³⁾ побуждая ихъ къ возстановленію нравственной гармоніи, путемъ единенія человѣка съ природою и божествомъ, очищенія и покаянія; рождаются различныя теоріи числа, микрокосма и макрокосма, симпатій и антипатій, переселенія душъ, равно какъ развиваются демонологія и магія, а также загробныя вѣрованія и погребальный культъ. Сами мистеріи отмѣчены сантиментальностью, экстазомъ, и напоминая суевѣрія историческихъ народовъ, ясно свидѣтельствуютъ о своемъ происхожденіи, т. е. переживаніи древнѣйшихъ культовъ. То что было въ доисторической древности необходимымъ и естественнымъ явленіемъ быта, стало здѣсь обрядомъ, священной принадлежностью культа: таковы различныя формы очищенія, постовъ, покаянія во грѣхахъ, далѣе жертвоприношенія, факельныя процессіи ночью и священные

¹²³⁾ Укажемъ для примѣра на Аристофана, который въ своихъ комедіяхъ живо отзывается на эту современную потребность и ея крайности: См. статью Жирара: *La Religion dans l'Aristophane*, *Revue d. deux Mondes* 1878, 15 Nov.

оргістическія пляски; изувѣрство и безнравственность были здѣсь проявленіемъ священной традиціи грубаго, примитивнаго быта. Миѳы и образы мистерій облеклись въ символическую и аллегорію (*τὰ μυστήρια ἐν ἀλληγορίᾳ λέγεται*). Наконецъ разбросанные, спорадическіе обряды примитивной религіи сложились въ цѣлыя системы, а извѣстные культы божествъ: Діониса, Афродиты, Деметры, облеклись повсюду мистическими формами. Переносъ мистерій малоазійскихъ въ Грецію (фригійскія мистерія Діониса), успѣхи и распространеніе орфическихъ мистерій (въ полопоннезскую войну), элевзинскихъ въ городахъ Греціи и ея колоніяхъ, способствовали общей извѣстности этихъ религіозныхъ институтовъ, если не въ обрядахъ и внѣшности, которыя преимущественно были тайною посвященныхъ, то въ ихъ понятіяхъ и вѣрованіяхъ, что, несомнѣнно, и гораздо важнѣе.

Этотъ-то интереснѣйшій моментъ въ исторіи духовнаго развитія греческаго народа (къ сожалѣнію, еще недостаточно изслѣдованный), отмѣченный въ религіи его господствомъ хтоническихъ культовъ, долженъ былъ отразиться въ подъемѣ народного художества. И, такъ какъ подобное художество уже существовало въ терракоттахъ, и, какъ мы показали, уже древнѣйшіе образы хтоническихъ божествъ: матери земли-кормилицы ¹²⁴⁾ и др. изображались въ нихъ преимущественно, или въ исчезнувшихъ деревянныхъ идолахъ, то понятно, что именно лѣпка въ глинѣ какъ нельзя болѣе подходила къ требованіямъ народныхъ культовъ. И потому мы можемъ теперь утверждать совершенно иначе, чѣмъ Отфр. Миллеръ, который, подъ впечатлѣніемъ показной монументальной пластики дошелъ даже до такого убѣжденія, что ¹²⁵⁾ великая противоположность въ исторіи греческой религіи между культами хтоническими и Олимпійскими божествъ будто бы до того *сладилась* въ пластическомъ искусствѣ Грековъ (разумѣется, ради такъ наз. красоты?), что своеобразныя черты перваго *не нашли* въ немъ себѣ *никакого прямого выраженія*.

Въ самомъ дѣлѣ, художественная миѳологія терракоттъ, взятая ли въ цѣлой сферѣ этихъ издѣлій, или по историческимъ и мѣстнымъ группамъ, представляетъ

¹²⁴⁾ Хотя вовсе не потому воспроизведенныя въ глинѣ, что самый матеріалъ—глина, земля, употреблялся здѣсь символически, какъ толкуетъ Бахофенъ, а за нимъ Біардо и др.

¹²⁵⁾ Handbuch d. Arch. der Kunst, § 357, Прим. 1.

положительное и характерное преобладаніе именно хтоническихъ божествъ. Діонисъ, Деметра и Кора-Персефона, Гермесъ и Афродита, Кибела-Астарта и мифологическій циклъ этихъ божествъ: Сатиры, Эроты, и т. д. — вотъ преобладающіе типы въ терракоттахъ. Собственно греческій Олимпъ является крайне рѣдко, и это появленіе всегда обусловлено бываетъ или мѣстными культами, или эпохою, въ одномъ случаѣ, раннею, древнѣйшею, которая предшествовала выработкѣ опредѣленной роли терракоттъ, или, наоборотъ, позднѣйшею, когда смыслъ ея уже утратился. *Выдѣливъ эти отступленія*, получимъ самое зерно содержанія съ особымъ характеромъ.

Изображенія Зевса въ терракоттахъ доселѣ извѣстны только въ одномъ важномъ экземплярѣ: это архаическая группа съ о. Самоса, изображающая Зевса вмѣстѣ съ Герою на тронѣ подъ покрываломъ ¹²⁶⁾. На Кипрѣ ¹²⁷⁾ и въ Финикіи ¹²⁸⁾ найдены статуэткы такъ наз. Зевса — Аммона, съ бараньими рогами на головѣ, или сидящаго на тронѣ и опирающагося руками на головы барановъ. Между позднелатинскими ¹²⁹⁾ и галльскими терракоттами ¹³⁰⁾, можно указать въ коллекціяхъ двѣ, три статуэткы Зевса, но, понятно, что онѣ (головки такъ наз. Зевса изъ Ольвии и Керчи представляютъ сходнаго съ нимъ Асклепія) мало имѣютъ значенія въ цѣломъ и, конечно, никогда не могли быть извлечены изъ гробницъ.

Статуэткы Геры, если и существуютъ въ терракоттахъ, такъ смѣшиваются съ изображеніями Деметры или Афродиты, что врядъ ли когда нибудь будетъ возможно ихъ выдѣлить навѣрное. Повидимому, кромѣ примитивныхъ (дедаловыхъ) идольчиковъ этой богини и мѣстныхъ типовъ Самоса и Аргоса ¹³¹⁾, изображеніе Геры можно было бы видѣть въ архаистическихъ статуэткахъ богини, которая сидитъ на тронѣ, съ діадемою на головѣ ¹³²⁾, и въ протянутой правой рукѣ держитъ патеру. Остальныя фигуры этого типа, но съ калатосомъ на головѣ, вѣрнѣе относить къ Деметрѣ.

¹²⁶⁾ Изд. Гергардомъ въ Ant. Bildw., см. Overbeck, Zeus p. 25. Подобная группа изъ Танагры, но безъ покрывала, въ Луврскомъ музеѣ, изд. Heuzey I, c. pl. II, 6.

¹²⁷⁾ Изд. въ Arch. Z. 1850, Taf. XV, 3.

¹²⁸⁾ Изъ Тортосы, изд. въ Musée Nap. III, табл. XXIII, 3.

¹²⁹⁾ Въ Луврѣ, фигура на стѣлѣ Зевса, мечущаго перуны, не изд.

¹³⁰⁾ Въ изд. Tudot, табл. 40.c — такъ наз. Меркурій, съ патерою, — можетъ быть, Зевесъ.

¹³¹⁾ См. Overbeck, Hera, p. 25, также Stackelberg, Die Gräber d. Hell. т. 58.

¹³²⁾ Въ каталогѣ Дюрана, № 1586.

Изображеніе Посейдона въ terraкоттахъ совершенно не встрѣчается, какъ и всего многочисленнаго цикла морскихъ божествъ ¹³³). Рѣдко и притомъ въ извѣстныхъ мѣстахъ (Малая Азія, острова Архипелага, Южная Италія ¹³⁴)) встрѣчаются въ terraкоттахъ фигуры Аполлона и Артемиды, первый—всегда съ лирою ¹³⁵), какъ богъ музыки, лучшаго украшенія пировъ Олимпа (и можетъ быть, въ terraкоттахъ, какъ образъ лирической музыки и пѣнія въ связи съ погребальными обычаями), богъ — прорицатель и очиститель. Изображенія Артемиды въ греческомъ типѣ архаическаго пошиба (богиня сидитъ на тронѣ и держитъ на колѣняхъ олениху) или въ позднѣйшемъ типѣ охотницы, рѣдки и принадлежатъ Ю. Италіи ¹³⁶); нѣсколько terraкоттъ представляютъ Артемиду (Гекату) съ опущеннымъ факеломъ, какъ богиню мрака, или же изображаютъ ее, какъ божество плодородія, въ типѣ многогрудой Эфесской Діаны архаическаго стilia, съ высокимъ головнымъ уборомъ, двумя животными по сторонамъ ея трона ¹³⁷), и такъ наз. Персидской Анаитисъ, крылатой богини, душащей двухъ львовъ ¹³⁸).

Также рѣдко изображается въ terraкоттахъ Аѣина, лицо наиболѣе популярное въ греческомъ художествѣ и всѣхъ другихъ его производствахъ; собственно погребальный типъ представляютъ лишь ея статуэттки въ аттическихъ гробницахъ ¹³⁹), архаическаго типа богини, сидящей на тронѣ, безъ копья и щита, въ высокой діадемѣ (небесный полюсь) — богини покровительницы гражданъ Аттики ¹⁴⁰).

¹³³) Кромѣ двухъ статуэтокъ Нерейды на дельфинѣ и Тритона изъ Ю. Италіи, явно, погребальнаго смысла въ Неапол. музеѣ.

¹³⁴) Кромѣ того: Галлія (Tudot, l. c. pl. 26, 27, 30, 31, 49).

¹³⁵) См. эти терр.: Gerhard, Akad. Abh., Taf. 31, 4, его же Ant. Bildw. I, Taf. 84, 4. Jahnzen, 10. Также неизд. стат. въ Луврѣ, собр. Комноса въ Аѣинахъ — Аполлонъ на лебедѣ съ лирою и пр. Замѣчательная стат. Аполлона съ козулею, сидящаго на жертвенникѣ дельфійскаго святилища, изъ кургана Таманскаго пол., изд. въ Отчетѣ И. А. К. за 1870—1 гг., табл. II, 3.

¹³⁶) Одна терр. изд. у Janzé, IV, 1, также въ каталогѣ Durand, 1591. Въ Луврѣ стат. Артемиды, держащей козулю на плечахъ. Изъ Керчи стат. на тронѣ, см. рис.

¹³⁷) Изъ разл. мѣстностей: Малой Азіи въ колл. Гонценбаха, см. Stark, Nach d. Gr. Orient. p. 199; Греціи, стат. въ Луврѣ; Сициліи — Агригента въ собр. Рауль Рошетта, въ Мемуарѣ его о Геркул. см. стр. 548. Изъ Ю. Италіи и также Галліи у Tudot pl. 74 g.

¹³⁸) Въ Луврѣ стат. неизв. происхожденія. Изъ Ю. Италіи стат. изд. въ Archeol. Z. 1854, табл. 62.

¹³⁹) См. Stackelberg, l. c. LVII, 1, типъ такъ наз. Аѣины Полиады; изъ Керчи, въ музеѣ Од. Общ. Исторіи одинъ экз. — стоящая богиня съ копьемъ и щитомъ.

¹⁴⁰) Статуэттки Ю. Италіи съ палладіумомъ: Biardot p. 204; съ патерою двѣ большія статуэттки въ Луврѣ; съ поднятымъ копьемъ тамъ же. Изъ Галліи, Tudot pl. 37—39.

Еще характернѣе обстоятельства появленія Гермеса въ терракоттахъ. Въ то время, какъ его изображенія въ опредѣленномъ типѣ бога торговли, общенія людей, палестрическихъ упражненій и пр. насчитываются тысячами въ бронзахъ, на вазахъ и рѣзныхъ камняхъ, между терракотовыми статуэтками находимъ едва нѣсколько фигурокъ, и то древнѣйшаго типа. Гермесъ Кріофоросъ, божество плодородія и спаситель, специально почитавшійся въ Танагрѣ, вотъ главнѣйшій религіозный типъ терр. статуэтокъ, почти исключительно добытыхъ изъ этой же мѣстности ¹⁴¹⁾: молодой богъ, одѣтый въ короткую пастушескую одежду, (какъ и эфебъ, его представлявшій на праздникѣ) несеть на плечахъ барана; на головѣ бога бѣотійская войлочная шапка. Изъ той же Танагры (Италія и Керчи) встрѣчаемъ, напротивъ, много стат. Гермеса — ребенка, или пухлаго юноши, съ своей коварной усмѣшкою на лицѣ: скороспѣлый хитрецъ и атлетъ то задумчиво сидитъ на скалѣ, то стоитъ, держа въ рукахъ кошелькъ, и высчитывая важно свои доходы, то въ позѣ оратора, или важнаго чловека, стоитъ около своей гермы, или сидитъ на высокомъ креслѣ; на головѣ его всегда петазъ, и, какъ эфебъ, божественный ребенокъ закутанъ иногда въ свой гиматій ¹⁴²⁾.

Ни изображенія Гефеста, ни Аресъ и Гестія не извѣстны среди мифологическихъ типовъ терракоттъ, равно какъ и второстепенныя божества небесныхъ явленій ¹⁴³⁾ (Геліосъ, Эосъ, Селена, Оріонъ и пр.). Между божествами, составляющими свиту Зевса Олимпійца, равно не встрѣтимъ здѣсь Горъ или Харитъ, а изображенія Музъ, которыя прежде видѣли въ каждой изящной женской фигуркѣ, принадлежать къ исключеніямъ ¹⁴⁴⁾.

¹⁴¹⁾ Gazette Arch. 1878 p. 101 въ бѣотійской шапкѣ; изъ Эсснѣ, ст. de Witte въ Gaz. d. B. Arts, 1866 II p. 113; изъ Танагры же Ann. d. Inst. arch. di R. 1858 tav. O, p. 347. Janzé l. c. III, 2. Изъ Италіи, Biardot, l. c. pl. 24. Въ Луврѣ плоскія грубыя статуэтки.

¹⁴²⁾ Стефани полагаетъ, что многія фигурки закутаннаго и лукаво улыбающагося мальчика можно было бы и безъ атрибутовъ относить къ изображеніямъ ребенка — Гермеса и его плутоватыхъ подвиговъ. Такъ, стат. изъ Керчи, Отчетъ И. Арх. К., за 1876, VI, 6 едва ли не изображаетъ Г. См. ст. Гезея въ Revue Arch. 1873 p. 333.

¹⁴³⁾ Хотя Панюкка и видитъ напр. въ изд. имъ фигурахъ Эроса на конѣ (l. c. Taf. 19, 2; 60, 1) Геспера. Точно также лучевой нимбъ на подобной фигурѣ (Южноитал. терр. въ Луврѣ) не даетъ еще бога Мена или Лунуса.

¹⁴⁴⁾ Въ Луврѣ 3 большія статуэтки, одна съ флейтою, другая со свиткомъ, третья подобно Полимніи, опершись головою на руку. Статуэтки Керчи, издав. подъ именемъ Музъ, по ихъ задумчивому или вдохновенному виду, принадлежатъ къ разряду фигуръ смертныхъ женщинъ. Въ Ann. del Inst. arch. di R. 1874, tav. d'agg. S., p. 201—4. изд. будто бы фигурка Таліи, съ комическою маскою и амурчикомъ. Изъ Танагры несомнѣнная Муза въ изд. Кекуле, табл. XII, съ комическою маскою, имѣетъ особое значеніе въ терр., — см. ниже комическій циклъ

Иное дѣло — божества судьбы, земной жизни, рожденія и смерти, спасенія отъ бѣдъ и пр.: ихъ появленіе въ средѣ терракоттъ столь же понятно, какъ и изображенія на вазахъ. Въ самомъ дѣлѣ, богиня побѣды, крылатая Нике, въ образѣ юной, полуобнаженной дѣвы ¹⁴⁵⁾, съ вѣнкомъ на головѣ и патерою или сосудомъ (ойноχοῦ) въ рукахъ изображается въ терракоттахъ особенно часто: богиня часто стоитъ въ позѣ атлета, скрестивши ноги, у столба, изображая собою побѣду въ гимнастическихъ упражненіяхъ ¹⁴⁶⁾. Въ позднѣйшую эпоху между мифологическими терракоттами Пантикапей встрѣчается Тихе, богиня счастья, съ извѣстными атрибутами, рогомъ изобилія въ лѣвой рукѣ и рулемъ у ногъ ¹⁴⁷⁾, также въ Южной Италіи и Галліи ¹⁴⁸⁾. Иногда рядомъ съ юною богинею счастья видимъ силенобразнаго бородатаго карлика съ большимъ отвислымъ животомъ и сильно развитымъ фаллосомъ (въ рукахъ у него или у спутницы рогъ изобилія). Это Добрый Демонъ (Ἀγαθὸς δαίμων), таинственное существо греческой мифологій, родственное Кабирамъ и финикійскимъ патэкамъ, божествамъ земнаго и человѣческаго плодородія ¹⁴⁹⁾. Важно также, что и въ отдѣльныхъ статуэткахъ того же Агатодемона терракотты знаютъ только этотъ уродливый, азіатскій типъ чувственнаго демона, и напротивъ того, не представляютъ его вовсе въ образѣ юноши, съ жертвенною чашею и колосьями, какъ видимъ на барельефахъ ¹⁵⁰⁾ Рѣдко встрѣчаются въ терракоттахъ Мойры, какъ вѣстницы смерти (κῆρες θανάτου); три отдѣльныя статуэтки изъ женской гробницы въ курганѣ (больш. Близница) на Таманскомъ

¹⁴⁵⁾ Одежда Нике разнообразна: отъ двойнаго хитона въ работахъ строгаго стиля, до длиннаго пеплоса или гиматія, окутывающаго фигуру въ манерѣ Венеры Милосской. Площевый вѣнокъ на головѣ Нике Гергардъ относитъ къ изображенію богини мистерій — Telete, см. Ant. Bildw. Prodrömus p. 219.

¹⁴⁶⁾ Такъ наз. Геба, изд. въ собр. Janzé, V, 1 — вѣроятно, Нике. Точно также и фигура въ калатосѣ, изд. подъ именемъ Гебы у Гергарда Ant. Bildw. табл. 93, рис. 6, 9, архаич. типа. Большая статуя въ изд. Lutzow, Münch. Ant. V. табл. 13.

¹⁴⁷⁾ Экземпляры въ Эрмитажной коллекціи, Керченскомъ и Одесскомъ музеяхъ и пр. Рис. одного въ Древ. Босф. Комм. табл. 69, фиг. 3.

¹⁴⁸⁾ Въ изд. Пановки и Гергарда. Biardot, l. c. XV, 3 — женская фигура, лежащая на скалѣ, съ львиною маскою, въ фригійской шапкѣ, не богиня ли Агате Тихе — добраго счастья?.

¹⁴⁹⁾ Къ изд. у Пановки l. c., Taf. I, 1 замѣчанія и указанія Гергарда въ ст. Agathodaemon und Bona Dea, Akad. Abhandl. II p. 27 слд., 48 слд. и пр. Эротическая симплеγμα двухъ фигуръ, а также группа, вѣдущая на свиньѣ, при чемъ карликъ держитъ пѣтуха, Panofka, ib. № 3.

¹⁵⁰⁾ См. замѣчанія Стефани, Отчетъ Имп. Арх. Ком. за 1859 г., p. 110. Отчасти эти образы связаны съ Корою и Діонисомъ, какъ думали и указанные изслѣдователи.

полуостровѣ ¹⁵¹⁾ изображаютъ богинь съ атрибутами: шаромъ, полоскою пергамена и тарелкою съ плодами. Позднѣе — группа трехъ Мойръ съ веретеномъ, свиткомъ и вѣсами изъ Ю. Италіи ¹⁵²⁾. Совершенно неизвѣстны аллегорическія фигуры Сна (Гипноса) и смерти (Θанатоса), и повидимому, лишь изображеніе послѣдняго можно видѣть въ образѣ крылатого ребенка, спящаго въ колыбели ¹⁵³⁾ своей или на рукахъ Афродиты. Вѣроятно, въ значеніи вотивныхъ изображеній, является изрѣдка между терракоттами фигуры бога спасенія Асклепія ¹⁵⁴⁾ и Гигіен, а также и демона выздоровленія Телесфороса (Эвамеріона и пр.); этотъ послѣдній обыкновенно въ образѣ закутаннаго мальчика, голова покрыта капюшономъ (cusculus); самъ иногда представляется бородатымъ и важнымъ ¹⁵⁵⁾, какъ могущественный демонъ, иногда юнымъ, улыбающимся ребенкомъ, что должно служить апотропеемъ. Такое же профилактическое значеніе, видимо, имѣютъ фигурки Гарпократа, тоже ребенка, съ рогомъ изобилія, держащаго палецъ на губахъ ¹⁵⁶⁾, какъ и вообще подобныя фигурки карликовъ — патековъ — кабировъ, темныхъ демоновъ восточнаго происхожденія. Одна изъ этихъ фигуръ — типъ толстаго карлика, присѣдающаго на корточки, съ львиною маскою на лицѣ или въ львиной шкурѣ, иногда со щитомъ и копьемъ въ рукахъ, финикійскаго происхожденія ¹⁵⁷⁾, можетъ быть, изображаетъ Геракла — Беса (или Аріэля) ¹⁵⁸⁾, патэка — Ареса. Другія, найденныя уже на греческой почвѣ, въ Керчи ¹⁵⁹⁾

¹⁵¹⁾ Отчетъ И. Арх. Комм. за 1869 г., табл. III, 3—5. Статуэтки женщины, сидящей съ ящичкомъ въ рукахъ. Стефани, Отчетъ за 1873 г., т. II, 10, стр. 23 считаетъ за изображеніе Мойры, но не реальный ли это скорѣе сюжетъ?

¹⁵²⁾ Bullet. arch. Nap. 1857, tav. VI, 1.

¹⁵³⁾ Ranofka, l. c. Taf. XXIV, 2, 3.

¹⁵⁴⁾ Статуэтки въ Луврѣ и Брит. музеѣ, съ атриб. алтаря, рога изобилій и змѣи; Луврская статуэтка копируетъ архаич. мотивъ божества на тронѣ. Также въ катал. Дюрана № 1614, въ изд. Кларака Musée de sculpt. pl. 556, № 1175 терр. стат. изображаетъ Гигіею у столба, занятую кормленіемъ змѣи.

¹⁵⁵⁾ Подобная закутанная фигура бородатаго мужчины, архаическаго типа, съ сдвинутыми ногами, съ кривоватою палкою въ рукахъ, съ о. Калимны въ Брит. музеѣ — Аристэй, сынъ Асклепія?

¹⁵⁶⁾ Изъ Керчи, Отчетъ Арх. Комм. за 1865 г., стр. 195, прим. 1, также за 1868 г. табл. III, 3, стр. 67, примѣч. 8.

¹⁵⁷⁾ Изд. въ Musée Nap. III, pl. 19. Heuzey, pl. 8. Другой типъ, болѣе египетскаго характера и стиля, преобладаетъ въ мелкихъ амулетахъ.

¹⁵⁸⁾ См. изслѣд. Рауль-Рошетта, Hercule, стр. 36, pl. V, 13—16, стр. 336, 343 и др. Въ Mémoires de l'Inst. 1826.

¹⁵⁹⁾ Статуэтка въ коллекціи Одес. Общ. Исторіи и Древн., подобная финикійскому экз. у Лонперье, рис. прилагается.

или Ю. Италіи, но поздняго происхожденія, вѣроятно, связываютъ типъ этого примитивнаго патэка съ египетскими божествами (Пта, съ которымъ находятся въ родствѣ финикійскіе патэки — божества огня), но явно имѣютъ значеніе лишь охранительнаго амулета, подобно такимъ же фигуркамъ изъ смальты, вмѣстѣ съ другими подвѣсками и талисманами, составлявшими погребальныя ожерелья въ тѣхъ же мѣстностяхъ. Одна группа изъ Кизика ¹⁶⁰), арханческаго стиля, изображаетъ даже близнецовъ Діоскуровъ, въ видѣ двухъ нагихъ малютокъ, которые сидятъ, обнявшись; на головахъ ихъ надѣты извѣстныя яйцеобразныя колпаки. Всѣ подобныя мифологическія фигуры стоятъ, однакъ, въ тѣснѣйшей связи съ общими типами уродцевъ и гротесковъ, которые мы рассмотримъ впослѣдствіи на своемъ мѣстѣ.

Но даже и изящные типы такъ наз. геніевъ, въ видѣ крылатыхъ юношей и дѣвъ, этотъ наиболѣе темный образъ греческой религіи, повидимому, играетъ въ средѣ терракоттъ ту же опредѣленную роль покровителей, хранителей отъ зла и бѣды. Образъ генія — таинственнаго спутника жизни человѣческой, — *συνπαρθς, προσταγους τοῦ βίου*, выдвинутый орфиками и Платономъ, получилъ въ позднѣйшей религіи Грековъ важнѣйшее мѣсто, о чемъ наглядно свидѣтельствуетъ рядъ терракоттъ, воспроизводящихъ этотъ образъ ¹⁶¹), по преимуществу изъ Ю. Италіи. Наиболѣе изящные экземпляры, составляющіе фигуру сосуда (въ родѣ ойнохое) найдены въ Пантикпеѣ ¹⁶²).

Можно полагать, что въ томъ же качествѣ бога — защитника или покровителя, является въ терракоттахъ и Гераклъ, единственный изъ мифическихъ героевъ, полубоговъ, принятый въ эту среду. Конечно, народное искусство исторической эпохи Греціи уже весьма смутно помнило мифологическое значеніе этого образа солнца въ его вѣчномъ странствованіи, ежедневно нарождающагося и умирающаго, бога, обожяемаго въ видѣ обелиска и тополя, идолы котораго представлялись въ цѣняхъ, и

¹⁶⁰) Изд. въ Arch. Z. 1865, стр. 199, т. I, 2.

¹⁶¹) *Panofka*, I. с. Taf. 13, 26. *Stackelberg*, I. с. Taf. 60: *Biardot*, pl. 23, 44—6, 52. Но многіе археологи предпочитаютъ видѣть въ этихъ фигурахъ или просто Эрота, или Нике, иные даже самого Діониса и пр. Фигура крылатата генія, совершающаго возліаніе на алтарѣ, изъ Керчи, въ музей Одес. Унiverce.

¹⁶²) Изд. въ Др. Босф. Кимм. табл. 70, 1, 2: женскія крылатыя фигуры въ бакхическомъ вѣнкѣ, съ неизвѣстными атрибутами.

вмѣстѣ съ тѣмъ, бога борьбы человѣка съ природою, подчиненія ей въ чувственныхъ наслажденіяхъ. Но даже и современные циклы сказаній о Гераклѣ давали много пунктовъ соприкосновенія съ погребальными обычаями и загробными вѣрованіями: его трудовая жизнь и вѣчное блаженство по воскресеніи, какъ и его увлеченія радостями жизни придавали ему значеніе идеала, по преимуществу близкаго и дорогаго человѣку. Потому фигуры Геракла многочисленны и встрѣчаются между терракоттами всѣхъ мѣстностей: отъ греко-финикійскаго Тарсоса и Кипра до Италіи, Рима и Галліи включительно. Но между этими фигурами не встрѣчаемъ вовсе изображенія подвиговъ героя; напротивъ, обычный типъ ихъ представляетъ Геракла «отдыхающаго» послѣ трудовъ. Герой покойно стоитъ, держа палицу на плечѣ или у ногъ (въ типѣ Фарнезскаго) ¹⁶³), иногда опершись на столбъ. Иногда же богъ сидитъ (на скалѣ) и вмѣстѣ съ палицею держитъ кубокъ или даже рогъ изобилія ¹⁶⁴), въ знакъ своего обожествленія и благодарностей, расточаемыхъ людямъ. Керченская терракотта представляетъ бога увѣнчаннымъ, ¹⁶⁵) какъ служителя Діониса, наряду съ людьми, а иногда (въ гротескахъ, см. ниже) и попросту упившимся, а римская ¹⁶⁶), напротивъ, изображаетъ его на тронѣ, въ образѣ юнаго, обновленнаго божества. Еще болѣе опредѣленный типъ, явно азіатскаго происхожденія, представляетъ Геракла, какъ изнѣженную фигуру вакхическаго характера, съ дряблымъ тѣломъ Силена; онъ одѣтъ въ короткую тунику, иногда съ рукавами; его увѣнчанная голова покрыта обильными локонами, и въ рукахъ онъ держитъ патеру и бубны ¹⁶⁷).

¹⁶³) Терр. изд. Janzé, III, 1, 3.

¹⁶⁴) Panofka, I. c. Taf. 56, 2, стр. 146: Eridanatas, подземный Гераклъ (?). Лютовъ, Münch. Ant. Taf. 28.

¹⁶⁵) Древн. Босф. Кимм., табл. 70а, 5.

¹⁶⁶) Ann. dell' Inst. 1867, tav. H. Статуйка съ именемъ художника Рупія, по нашему мнѣнію, подозрительна.

¹⁶⁷) Терр. Тарсоса, Froehner, Musées de France, pl. 33, фиг. 4. Статуйки въ Луврѣ. Біардо I. c. стр. 448.

Изъ Керчи, Отчетъ Арх. Комм. за 1868 г., т. II, 9.

ГЛАВНѢЙШІЕ РЕЛИГИОЗНЫЕ ТИПЫ ТЕРР. СТАТУЭТОКЪ. ХТОНИЧЕСКІЕ КУЛЬТЫ, ЦИКЛЫ ВАКХИЧЕСКІЙ И АФРОДИТИЧЕСКІЙ, И ИХЪ ПРОЯВЛЕНІЕ ВЪ СРЕДѢ РЕАЛЬНЫХЪ ПРЕДСТАВЛЕНІЙ.

Мы выдѣлили, такимъ образомъ, изъ греческой міеологіи, съ одной стороны, тѣ ея образы, которые совершенно чужды сферѣ терракотовыхъ статуекъ, съ другой тѣ, которые являются въ ней или случайно и мимоходомъ, или съ второстепеннымъ, служебнымъ значеніемъ. При этомъ, первый разрядъ типовъ, отсутствующихъ между терракотгами, принадлежитъ къ такъ наз. Олимпу греческихъ боговъ и вмѣстѣ съ обширнымъ цикломъ ихъ міеовъ составляетъ содержаніе важнѣйшихъ произведеній греческаго искусства. Второй же родъ типовъ представляетъ образы общіе всему искусству, вѣрнѣе, формы, свойственныя его языку въ извѣстную эпоху (геніи), или даже самой погребальной обстановкѣ, въ которой терракотты по преимуществу появляются (таковы профилактическіе амулеты). Остается, стало быть, сердцевина, самое зерно терракотовой пластики, и его образуютъ явно три міеологическіе цикла: Деметры и Коры, Діониса или циклъ бакхическій и циклъ Афродиты. Именно въ общей связи ихъ представленій открывается въ терракоттахъ отношеніе къ мистеріямъ, также какъ каждый циклъ порознь совмѣщаетъ въ себѣ и наглядно воспроизводитъ опредѣленный кругъ религіозныхъ идей.

Въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ, что образы Деметры и Коры составляютъ только міеологическій центръ, вокругъ котораго группируются древнѣйшіе типы богинь природы: Астарты и Кибелы (можетъ быть, также Ген-земли и Рен-Кибелы) и ихъ питомцевъ или любимцевъ: Якха, Атиса, Агдистиса и пр. Земная жизнь освѣщается въ народномъ искусствѣ какъ бы религіознымъ лучемъ въ образѣ женщины—матери и кормилицы, который намѣренно смѣшивается или даже сливается съ міеологическимъ представленіемъ матери—земли. Мистическіе обряды празднества двухъ великихъ богинь представлены въ многочисленныхъ фигурахъ поклонниковъ и поклонницъ, жрецовъ и жрицъ, исполняющихъ священные акты жертвоприношенія и поклоненія. Въ циклу Діониса болѣе или менѣе непосредственно примыкаютъ: его свита—тіазось,

Сатиръ, Силенъ, геніи вакхическаго одушевленія, Вакханки, типы театральные или комическіе, пародіи, гротески, музыкальныя сцены, какъ религіознаго, такъ и реальнаго содержанія и т. д. Еще шире кругъ афродитическій: образъ самой Афродиты въ терракоттахъ разнообразится не только по мѣстнымъ культамъ и художественнымъ оригиналамъ, но и по оригинальнымъ мистическимъ идеямъ (напр. Афродита, рождающаяся изъ раковины), а ея спутникъ, Эроть, то играетъ роль всеобщаго, вакхическаго, или афродитическаго генія, иначе—самаго широкаго аллегорическаго образа, то, напротивъ, смѣшивается съ представленіями наивнаго дѣтскаго міра, его радостей и забавъ. Миѳъ объ Амурѣ и Психеѣ, въ конечномъ своемъ фактѣ соединенія любящейся четы на небесахъ, разрабатывается терракоттами особенно съ III-го столѣтія и связываетъ культъ богини любви съ загребными вѣрованіями, также какъ и миѳы Адониса, Европы, Леды и Ганимеда. Изъ любимцевъ богини увидимъ въ терракоттахъ Париса съ яблокомъ, и его фигура послужитъ намъ переходомъ къ разнообразнымъ реальнымъ сценамъ любовнаго жанра, какъ, въ свою очередь, типы Афродиты свяжутся съ сценами женскаго туалета и особенно многочисленными изображеніями женскаго быта (такъ наз. драпированными фигурами).

Такимъ образомъ, будетъ выдѣлена въ терракоттахъ область собственнаго *жанра* т. е. дѣйствительной жизни, безъ отношенія ея къ религіи и ея идеаламъ, сцены бытовыя, игры, палестрическія фигуры и пр. и вмѣстѣ съ тѣмъ ясно будетъ восстановлено и въ этой сферѣ греческаго искусства преобладаніе религіознаго принципа, который послѣдними изслѣдователями терракоттъ слишкомъ уже суживался въ ихъ полемикѣ противъ «символистовъ» и «миѳологовъ».

«Земля, говоритъ Преллеръ ¹⁶⁹⁾, какъ въ натуральной религіи, такъ и въ греческой, есть живой образъ бытія, рожденія и смерти, материнское лоно и вѣчно отвѣ-
стая могила для человѣка. Онъ самъ—сынъ земли, отъ земли взятъ и въ землю воз-
вращается».

Хтоническіе
культы ¹⁶⁸⁾ и
типы материн-
ства.

¹⁶⁸⁾ Не принимая во вниманіе, хотя и лучшей системы Преллера, по которой онъ божества земли подраздѣляетъ на 2 группы: божества *хтоническія*, властвующіихъ (Деметра и Кора) внутри земли, и божества *природы* (Діониса, Реи-Кибелы), ея жизни въ горахъ и лѣсахъ, мы сопоставляемъ съ Деметрою Гею и Кибелу, какъ божества земли, хотя иного миѳическаго образованія, на основаніи ихъ общаго характера въ терракоттахъ.

¹⁶⁹⁾ Griech. Myth. I, 522.

вратится, гдѣ его существованіе продолжается среди тайныхъ демоническихъ силъ, которыя изъ нѣдръ ея творятъ вѣчно новую земную жизнь».

Это живое понятіе матери земли, вѣчно рождающей и питающей, уже въ древнѣйшую эпоху искусства должно было выразиться въ общемъ типѣ верховнаго женскаго божества земли, но религіозное искусство общенароднаго значенія, въ ряду мифологическихъ типовъ (Гея, Рея, Кибела, Астарта, Діана, Деметра) этого божества должно было рано предпочесть то, которое наиболѣе индивидуализировалось въ культѣ и мифологическихъ сказаніяхъ.

Въ силу этого, Гея — земля, всеобщая мать, какъ общій образъ или даже извѣстное отвлеченіе отъ типовъ и культовъ земныхъ божествъ, не могла быть популярна въ религіозномъ искусствѣ. Врядъ ли можно даже согласиться, притомъ, съ Гергардомъ и Панофкою ¹⁷⁰⁾, что извѣстныя архаическія терракотты изъ Аттики, изображающія богиню на тронѣ съ полосомъ или калатосомъ (модіусомъ) на головѣ (иногда діадема), и прижатыми къ колѣнамъ руками, представляютъ именно Гею, только потому, что въ Атикѣ существовалъ специальный культъ этой богини: вѣдь тамъ же игралъ важнѣйшую роль культъ Деметры. Тѣмъ болѣе всѣ подобные идолы-чки богини изъ другихъ мѣстностей (изъ Сициліи, Ю. Италіи) не могутъ быть относимы къ Геѣ безъ особыхъ доказательствъ и, вѣроятно, изображаютъ Деметру.

Точно также, безъ достаточныхъ основаній, думали видѣть въ подобныхъ фигурахъ Гею Кибелу, тогда какъ сравнительно рѣдкія ея изображенія въ терракоттахъ всегда сопровождаются опредѣленными атрибутами: градскою короною, львомъ и пр. ¹⁷¹⁾. Но ея любимецъ, юноша Аттисъ, въ преждевременной смерти котораго народное воображеніе олицетворило скоротечность земной жизни, занялъ свое мѣсто въ загробныхъ вѣрованіяхъ, а отсюда и въ терракоттахъ. Мы видимъ его здѣсь въ образѣ молодого пастушка, наигрывающаго на свирѣли или въ печальномъ раз-

¹⁷⁰⁾ Gerhard, Ant. Bildw., Prodrömus p. 21, 28 слд., Taf. 95, 1—3. Panofka, 1. с. Taf. I, 2, 3, II p. 13. Догадки Панофки, что полосомъ обозначается Гея Олимпійская, «Эфирная земля», или земля — луна, относятся къ обычнымъ натяжкамъ этого ученаго. Overbeck, Kunstmythologie, III p. 415 видитъ въ этихъ терр. Деметру.

¹⁷¹⁾ Богиня или ѣдетъ на львѣ, или львы сидятъ по сторонамъ ея трона, а сама богиня держитъ львенка на колѣнахъ; вторая форма въ терр. изъ Керчи въ музеѣ Одѣс. Общ. Ист. и Древн. (рис.). Одна атт. терр. представляетъ богиню на верблюдѣ, подъ покрываломъ.

думьи ¹⁷²⁾. Но самый интересный сюжетъ представляютъ изображенія двуполого Агдистеса, рожденнаго Кибелою, и оскотленнаго богами, потому будто бы, что они опасались его могущества, чѣмъ въ мифологіи выражена борьба нравственной религіи съ натуральною ¹⁷³⁾.

Но наиболѣе оригинальными въ средѣ этихъ грубыхъ издѣлій, хотя въ типѣ архаическихъ идоловъ, однакоже позднѣйшаго происхожденія, являются терракоттовыя статуэтки изъ Керчи, изображающія, по утвердившемуся уже взгляду, Астарту. Богиня сидитъ на высокомъ тронѣ, подѣ покрываломъ, ниспадающимъ съ высокаго клобука, ноги ея покоятся на подножіи, руки протянуты впередъ и въ хорошо сохранившихся экземплярахъ держатъ патеру и плоды ¹⁷⁴⁾. Въ общемъ видно замѣчательное сходство съ типами той же богини на босфорскихъ монетахъ (впервые Гипеириды, затѣмъ Савромата II и III, Рискунорида III и пр. ¹⁷⁵⁾), за тѣмъ, однакоже, исключеніемъ, что Астарта монетнаго типа имѣетъ или большой монашескій клобукъ или башенную корону, съ которыхъ падаетъ покрывало, и держитъ въ рукахъ скипетръ, протягивая въ тоже время плодъ. Точно также и глиняныя статуйки Астарты финиійскаго происхожденія (изъ Финикіи и Родоса ¹⁷⁶⁾) представляютъ именно монашескій клобукъ съ длиннымъ капюшономъ позади. Нельзя, по этому, не сблизить Керченскихъ фигуръ съ извѣстными барельефными изображеніями Керы въ покрывалѣ, которымъ, видимо, подражалъ лѣпщикъ. Одна тождественная терракоттовая фигура изъ Тегей ¹⁷⁷⁾ представлена держащею пѣтуха — птицу, сопоставляемую съ Корою.

¹⁷²⁾ Фигуры Аттиса болѣе многочисленны, чѣмъ думаютъ: къ нимъ относятся не только отмѣченныя въ каталогѣ Дюрана, № 1662—3, изд. въ Отчетѣ Арх. Комм. за 1870—1 гг., табл. V, 4, стр. 185 (Атисъ несетъ козла на плечахъ), также въ изд. Панофки и пр., но и многія фигурки изъ Смирны, Керчи, Ю. Италіи въ разныхъ собраніяхъ. Есть изображенія Атиса, вѣдущаго на львѣ, и пр.

¹⁷³⁾ Изображеніе въ терр. изд. Панофкою 1. с., табл. XXV, 2; представляетъ А. полуобнаженнымъ, сидящимъ на скалѣ, съ бороною, женскими грудями и мужскимъ членомъ.

¹⁷⁴⁾ Эти статуэтки изданы въ Древн. Босф. Киммер. таб. 70, 5. *Ашика*, Восп. царство, II рис. 88. Онѣ исполнены въ видѣ горельефа, руки надставлены, и потому обыкновенно бывають отломаны, какъ и тонкія стѣнки самыхъ статуекъ. Изъ Ольвіи въ Изслѣд. древн. Ю. Россіи гр. Уварова, табл. 18, рис. 7. Экземпляры изъ Керчи во многихъ собраніяхъ, даже въ Луврѣ. Лучшій въ Одес. музеѣ (рис., таб. I, 1).

¹⁷⁵⁾ См. Кёне, музей кн. Кочубея, II стр. 216, 230, 293 и т. д.

¹⁷⁶⁾ Heuzey, Figurines du Louvre, pl. XI, 1, 2. Также Longpérier, Musée N. III, pl. 24, 2.

¹⁷⁷⁾ *Nuove Mem. del Inst.* 1865, VI, 3.

Наконецъ азіатскій культъ Діаны Эфесской видѣлъ въ ней, несомнѣнно, высшее божество жизни и плодородія, когда придавалъ ея терр. изображенію множество грудей, или окружалъ его эмблемами и символами ¹⁷⁸⁾.

Въ этомъ ряду міеологическихъ типовъ народное искусство терракоттъ, слѣдовательно, воспроизводило лишь сакральные образы архаическихъ идоловъ, сложившихся въ древней натуральной религіи. Напротивъ того, въ образахъ Деметры и Керы оно могло, сохраняя религіозный идеаль, найти и живыя нравственныя черты, близкія человѣческому чувству.

Начнемъ съ того, что эти двѣ богини изображаются въ терракоттахъ ¹⁷⁹⁾ порознь, какъ великія властительницы природы и жизни. Въ архаическихъ глиняныхъ идольчикахъ изъ Тегей Деметра является, какъ верховная богиня, на тронѣ, увѣшанная всякими ожерельями, серьгами, въ длинномъ іоническомъ хитонѣ. Между множествомъ подобныхъ грубыхъ статуекъ видимъ и фигуры богини въ высокой коронѣ и пеплосѣ, сидящей на тронѣ, но уже съ атрибутами плодородія: такъ въ одной фигурѣ, поднявшійся съ земли около ногъ богини макъ кладетъ свою головку ей на колѣна ¹⁸⁰⁾. Подобныя же статуэтки (изъ Пэстума и пр. ¹⁸¹⁾) въ калатосѣ, съ яблокомъ въ рукахъ или чашею, наполненною плодами, или плоскою патерою для возліяній, или даже корзиною съ плодами у ногъ, представляютъ общій типъ подавательницы земныхъ благъ, а въ художественномъ отношеніи мало различаются отъ представленія другихъ женскихъ божествъ.

Уже, какъ участница въ собственномъ культѣ и, отчасти, мистеріяхъ, является Деметра въ терракоттахъ стоящею съ атрибутами культа — мистическимъ поросянкомъ ¹⁸²⁾. Отъ подобныхъ же изображеній жриць Деметры самое богиню слабо отличаетъ или характерная матрональная одежда (длинный хитонъ и пеплосъ), или

¹⁷⁸⁾ Замѣчательная Діана съ собакою — статуйка, служащая лампою — поддерживаетъ два рожа лампы въ видѣ большихъ фаллосовъ; изъ Галикарнасса, см. Newton, pl. 24 f. 5.

¹⁷⁹⁾ Overbeck, ib. p. 491—2 признаетъ за Д. только нѣсколько фигуръ изъ Пэстума на томъ основаніи, что у прочихъ нѣтъ ясныхъ атрибутовъ, но его обзоръ терракоттъ крайне неполонъ по всемъ изд. міе. отдѣламъ.

¹⁸⁰⁾ Коллекція Фр. Ленормана, статья де Витта въ Gaz. des B. A. 1866, II стр. 109. Это Д. Хлоя.

¹⁸¹⁾ Gerhard l. c., таб. 98, 2, 3; Panofka, l. c. таб. 56, 1; 57, 2. Overbeck, ib. p. 491. Но такія же фигуры съ гранатою, Дюрана катал. № 1655 b., представляютъ, вѣроятно, Керу.

¹⁸²⁾ Рядъ фигуръ этого типа: изъ Элевзиса, изд. Ленорманомъ въ Arch. Z. 1864, таб. 191; изъ Книдоса,

калатось на головѣ, или также особые атрибуты, въ родѣ связки колосьевъ въ рукѣ и пр. Но, если-бы даже въ данномъ случаѣ фигуры смертныхъ жрицъ, украшенныхъ тѣми же атрибутами, и смѣшивались нами съ изображеніемъ самаго божества, то это зависитъ отъ общаго характера терракоттъ, которыя намѣренно сливаются, какъ увидимъ, сферу божескую и человѣческую. Народный художникъ облачаетъ поклонницу Деметры въ пышныя одежды богини ¹⁸³⁾; надѣваетъ на нее калатось—плодовую корзину богини и проч., явно воспроизводя самые обычаи и обряды религіозныхъ процессій.

Болѣе своеобразнаго представляютъ традиціонныя изображенія Кору, въ особенности извѣстныя и многочисленные «бюстики» (bustini) богини ¹⁸⁴⁾. Подобно керченскимъ фигурамъ Астарты, эти бюстики принадлежатъ къ болѣе типичнымъ формамъ народныхъ идольчиковъ и представляютъ оттиснутое въ плоскомъ барельефѣ изображеніе юнаго женскаго божества по грудь; голова ея или даже весь бюстъ окутаны покрываломъ, какъ прилично вѣчной невѣстѣ владыки Аида, но въ рукахъ ея, кромѣ гранаты — страшнаго плода кровавой смерти, виденъ и цвѣтокъ, символъ весны и надежды. Иногда изящное искусство Греціи IV вѣка въ этомъ символическомъ изображеніи даже возвращалось къ восточному прототипу богини питательницы, изображая Кору съ руками, положенными на грудь — традиціональный жестъ примитивныхъ идоловъ великой матери, изливающей изъ своихъ сосцовъ плодотворную влагу ¹⁸⁵⁾. Такой же космическій смыслъ заключается въ другихъ символическихъ

въ соч. Newton, Discoveries at Halicarn. and Cnidos, pl. 46, 1. Изъ Сициліи, Ov. ib. p. 493 прим. с. Изъ южной Италіи, And. Bildw., т. 99, Panofka, Taf. 57, 58.

¹⁸³⁾ Поэтому и матрональный костюмъ не можетъ [въ свою очередь безусловно указывать на изображеніе богини Д., какъ наоборотъ, обнаженіе верхней части тѣла не требуетъ видѣть въ фигуркѣ смертную жрицу, какъ думаетъ Овербекъ ib. p. 494 (см. ниже).

¹⁸⁴⁾ Лучшій бюстъ изъ несомнѣнныхъ изображеній Кору изд. у Панофки l. c. Taf. 52—вотивный акротерій, по мнѣнію издателя; кромѣ покрывала лавровый вѣнокъ; изъ Ю. Италіи. Другой у Гергарда, Акад. Abh., Taf. LX, 6, изъ изданія Avolio, представляетъ на плечахъ Кору двѣ головы (Діоскуровъ?) и на головѣ калатось. Также съ гранатою и цвѣткомъ, Ann. del Inst. 1849, V, tav. 9, 1. Изъ Керчи въ Эрмитажъ, Отчетъ Арх. Ком. за 1873, стр. 16. Изъ Греціи въ частныхъ коллекціяхъ, одна фигура съ рогами, увѣнчана плющемъ. Въ Музеѣ Одесск. Общ. 6 экз. изъ Керчи и 1 изъ Смирны.

¹⁸⁵⁾ Бюстъ изъ Смирны прекрасной работы, въ Музеѣ Од. Общ. Ист. и Древн., см. рис. Подобный же, но рука Кору отводитъ покрывало, изданъ Гёзельмъ въ Monum. grecs 1876, стр. 20, pl. 2, изъ Оливъ, высокаго стиля; авторъ видитъ въ бюстѣ Деметру. Маленькій бюстъ изъ Керчи въ Древн. Босф. Кимм. таб. 69, рис. 4 и большой оттуда же, ibid. таб. 700, 4. Прелестный бюстъ въ натур. вел. въ Вѣнскомъ Кабинетѣ Древн. №№ 56, 57.

деталяхъ этихъ бюстовъ, каковы напр. головы, иногда помѣщенные на каждомъ плечѣ богини ¹⁸⁶), или плющъ и растительные побѣги, окружающіе бюстъ ¹⁸⁷). Статуэтки Кору въ гиратическомъ типѣ почти не отличаются отъ изображеній ея матери, и только граната въ рукахъ подобной фигуры заставляеть ее принимать за самое Кору ¹⁸⁸). Но позднѣйшее искусство придавало уже Корѣ нерѣдко типъ Афродиты ¹⁸⁹), или снабжало богиню атрибутами спеціальнаго ея культа: цвѣткомъ ¹⁹⁰), новорожденнымъ животнымъ ¹⁹¹), пѣтухомъ ¹⁹²), вѣстникомъ утра и весны, гусемъ, иногда колосьями ¹⁹³) и пр.

Далѣе, подъ вліяніемъ, конечно, мистерій, терракотты особенно останавливаются на взаимной любви матери и дочери: эта любовь и единеніе ихъ послѣ жестокой и долгой разлуки составляетъ ихъ обоюдное счастье и благо всего человѣчества ¹⁹⁴). Таковы изображенія Деметры и Кору, сидящихъ, обнявшись, (*ἀμφαγαπαῖσθμενα*, по выраженію гомерическаго гимна Деметрѣ) на одномъ тронѣ, иногда съ ребенкомъ Яххомъ — демономъ мистерій посреди ¹⁹⁵), или же обѣ богини стоятъ рядомъ другъ съ другомъ, дружелюбно обнявшись ¹⁹⁶), или чаще положивши руки одна другой на

¹⁸⁶) Эти головы, вырастающія на плечахъ, указываютъ на символизмъ древняго Востока,—ср. ниневійскія эмблемы Ассира и финикійскіе идолы Сириніи. Есть под. амулеты изъ свинца между древностями Ольвии въ разныхъ собраніяхъ.

¹⁸⁷) Ближайшая аналогія на южно-итальянскихъ (Апуліи) вазахъ: женская головка подымается изъ цвѣтка. Но напрасно видѣть въ этомъ Кору, возвращающуюся на землю, какъ напр. на дискѣ, изд. въ Arch. Z. 1855, таб. 74.

¹⁸⁸) Изъ Керчи, въ Отчет. Арх. Комм. за 1859 таб. IV, 2. стр. 131. Двѣ стат. въ Луврѣ представляютъ богиню подъ покрываломъ, съ руками, положенными на колѣнахъ.

¹⁸⁹) Статуэтки изъ Пэстума; изданныя у *Гергарда* Ant. V. Taf. 97.

¹⁹⁰) Изъ Керчи: Древн. Босфора Кимм. табл. 69, фиг. 9.

¹⁹¹) Изъ аттич. гробницъ, много въ Музеѣ Аѳинъ и частныхъ собраніяхъ.

¹⁹²) Любопытная стат. въ высокомъ клобукѣ изъ Теген, принятая у *Бернулли*, *Aphrodite* p. 49, 40 и 56, 22 н. за Венеру. Ср. барельефъ изъ терр., *Müller Wies., Denkm. d. a. K. II*, рис. 856, или статеры Лампсака.

¹⁹³) Большая голова богини въ покрывалѣ, съ колосьями въ волосахъ, какъ Кора Деспойна, чтившаяся въ Тегеѣ, изд. де Виттомъ въ *Gaz. d. B. A.* 1866, II p. 110.

¹⁹⁴) На эту черту въ художеств. образахъ матери и дочери особенно обратилъ вниманіе Акад. Стефани въ своемъ описаніи терр., См. Отчетъ II. Арх. Ком. за 1876 стр. 188 — 9 и прим. 3 со сводомъ мѣстъ изъ прежнихъ Отчетовъ.

¹⁹⁵) Изъ Пренесте, Пэстума, окрестн. Рима. *Gerhard*, Акад. Abl. таб. 79, 1; группа съ Яххомъ, *Gerhard Ant. Bildw.* т. II, III. Также *Overbeck*, ib. p. 485. Одна подобная группа въ Луврскомъ Музеѣ.

¹⁹⁶) Терракоттовая группа изъ Тамани, изд. въ Отчетѣ А. Ком. за 1870—1 гг., т. II. 1. Но остальные группы, изд. въ Древн. Б. Кимм. таб. 70 1; также *Stackelberg* l. c., таб. 69, съ крылатымъ ребенкомъ, скорѣе относятся

плечи. Особенно замѣчательны изъ Ю. Россіи группы Деметры, держащей на своихъ плечахъ маленькую Кору, истолкованныя акад. Стефани ¹⁹⁷⁾ вполне вѣрно и окончательно по отличному экземпляру, недавно найденному въ Керчи.

Однако, всѣ попытки найти въ терракоттахъ ближайшее воспроизведеніе сценъ и мифовъ ¹⁹⁸⁾, составлявшихъ содержаніе Элевзинскихъ мистерій, остаются доселѣ лишь догадками и часто грѣшатъ предвзятыми теоріями художественной типологіи. Въ прекрасной женской фигуркѣ, припавшей колѣномъ къ землѣ и какъ бы собирающей цвѣты ¹⁹⁹⁾, многіе еще желаютъ видѣть сцену такъ наз. *антологіи*, т. е. Кору, увѣнчанную плющемъ, какъ богиню весны, и рвущую цвѣты въ долину Ниссы, до похищенія Аидомъ; подобная же статуэтка женщины, какъ будто бьющей землю, Штарку опять представляется Деметрою, вызывающею свою дочь изъ подземнаго царства (!) ²⁰⁰⁾. По нашему мнѣнію, какъ эти фигуры, такъ и тѣ пресловутыя изображенія такъ наз. *Каталузы*, т. е. Деметры, на своихъ плечахъ выносящей свою дочь изъ Аида, о которыхъ такъ много было спора въ послѣднее время (см. ниже реальные сцены и типы) принадлежатъ къ многочисленному разряду реальныхъ сценъ и не имѣютъ ничего общаго съ мифологіею. Но въ тоже время эти реальные сцены вовсе не составляютъ такъ наз. жанра, т. е. голаго воспроизведенія дѣйствительности, и молодыя женщины, рвущія цвѣты, если и не представляютъ Кору, то должны напоминать ее въ гробницѣ.

Кромѣ того, нами намѣренно выдѣленъ тотъ типъ изображеній Деметры и Кору, въ которомъ обѣ богини являются чаще порознь, но иногда и вмѣстѣ, съ ребенкомъ на

Типы
материнства

къ Афродитѣ и Пейто съ Эротомъ, о чемъ см. Overbeck ib. p. 486—8. Замѣчательной сохранности группа Д. и К., обнявшихся, послѣдняя съ яблокомъ въ рукѣ, изъ Коринѳа, издана Гёзеємъ въ Monum. grecs. p. p. l'Ass. pour l'encourag. des études grecques 1876 pl. 1. Тамъ же стр. 5—9 сводъ всѣхъ данныхъ литературы и искусства для объясненія группы. Древнѣйшая группа изъ Камироса въ изд. Heuzey, pl. 13; изъ Китіона на Кипрѣ, прекраснаго гіератическаго стиля ib. pl. 16.

¹⁹⁷⁾ Др. Босф. Кийм., таб. 70, 1 — изъ Θεοδοσίи. Отчетъ Арх. Ком. за 1870, II, 1, 2, за 1872 p. VII и вновь ib. за 1876 г. VI, 1 стр. 184 — 192.

¹⁹⁸⁾ Одна группа изъ Ю. Италіи, въ Неаполѣ, м. б., представляетъ Д. и К., везомыхъ на колесницѣ парой собакъ (?).

¹⁹⁹⁾ Основаніемъ послужила терр. колл. Janzé, XIII, 2; у Biardot pl. 21. Heuzey въ ст., въ Monum. Gr. I. c., p. 9 sq., Les cueilleuses des fleurs... вновь издалъ 3 стат. и рассмотрѣлъ весь вопросъ. Однѣ фигуры собираютъ цвѣты, другія — виноградъ, а нѣкоторыя играютъ въ кости.

²⁰⁰⁾ Стат. изъ Афинъ, Stackelberg, таб. 64; под. изъ Олимпры, Stark: Nach d. gr. Orient, p. 376.

рукахъ у груди или въ иномъ положеніи, — типъ извѣстный подъ эпитетомъ *Куротрофосъ* — богини «кормилицы» ²⁰¹). Издѣсь смутная сфера народнаго, еще примитивнаго въ своихъ манерахъ искусства, и отсутствіе опредѣленныхъ атрибутовъ даетъ поводъ ко многимъ сомнѣніямъ и разногласіямъ. Исходя изъ точки зрѣнія специальной типологіи извѣстныхъ божествъ и забывая при этомъ общую идею, руководившую народными художниками, археологи ищутъ тамъ индивидуальности и частнаго типа, гдѣ ихъ нѣтъ, и предлагаютъ тонкій анализъ мифологическихъ частныхъ, гдѣ онъ вовсе неумѣстенъ ²⁰²). Но также несправедливо отказывать этимъ изображеніямъ въ ихъ несомнѣнномъ религіозномъ значеніи и въ частности отрицать связь всѣхъ подобныхъ изображеній съ культомъ Деметры. Общее религіозное значеніе этихъ сюжетовъ открывается уже въ томъ, что прототипомъ ихъ служатъ древне-финикійскіе идольчики Афродиты и вотивные памятники (изъ известняка) открытые во множествѣ экземпляровъ на Кипрѣ ²⁰³) въ святилищахъ Афродиты. А самыя статуйки матерей съ дочерьми извлечены во множествѣ также изъ развалинъ святилищъ или храмовъ Деметры и Цереры ²⁰⁴). Понятно, что если эти вотивныя статуйки назначались для того, чтобы напомнить богинѣ (будь то Афродита или Деметра) о неплodin ея почитательницъ, или чтобы испросить у нея благословенія новорожденному, то онѣ должны были естественно быть въ связи съ характеромъ божества и въ своихъ типахъ напоминать этотъ характеръ, — общая черта такихъ издѣлій. Отсюда, можно заключить, что извѣстный разрядъ этихъ статуекъ могъ даже изображать самое богиню, какъ мать, кормящую ребенка, иначе говоря, реальное представленіе должно было

²⁰¹) Сводъ изданныхъ сюжетовъ этого рода съ атрибутами Д. и К. сдѣланъ Овербекомъ ib. p. 488—90: это терр. изъ Пэстума (4 у Гергарда въ Ant. Bildw., табл. 96), одна изъ Калимны, а двѣ группы изъ Керчи. Остальныя отнесены имъ къ реальнымъ сценамъ, потому что изображаютъ стоящихъ женщинъ.

²⁰²) Такъ въ иныхъ статуикахъ, одни, различаютъ Гею Куротрофосъ, другіе нимфу съ Діонисомъ, третьи Кору съ Яхмомъ, четвертые даже, Юнону съ Марсомъ или Геркулесомъ и пр., см. Стефани, Отчетъ Арх. Ком. за 1859 г. стр. 131. Кромѣ того извѣстны (въ мифологіи и искусствѣ) Гестія Куротрофосъ, Латона *ἐδῆκτις*, Артемида *παιδοτρόφος*; Геката, Афродита К., Ейренэ съ Плутосомъ и пр.

²⁰³) И на Востокѣ вообще. Въ Ускукѣ (Prusias ad Hyprium) М. Азии найдена б. статуя Куротрофосъ, которую приняли за Богородицу, см. Martigny, Dict. des antiq. chrét., p. 295.

²⁰⁴) Въ Книдосъ, см. Newton Discoveries at Halic. and Knidos, табл. 47, 5.; Афинахъ, изд. у Штакельберга I. с. табл. 59; Сициліи разл. мѣстахъ; Кампанія, по близости древней Капуи, въ развалинахъ храма Цереры, см. Biardot, I. с. p. 336; Пэстума (храмъ Цереры) изд. у Гергарда въ Ant. Bildw., Taf. 96; Пренесте ib. и т. д.

соприкасаться съ мифологическимъ образомъ и изъ него почерпнуть свой смыслъ. Но по тому же самому мы должны отказаться отъ мысли искать мифологическихъ разновидностей богини — матери въ этихъ терракотовыхъ статуйкахъ, какъ напр. Гею, Афродиту ²⁰⁵), или Ейрене съ Плутосомъ и пр., и ограничиться культомъ Деметры, этой матери-богини по преимуществу ²⁰⁶), Элевзинской кормилицы Триптолема, котораго она наградила земными плодами, и Демофона, котораго своимъ питаніемъ она хотѣла обезсмертить. Возможно, далѣе, что именно вотивныя изображенія этого рода, покупавшіяся въ ея святилищахъ, полагались затѣмъ въ могилу умершимъ дѣтямъ, какъ изображенія Изиды, питающей Горуса ²⁰⁷), находямыя во множествѣ въ египетскихъ некрополяхъ. Ясный символъ, простая эмблема надежды на то, что и за гробомъ принимаетъ человѣка великая мать, питающая его и въ будущей жизни ²⁰⁸)!

Понятно также, какъ трудно отдѣлать здѣсь мифологическое отъ реальнаго: примѣты, которыми руководятся обыкновенно ²⁰⁹), а именно: тронъ и поза сидящей фигуры, покрывало на головѣ, извѣстные атрибуты, могутъ столько же относиться къ Деметрѣ и Корѣ — Персефонѣ, сколько къ эмблематической характеристикѣ реальной сцены. Но если и можно выдѣлать со всею осторожностью несомнѣнныя изображенія божества (ихъ отчасти отличаетъ архангелскій типъ), то ихъ примѣты, почти безъ исключенія, все же будутъ указывать на Деметру или Кору ²¹⁰). Такъ, въ рукахъ богини, кормящей ребенка и сидящей на тронѣ, находимъ ²¹¹) плодъ, яйцо,

²⁰⁵) Развѣ только ребенокъ не представляетъ явно крылатаго Эроса, о чемъ см. ниже.

²⁰⁶) Въ Афинахъ и Вел. Греціи Д. и Кора наз. *μήτηρ καὶ ἡ Κόρη*; Корѣ придавался и братъ — *Κόρος*; Ceres Jacchaea у итал. археологовъ.

²⁰⁷) Изображеніе это находится даже между Южноитал. позднѣйшими терракоттами; богиня имѣетъ уреусъ и подымается изъ аканѳа.

²⁰⁸) Мысль Гергарда, излож. въ Программѣ Винкельманова празднества на 1862 г., Arch. Anz. 1862 p. 367.

²⁰⁹) См. Overbeck, Kunstmyth. Demeter. p. 488 сл.

²¹⁰) Напрасно, кажется намъ, Гергардъ раздѣляетъ эти божества, относя одинъ типъ къ Д., другой къ Корѣ. И религія, и искусство ихъ сливали тѣсно. Roulez, въ ст. L'éducation de Jacchus въ Ann. del Inst. 1865 p. 77, относитъ всѣ статуи къ Корѣ.

²¹¹) Кромѣ изданныхъ у Гергарда въ Ant. Bildw., табл. 96 и Akad. Abh. таб. 80, 1, *Панопки*, 1. с., табл. 54, 1 и пр., мы руководились особенно коллекціею 15 терр. группъ Луврскаго музея, изъ которыхъ болѣе половины принадлежатъ къ реальнымъ сценамъ.

или птичку и патеру; сама богиня имѣетъ калатось, и покрывало окутываетъ не только ее самое, но иногда и ребенка ²¹²). Въ этрусскихъ изваяніяхъ этого рода присоединены другія детали: по сторонамъ трона лежатъ два сфинкса или двѣ змѣи ²¹³), и Гергардъ относитъ это изображеніе къ древнеримской богинѣ *Vona Dea*, отождествлявшейся у Римлянъ съ Корою, какъ богиня женскаго начала, и пользовавшейся сходнымъ культомъ. Иногда божественный характеръ фигуръ матери и ребенка намѣченъ въ пышныхъ діадемахъ, украшенныхъ плодами ²¹⁴), или въ высокомъ стилѣ фигуръ.

Но затѣмъ все разнообразіе варіантовъ этого сюжета должно быть отнесено къ реальному представленію идеи: это не есть жанръ въ собственномъ смыслѣ, ибо и цѣль его, и назначеніе, и самые типы имѣютъ слишкомъ много общаго съ мифологическимъ источникомъ. За то и многія изъ сидящихъ фигуръ изображаютъ смертныхъ женщинъ съ ихъ дѣтьми ²¹⁵), ибо именно въ этой позѣ возможно изображеніе кормленія (*τρέφειν*) ребенка и, слѣдовательно, изображеніе главнаго мифологическаго признака (Куротрофось). Женщина бываетъ иногда увѣнчана плющемъ, ребенокъ спеленатый или закутанный ²¹⁶); въ одномъ экземплярѣ, рядомъ съ матерью, представленъ отецъ — бородатый мужчина ²¹⁷). Но еще чаще (терр. Керчи, Танагры, Ю. Италіи) реальные типы представляютъ намъ мать, стоящую съ ребенкомъ на рукахъ; изрѣдка отступаютъ они даже въ область чистаго жанра: напр. мать водить ребенка за руку — учить его ходить ²¹⁸), или около матери увивается также и собачка. Встрѣчаются и пародіи на этотъ сюжетъ: беременная старуха нянчится съ

²¹²) Обыкновенно одинъ ребенокъ, но въ группахъ изъ Галліи у *Tudot* I. с. двое дѣтей на груди у богини (Латона съ Аполлономъ и Артемидою?): pl. 25, 26—7, 30—1; изъ 15 группъ Лувра одна представляетъ трехъ дѣтей (аллегорія?).

²¹³) *Гергардъ*, *Ant. Bildw.*, III, 2, его же *Akad. Abh.*, таб. 49, 2. Большая статуя изъ Кьюзи упомянута въ *Arch. Z.* 1848 p. 202. Бронзовая группа, съ жертвенною свиньею, *Akad. Abh.*, т. 49, 3.

²¹⁴) Одна фигурка въ Луврѣ изображаетъ женщину въ высокой діадемѣ; у ногъ фигуры закутанный ребенокъ — Якхъ? См. также варварскаго стиля группу (богиня имѣетъ дискъ — полосъ на головѣ), изд. въ ст. *Renouvier*, *Sur une figurine en t. c. du Cab. arch. de Montpellier* (*Mém. de la soc. a. de M.* № 20) 12 pp., 1 pl.

²¹⁵) *Biardot* I. с. pl. 2^a, 1, 2. Терр. въ Луврѣ: мать раскрываетъ грудь и кормитъ ребенка, ребенокъ спитъ у груди и пр.; не изд.

²¹⁶) Изъ Апуліи; *Гергардъ*, *Akad. Abh.* II, 70, 1, 2.

²¹⁷) Изъ Ю. Италіи, въ Карльсруэ.

²¹⁸) Изъ Канузіума, въ Брит. музеѣ, не изд.

ребенкомъ, или толстый комикъ мучится съ нимъ, собираясь его пеленать ²¹⁹⁾, и пр. Что касается фигуры окрыленного ребенка на рукахъ или на плечахъ женской фигуры, то мы лучше желаемъ ихъ относить къ разряду афродитическихъ сценъ съ Амуромъ, чѣмъ вдаваться въ сложную путаницу символикостическихъ толкованій ²²⁰⁾.

Въ тѣснѣйшей связи съ нравственнымъ элевзинскимъ поклоненіемъ Деметры и Вакхическій
циклъ. Керы, рождающимъ и въ сферѣ народного искусства мысли высокія и образы идеальные и трогательные, стоитъ, однакоже, его физическая земная сторона, выражающаяся въ широкомъ *вакхическомъ* культѣ. Именно этотъ культъ сообщалъ тайнамъ бытія природы и божества человѣческой характеръ, оживлялъ религію воображеніемъ, элементами человѣческаго чувства, горя и радости, экстаза и унынія, веселою музыкою и драматизмомъ процессій и пантомимъ. Отсюда значеніе этого культа въ искусствѣ Грековъ, какъ и въ религіи, не только лежитъ въ разнообразныхъ представленіяхъ, имъ рождаемыхъ, но еще болѣе въ томъ общемъ вакхическомъ характерѣ, который проникаетъ собою другіе культы, приближаетъ ихъ къ землѣ и человѣку.

Въ терракоттахъ эта связь вакхического цикла съ элевзинскимъ культомъ отражается именно въ обильномъ употребленіи вакхическихъ атрибутовъ и сценъ. Не только сама Кора, но и женскія фигуры вообще бываютъ часто увѣнчаны вѣнками изъ плюща или розъ ²²¹⁾. Оргіастическій характеръ выражается въ полуобнаженныхъ фигурахъ этихъ поклонницъ, въ позахъ экстаза и упоенія или грусти. Замѣчательная и единственная группа изъ Аѳинъ въ Британскомъ Музеѣ представляетъ напр. слѣдующую сцену, въ поздне - архаическомъ стилѣ: возлѣ алтара съ столбообразнымъ идоломъ двѣ женскія фигуры: одна, наряженная Корою, съ калатомъ на головѣ и большимъ тимпаномъ въ рукахъ, въ восторженномъ состояніи; другая въ хитонѣ, развѣвающимся и спустившемся ниже груди, приподнимаетъ полу

²¹⁹⁾ Biardot, pl. VII, 2.

²²⁰⁾ О геніи смерти на рукахъ Афродиты: *Герарда* въ Ant. Bildw., tav. XX, p. 241 слд.; объ Афродитѣ Мимнерміи или Эпитимбіи и пр. *Panofka*, табл. XXI—XXIII.

²²¹⁾ Напр. изъ Ю. Италіи: *Panofka*, l. c. таб. 38, 39, 40.

чтобы пуститься въ плясъ: можетъ быть, двѣ жрицы на празднествѣ Керы. Въ терракоттахъ, видимо, сливаются культъ элевзинскій и обряды триетерпическихъ оргій того Діониса, который въ Танагрѣ, по Павз. IX, 20, 4, даже именовался *παρῆδρος Δαμάτερος*.

Фигуры поклонницъ элевзинскихъ таинствъ изображаются всего чаще съ жертвеннымъ поросенкомъ въ рукахъ, при чемъ держатъ иногда корзины съ плодами, или блюда, съ жертвенными приношеніями и яблоками. При длинныхъ одеждахъ женъ и дѣвъ, ихъ груди иногда полуоткрыты и головы увѣнчаны плющемъ. Въ этотъ же разрядъ входятъ многочисленныя статуэтки съ поросенкомъ на рукахъ и фигуры дѣтей, ѣдущихъ на свиньѣ или играющихъ съ ней ²²²). Свинья, этотъ символъ плодovitости, сулитъ роскошную жизнь посвященнымъ, и Стефани ²²³) подробно разсматриваетъ ея отношеніе къ вакхическому циклу; въ немъ свинья становится эмблемою грубаго эпикуреизма, рекомендующаго наслаждаться благами земной жизни. Въ обще-вакхическимъ типамъ относимъ мы и довольно часто встрѣчающіяся фигуры съ олененкомъ на рукахъ—какъ участницъ вакхическихъ процессій, также фигуры съ тимпанами или бубнами, кроталами ²²⁴) и пр., равно какъ и разнообразныя, но кѣйне темныя изображенія дѣтскихъ фигуръ на ослахъ, мулахъ и пр.

Но самый любопытный отдѣлъ въ этой серіи представляютъ фигуры *идрофоръ*, женщинъ, держащихъ на головѣ гидрію съ водою ²²⁵). Эти водоносицы, какъ можно думать были участницами въ обрядахъ культа хтоническихъ божествъ, тогда какъ поклонницы съ приношеніями могутъ представлять собою обряды культа погребальнаго. Тотъ же смыслъ должны имѣть многочисленныя фигуры такъ наз. флейтщицъ, танцовщицъ и пр., но прежде самой бакхической серіи, необходимо коснуться главы ея — Діониса и его непосредственно окружающей свиты.

²²²) Терр. преимущественно изъ Пестума, Панюфа 1. с. табл. 57, 1; 58, 1, 2; Ann. del Inst. VII, p. 50 дѣти на свиньяхъ. Панюфа ib., т. 59; 60, 2.

²²³) Отчетъ Арх. Комм. за 1863 г., стр. 243 слд., таб. VI, 1, рис. вазы съ изображеніемъ сатира на свиньѣ съ палицею и скифосомъ.

²²⁴) Архаическая фиг. Musée Pourtalés pl. 28.

²²⁵) Изъ Книдоса, Newton, Halicarn. etc. pl. XLVI, 4; XLVII, 1 Терей, Nuove Mem. del Inst. 1865 стр. 74. Также Ю. Италіи (Великой Греціи) и пр., въ музеяхъ Брит. и Лувра. Изд. у Панюфы крылатая фигура съ птичжою въ рукахъ, хотя имѣетъ сосудъ на головѣ, но кажется, не гидрію, и не *несетъ* этотъ сосудъ, а онъ просто приделанъ вверху, см. Panofka, стр. 46, таб. XII.

Изображенія Діониса въ терракоттахъ слѣдуютъ вполне типамъ монументальнаго искусства. На акротеріальныхъ кирпичахъ изъ Ю. Италіи онъ изображается даже въ видѣ бородатой маски съ бычачьими рогами ²²⁶⁾, какъ Загрей, «богъ отъ вѣка сущій», или какъ самъ Діонисъ «быколицый» въ Кизикѣ, — остатокъ древнѣйшаго культа, существовавшаго на Критѣ и въ Малой Азіи и слившагося съ еракійскимъ Вакхомъ. Какъ бородатый мужчина, Д. является иногда въ архаическихъ подѣлкахъ изъ терракотты. Однакоже, терракотты усваиваютъ себѣ по преимуществу юный типъ Д., выработанный аттической школою, представляя бога въ пору самой нѣжной юности, почти еще ребенкомъ. Голова его убрана плющемъ и розами, хламида откинута назадъ, и конецъ ея окутываетъ лѣвую руку; юноша или стоитъ покойно ²²⁷⁾, выставивъ ногу, въ задумчивости, какъ бы отдыхая, или веселится съ своими товарищами. Лучшій экземпляръ представляетъ сосудъ изъ Пантикапей ²²⁸⁾, къ которому съ передней стороны въ горельефѣ придѣлана изящнѣйшая фигура юнаго бога; хламида его спадаетъ съ плечъ позади тѣла какъ плащъ; у ногъ голова пантеры; въ правой рукѣ бога сосудъ ойнохое, на головѣ красная діадема съ такими же повязками. Онъ бережно поддерживается тоже пьянымъ Силеномъ ²²⁹⁾ или братается съ молодымъ Сатиромъ ²³⁰⁾, или, подобно Ганимеду, поитъ осла изъ патыры ²³¹⁾ Но только гадательно можно видѣть самаго Діониса въ различныхъ дѣтскихъ фигуркахъ, снабженныхъ вакхическими атрибутами. Насколько притомъ въ нихъ можно видѣть отзвукъ мифовъ о дѣтствѣ Діониса, настолько же общій смыслъ греческаго жанра сливается земной міръ съ божественнымъ. Во всякомъ случаѣ вѣрно то, что религіозная мысль имѣетъ

²²⁶⁾ *Κεραοφόρος, ταυροκέφαλος, ταυρομέτωπος, βοοκενής*. Связь съ Минотавромъ и преданіе въ Аргосѣ, что Персей убилъ Бакха. О значеніи этого Д. въ погребальномъ культѣ и о томъ, что эти фигуры представляютъ Д., а не Ахелоя, см. Стефани, Отчетъ за 1863 г. 114. Мнѣ случилось встрѣтить на одной вазѣ въ Брит. Музеѣ (2nd Vase Room.), образованной изъ 4 сосудовъ, соединенныхъ на колонкѣ, простѣйшее доказательство, что эти маски изображаютъ именно Діониса: одна изъ масокъ, помѣщенныхъ между сосудами, поддерживается Амурами, и изъ подъ нея выскакиваютъ двѣ пантеры, и это маска рогатаго мужчины съ бородою.

²²⁷⁾ Терракотта изъ Тарсуса, изд. Фрэнеромъ, Mus. de Fr. 34, 4. Изящнѣйшая статуэтка, работанная инструментомъ, въ Луврѣ.

²²⁸⁾ Древн. Босф. Ким., таб. ZXX, 7, 8,

²²⁹⁾ Panofka таб. 37, 1.

²³⁰⁾ Janzé, pl. 23.

²³¹⁾ Грубая статуэтка въ Луврѣ. Осель — «слуга мистерій Діониса».

мѣсто даже въ такихъ сценахъ, какъ напр. ребенка, играющаго съ гроздью, или кубкомъ, или лежащаго подъ лозою, или ѣдущаго на ослѣ, на козлѣ, и увѣнчаннаго плющемъ ²³²). Самая любопытная загадка дается еще въ фигуркахъ мальчиковъ, наряженныхъ по женски, и играющихъ съ гроздью, которую имъ приходится иногда защищать отъ нападеній пѣтуха, и Панопфа имѣлъ, кажется, на этотъ разъ полное право видѣть въ изданномъ имъ бюстѣ мальчика въ женской одеждѣ, съ широкою повязкою на густыхъ локонахъ, положившаго палецъ на уста, самого Діониса ²³³).

Какъ шумны и многолюдны были у Грековъ празднества Діониса, смѣшивавшія его поклонниковъ и поклонницъ въ различныхъ роляхъ и актахъ его священныхъ оргій, такъ разнообразны яляются и художественные типы этого отдѣла терракоттъ. Процессіи, игрища, танцы, переодѣванія издревле придавали этимъ празднествамъ также сценическій характеръ, который особенно легко и удачно выражается въ пластическомъ искусствѣ. Народное художество свободно и живо пользовалось этимъ смѣшеніемъ или сліяніемъ міра дѣйствительности и міра фантазіи, чтобы въ терракоттахъ и рисункахъ вазъ, также какъ въ комнатныхъ фрескахъ, создать оригинальную бакхическую среду, въ которой Вакханты, Вакханки и Менады мѣшались съ буйными Сатирами и грузными Силенами; — какъ воплощеніе беззавѣтной радости, образа счастья и упоенія, которымъ наслаждается человѣкъ, погружившійся въ лоно матери природы. Важный демонъ — Силень, этотъ грузный толстякъ, типъ лѣшаго, волосатаго пугала и вмѣстѣ Фальстафа, какъ создало его образъ искусство позднѣйшей эпохи, пріобрѣтаетъ въ терракоттахъ особенный характеръ комическаго благодушія: таковы напр. большія маски Силена съ обильными локонами, носимыми въ бакхическихъ процессіяхъ; и фигуры толстаго съ волосатымъ тѣломъ. Паппо Силена, укачивающаго на рукахъ ребенка Вакха ²³⁴), или ѣдущаго на баранѣ, ослѣ,—вслѣдъ за свитою Діониса. Но чаще встрѣчаемъ фигуры упившагося Силена съ чашей въ

²³²) Много фигурокъ изъ Керчи. Также изъ Греціи; Arch. Z. 1851, таб. 34, Stackelberg I. c., таб. 49 и пр. См. ниже: жанръ въ терр.

²³³) Діониса Мистеса, *Θηλέμορφος* Panofka I. c. таб. 33.

²³⁴) Группа въ колл. Комноса въ Афинахъ. Силень, держащій закутаннаго ребенка Діониса, стат. изъ Пантикапеи, Отчетъ Арх. Ком. за 1868 г. таб. III, 1, стр. 67. Также Bull. del Inst. 1868, стр. 70.

рукахъ, развалившагося на мѣхѣ съ виномъ; гримаса на обрюзгломъ лицѣ выражаетъ полное животное удовольствіе, а взглядъ приглашаетъ присоединиться къ пиру ²³⁵). Одна статуэтка Лувра изображаетъ Силена, который въ пьяномъ экстазѣ колотитъ кулакомъ въ бубень. Напротивъ того, Сатиръ и Панъ изображаются чаще среди музыкальныхъ упражненій; множество статуэтокъ Ю. Италіи представляетъ игру Сатира на флейтѣ ²³⁶). Лишь въ одной группѣ Лувра встрѣтили мы изображение Сатира въ типѣ разнузданнаго похотливца, хватающаго Вакханку, — сюжетъ, напротивъ, обычный въ росписи греческихъ вазъ. Маски Сатира ²³⁷) архаическаго стиля, въ какомъ то тюрбанѣ, придаютъ ему иногда даже черты строгія, почти мрачныя.

То же важное спокойствіе, граничащее съ глубокою задумчивостью, отличаетъ и тѣ многочисленныя терр. фигуры, въ которыхъ гадательно, а иногда и безспорно, археологи видятъ изображеніе Вакханокъ, этихъ неистовыхъ прислужницъ Діонисова культа и его оргій. Ни одна изъ нихъ не подходитъ къ обычному художественному представленію бѣсноватыхъ Менадъ, и эта отчасти загадочная серія вакхическихъ типовъ (почти всѣ изъ Ю. Италіи, въ Музеѣ Лувра и Неаполя) отличается отъ родственныхъ ей женскихъ «драпированныхъ фигуръ» нерѣдко только однимъ атрибутомъ: плющевымъ вѣнкомъ. Явно, что народное художество желало представить и здѣсь только серьезную сторону важнаго культа. Часто фигуры эти стоятъ въ покойной позѣ, держа въ рукахъ тимпанъ ²³⁸), или опираясь на столбъ, съ жертвеннымъ хлѣбцемъ или патерою, или же съ голубемъ въ лѣвой поднятой рукѣ. Иногда подобная фигура, полуодѣтая, покойно сидитъ на скалѣ ²³⁹), или охвативши лѣвое колѣно и прильнувши къ нему головою, предается бурной скорби ²⁴⁰). Но лишь нем-

²³⁵) Изъ Керчи: Отчетъ И. Арх. Ком. за 1875 г., II, 27; экзем. подобный же въ Музеѣ Одесск. Общ. Исторіи. Изъ Ю. Италіи, въ Неапол. Музеѣ Студій.

²³⁶) Въ Неапол. Музеѣ. Стат. Пана въ колл. Комноса и *тождественная* съ нею въ Болоньѣ Museo civico обѣ представляютъ Пана съ поджатыми козлиными ногами.

²³⁷) Rapofka, I. c., таб. 45.—Акраторъ, богъ чистаго вина, по мнѣнію издателя, такъ какъ маска окрашена въ красноватый цвѣтъ.

²³⁸) Arch. Z. 1848, p. 248, изъ Сициліи. Обломокъ изъ Керчи, въ Музеѣ Новорос. Университета.

²³⁹) Biardot, I. c. таб. 35, 2 и 37, 1 — будто бы Аріадна.

²⁴⁰) *Minervini*, Mon. ined. da Raff. Barone, II, 1. Издатель выдаетъ за Аріадну, покинутую или Энону, оставленную Парисомъ. Замѣчательная фигура, скорбнаго выраженія, расцѣпнувшаяся на пригоркѣ или скалѣ, изъ Керчи въ Музеѣ Одес. Общ. И. Др., — рис. прилагается.

ногія статуэтки (одна Луврського Музея и двѣ изъ Пантикапей ²⁴¹) представляють ясно образъ Вакханки и именно среди обрядовъ Діонисова культа: она одѣта сверхъ розоваго хитона въ небриду, которой шерсть окрашена въ голубой цвѣтъ, (краски отчасти сохранились, и, лѣвою рукою опираясь на бородатую герму Діониса, собирается дѣлать возліяніе изъ сосуда правою рукою. Быть можетъ, этотъ экземпляръ указываетъ и на то, что различныя женскія фигуры, наливающія вино, такъ же должны быть отнесены къ непосредственнымъ служительницамъ Вакха. Но, кажется, напрасно искать точности и ясности представленій тамъ, гдѣ господствуетъ поэтическая смѣсь міра фантазіи и обыденной жизни.

Какъ и вообще въ отношеніяхъ терракотъ къ міру религій и дѣйствительной жизни, такъ и въ данномъ случаѣ, мы встрѣчаемъ наибольшія трудности при попыткѣ различить реальное представленіе отъ мифологическаго и обыденное отъ религіознаго. По этому, мы не будемъ пытаться опредѣлить, какой именно родъ сюжетовъ имѣемъ мы въ многочисленныхъ терракотовыхъ фигурахъ танцовщицъ и флейтщицъ: т. е., относятся-ли онѣ къ сценамъ вакхическаго культа, или же къ чисто реальнымъ представленіямъ ²⁴²). Орхестика, какъ извѣстно, входила всегда въ обряды культа Діониса, и веселые хороводы, какъ образъ безпечальной жизни, должны были встрѣтить посвященнаго въ его мистеріи, на томъ свѣтѣ, послѣ блужданія во мракѣ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстно, что въ быту грековъ искусство танцовщицъ и флейтщицъ составляло необходимое украшеніе каждаго пира—симпосіона. Одно, на чемъ мы можемъ основаться въ истолкованіи сюжетовъ этого рода въ терракоттахъ, это замѣчательная близость подобныхъ фигуръ съ вакхическими рисунками вазъ, которыя въ этомъ смыслѣ и значеніи истолковываются самымъ присутствіемъ Сатировъ. И тутъ, и тамъ, фигуры танцовщицъ вовсе не тѣ присяжныя плясуньи въ легкихъ костюмахъ ²⁴³), которыя увеселяли

²⁴¹) Древн. Босф. Кимм. табл. 70, фиг. 3, 6; фигуры стоятъ, упершись руками въ бока и поддерживая, какъ каріатиды, верхъ сосуда — ойнохоѣ; на груди виднѣтъ край небриды, на головѣ плющевый вѣнокъ.

²⁴²) Намъ кажется, что приемы современной археологической науки, установленные Ш. Ленорманомъ, де-Виттомъ, Гергардомъ, подлежатъ пересмотру именно въ этомъ общемъ вопросѣ. Ихъ вліяніе сказывается въ грубомъ произволѣ толкованій у Біардѣ.

²⁴³) Въ колл. проф. Аѳинскаго Унив. Комноса находится много статуэтокъ танцовщицъ въ типѣ спартанскихъ гіеродуль *υπὲρ ὀπίσθια*.

пирующихъ; напротивъ того, онѣ до горла закутаны въ свои одежды, а иногда и съ головою; и весь танецъ состоитъ обыкновенно въ легкомъ и изящномъ изворотѣ тѣла, при чемъ фигура кружится на одной ногѣ и такъ быстро, что низъ одежды развѣвается кругомъ ²⁴⁴).

Именно эта серьезная сторона терракоттъ видна и во второмъ столь же любимомъ ихъ сюжетѣ — изображеніи флейтщицъ. Древнѣйшее искусство, а съ нимъ и терракотты восточнаго происхожденія, также какъ архаическаго періода и стиля, изобилуютъ этого рода представленіями: что особенно замѣчательно, флейтчики и флейтщицы, какъ участники культа и особенно погребальныхъ обрядовъ — сюжетъ, едва ли не наиболѣе распространенный въ греко-восточномъ искусствѣ ²⁴⁵). Но въ эпоху развитаго искусства, съ переменною старыхъ обычаевъ, когда флейтщица является уже только продажною увеселительницею пировъ, танѣркою при танцахъ, терракотты, по видимому, совершенно оставляютъ этотъ сюжетъ, — по крайней мѣрѣ, мы не видѣли его экземпляровъ въ извѣстныхъ собраніяхъ.

Напротивъ того, широкое развитіе сценическаго искусства въ древней Греціи было причиною того, что религіозная мысль, издавна положенная въ основу цѣлаго ряда художественныхъ представленій, не утратилась, задержалась и обильно выразилась въ мелкихъ народныхъ производствахъ. Мы разумѣемъ обширную серію сценическихъ типовъ въ терракоттахъ. Всѣ они принадлежатъ къ области *комедіи* и явно сливаются съ гротесками, пародіями и карриатурами. Комическое и безобразное здѣсь столько же служитъ аотропѣемъ, сколько выражаетъ основную тенденцію, проводимую погребальными обрядами. Смѣхъ, улыбка, гримаса, имѣли у древнихъ въ извѣстной обстановкѣ и обрядахъ профилактическое значеніе, и потому издревле должны были служить образнымъ выраженіемъ надежды и упованія на загробную жизнь

Комическій
циклъ.

²⁴⁴) Много фигурокъ изъ Ю. Италіи, въ Луврѣ и Карльсруэ (колл. Питани). Biardot, l. c. pl. 34; 36. 2; 38. Изъ Керчи, Отчетъ Арх. К. за 1868 г. табл. I, 16, 17, стр. 57. Id. за 1870 — I, III, 2 стр. 171 за 1876 г., VI, 2. Кроме того, въ каждомъ собраніи Керченскихъ терр. есть и много грубыхъ, позднихъ репликъ.

²⁴⁵) Въ монументальныхъ произведеніяхъ и въ мелкихъ подѣлкахъ: статуи и статуэтки Финикіи, Кипра, барельефы изъ Ксанона въ Ликіи, архаическія вазы и пр. въ сценахъ пировъ, процессій и обрядовъ. Терракотты этого сюжета изъ Финикіи и съ Кипра въ Луврѣ. Фигура флейтщика изъ Пантикапеи въ Музеѣ Одес. Общ. Ист. О самомъ сюжетѣ въ подробности см. въ Отчетѣ за 1868 г. стр. 81 — 160.

и презрѣнія къ смерти. Такъ, если намъ рассказываютъ, что сардоническій смѣхъ произошелъ отъ того, что въ Сардиніи ²⁴⁶⁾ старики, умерщвляемые молодыми, должны были умирать смѣясь, то это преданіе ясно напоминаетъ намъ о существованіи когда то въ погребальныхъ обычаяхъ *обрядового* (γέλως προσποιητός), искусственного смѣха. Смѣхъ являлся здѣсь моментомъ культа, какъ и въ жертвенныхъ обрядахъ, выражая собою, что какъ жертвованіе было свободно и радостно, такъ утрата близкаго существа представлялась ничѣмъ инымъ, какъ торжественною жертвою подземнымъ богамъ, устанавливавшею миръ между ними и человѣкомъ.

Если эти моменты культа, затѣмъ, и были затерты въ историческую эпоху, то уцѣлѣла ихъ внѣшность: веселое, комическое составляло необходимую принадлежность хтоническихъ культовъ и ихъ разнообразныхъ празднествъ. Переодѣванія, ряженія, мимическія сцены мифологическаго и бытоваго содержанія, шутовскія и непристойныя представленія (παίγνια, μῦθοι σπουδαῖοι καὶ γέλοιοι) съ неприличными хоровыми пѣснями (φαλλικά) и фаллофорами, какъ главными дѣйствующими лицами хороводовъ, — такова обстановка сельскихъ празднествъ въ честь Діониса, а въ Сициліи въ честь Деметры, давшая содержаніе и типы греческой, а впослѣдствіи и римской народной комедіи ²⁴⁷⁾. Повидимому, опять таки эта народная комедія и была перенесена въ терракотты, какъ и въ сценическіе рисунки вазъ, которые представляютъ замѣчательную близость съ терракоттовыми фигурками этого рода. Ихъ главная тема, конечно, черпаетъ (особенно въ терракоттахъ Ю. Италіи и Сициліи) изъ развитаго уже сценическаго міра, и менѣе значительна, напротивъ, сфера народныхъ мимовъ, но она за то и наиболѣе интересна. И именно эта часть приходится на долю терракоттъ собственной Греціи, а также и нашихъ греческихъ колоній, которыя получали, (какъ многократно доказано г. академикомъ Стефани) свои художественные мотивы непосредственно изъ Аттики. Мотивы этихъ народныхъ мимовъ, конечно, отличаются особенною

²⁴⁶⁾ Мерклинъ, Die Talossage u. das Sard. Lachen (Имп. Акад. Н. Мém. des sav. étr., t. VII 1851) стр. 77 сл. доказываетъ, что сардоническій смѣхъ происходитъ изъ Финикіи отъ культа Сардонъ — Молоха. Известно, впрочемъ, что Сардинія б. культивирована Финикіянами.

²⁴⁷⁾ О мимахъ Сиракузанца Софрона, черпавшихъ свое содержаніе изъ жизни простонародья, въ соч. О. Яна «Eine antike Dorfgesch.» въ Popul. Aufsätze стр. 56 — 7.

грубостью, и находка некоторых наиболее скабрёзных сюжетовъ въ усыпальницѣ молодой женщины въ одномъ изъ таманскихъ кургановъ, по справедливости, возбудила удивленіе археологовъ: не кидаясь для объясненія этого выбора въ натяжки символизма, укажемъ на существованіе труппъ или даже обществъ (*σύνδοι*) народныхъ мимовъ, акробатовъ, актеровъ, музыкантовъ и пр. въ древней Пантикапееѣ, засвидѣтельствованныхъ надписями ²⁴⁸⁾ какъ обществъ съ религіозною подкладкою, т. е. примыкавшихъ къ культу Діониса и элевзинскому.

Эта замѣчательная по разнообразію и остроумію самихъ сюжетовъ коллекція терракотовыхъ фигурокъ найдена въ похоронномъ склепѣ извѣстнаго Таманскаго кургана «Большіе Близнецы», — склепѣ, видимо, назначенномъ для погребенія знатной женщины ²⁴⁹⁾. Но что всего важнѣе, всѣ реальные сюжеты, здѣсь встрѣчающіеся: всѣ гуляки и пьяницы, бойцы, мимы и комическіе актеры явно составляютъ свиту божествъ вакхо-элевзинскаго цикла: въ нихъ мы узнаемъ Кору ²⁵⁰⁾, трехъ Мойръ, какъ безусловно вѣрно опредѣлилъ г. Стефани, и Силена съ гроздью и питомцемъ — Діонисомъ; изъ животныхъ встрѣчается свинья (см. выше). Вся коллекція, затѣмъ, представляетъ весьма понятный ансамбль, составленный изъ разнообразныхъ пародій вакхическаго культа, какъ онѣ разыгрывались на городскихъ и сельскихъ празднествахъ ²⁵¹⁾ странствующими мимами, т. е. паяцами, буффонами, арлекинами и пр., корпораціи которыхъ сформировались въ Аѳинахъ во времена Филиппа. Эти мимы, получая свои прозвища отъ самаго ряженія, назывались чаще всего *иоифаллами*, *фаллофорами*. Въ Сикіонѣ послѣдніе мимы не имѣли масокъ, но пачкали лицо сажей и надѣвали на животъ набрюшникъ (*προχαστήριον*) и плющевый вѣнокъ.

²⁴⁸⁾ См. двѣ надписи и объясненіе ихъ по Бёку въ ст. проф. Юревича въ Запискахъ Одес. Общ. т. X, стр. 12 — 15. Кромѣ того, сводъ надписей подобнаго рода, называющихся *σύνδοι περὶ ἱερῶν*, сдѣланъ въ Отчетѣ Импер. Арх. Ком. за 1869 г., стр. 92; 1870, стр. 223 — 270 и 1876, стр. 212 — 6.

²⁴⁹⁾ Подробное описаніе этихъ статуэтокъ изд. въ Отчетѣ Импер. Арх. Ком. за 1869 г., стр. 146 слѣд., рис. въ Атласѣ, таб. II и III. Мы уже замѣчали, что не можемъ согласиться съ общимъ взглядомъ г. академ. Стефани, который приписываетъ появленіе этихъ фигуръ въ женской могилѣ страннымъ вкусамъ умершей.

²⁵⁰⁾ Ibid. табл. III, 6, 7. Не знаемъ, почему въ первой г. Стефани видитъ Афродиту, а вторую вовсе не опредѣляетъ. Обѣ въ типѣ Кору, съ полосомъ.

²⁵¹⁾ На площадяхъ, въ оркестрѣ театровъ и пр. См. подробности и сводъ текстовъ изъ древнихъ писателей чя соч. *Maugin: Les origines du théâtre moderne*, 1838, I p. 147 слѣд.

Ионфаллъ представлялъ упившагося мима и для этого надѣвалъ подходящую маску. *Магоды* (вѣроятно, исполнители восточныхъ мимовъ) рядились въ женскія одежды, изображали пьяныхъ, распутниковъ. *Пародисты* передразнивали боговъ, мифологическія сцены и пр. Въ средѣ нашихъ статуэтокъ, такимъ образомъ, мы видимъ и упившагося Геракла, который, въ вѣнкѣ и съ бубнами въ рукахъ, присѣлъ на камни и безсознательно пытается удержаться на своемъ неудобномъ сидѣньи ²⁵²). Конечно, эта фигура не изображаетъ самого Геракла, а только его мима, какъ и другая подобная представляетъ пародію въ видѣ брюхана съ палицею въ правой рукѣ и амфорою на плечѣ, которую онъ нѣжно охватываетъ лѣвою рукою; на обѣихъ фигурахъ бѣлая хламида указываетъ на реальную сцену. Товарищами Геракла являются гуляки, циническіе тостяки, которые, обнажившись и выставивъ на показъ несоразмѣрно развитый половой членъ, то корчатъ изъ себя важнаго Силена ²⁵³), то глупо ухмыляются въ блаженномъ упитіи, сидя на землѣ, то борются другъ съ другомъ, пародируя гимназіи, то лежатъ за прромъ, обнажившись съ полуобнаженной женщиною. Не лучше и женщины въ этой обстановкѣ: одна полуобнаженная женщина пьетъ изъ патеры съ привычнымъ увлеченіемъ; другая, уже утомленная пьянствомъ старуха, присѣла на камень, и, поставивъ между ногъ сосудъ, держитъ въ рукахъ искусственный фаллосъ; между фигурами особенно выдѣляется пьяная, но еще молодая, флейтщица (сюжетъ, какъ извѣстно, воспроизведенный самимъ Лизиппомъ). Между женщинами также три старухи въ сходныхъ позахъ, какъ бы стараются обратить на себя особенное вниманіе: стоя и закутавшись съ головою въ верхнюю одежду, онѣ вызывающимъ образомъ смотрятъ впередъ; двѣ выставляютъ на видъ безобразіе своего лица, напоминающее обезьяну (маски? см. ниже), а третья, беременная, приподнявъ къ лицу верхнюю одежду, старается выставить на видъ свою беременность. Такія фигуры стали извѣстны давно и между терракоттами Ю. Италіи и Сициліи и среди археологовъ получили гадательное имя *Баубо*,—образа явно восточнаго происхожденія, явившагося въ элевзинскомъ мифѣ

²⁵²) О роли Геракла въ вакхическихъ сценахъ см. тамъ-же подробное разсужденіе г. Стефани стр. 156 слѣд.

²⁵³) Въ Вѣнскомъ Каб. Антик. № 196 мы видѣли фигурку блуднаго старика, указывающаго на свой отвѣсый членъ, стили тождественнаго съ таманскими, но намъ неизвѣстно, откуда этотъ экземпляръ происходитъ.

подъ вліяніемъ орфизма; миѳы объ этомъ лицѣ играли въ позднѣйшую эпоху при сценическомъ воспроизведеніи мистерій Деметры и Керы особо видную роль, какъ комическій элементъ среди печальной драмы. По преданію, Баубо была та женщина, которая съумѣла развеселить горюющую богиню въ своемъ домѣ, въ Элевзисѣ, и побудить ее принять подаваемое вино: для этого она обнажилась (жестъ, извѣстный въ исторіи Ликіянокъ и Беллерофонта) и сдѣлала неприличнѣйшій жестъ: миѳъ ясно указываетъ на древнѣйшіе обычаи живоотно-чувственного характера въ хтоническихъ культахъ, какъ восточныхъ, такъ и греческихъ. Въ терракоттахъ типы Баубо видятъ въ фигурѣ пьяной старухи, обнажающейся и указывающей на свое тѣло, а также ѣдущей на свиньѣ и держащей въ рукахъ родъ гребня (символъ женскаго члена — ктейса ²⁵⁴).

Какъ бы то ни было, значеніе всѣхъ подобныхъ фигуръ становится яснымъ именно въ основной роли буфоновъ, которую разыгрываютъ мимы, комическіе актеры (есть двѣ статуйки актеровъ и въ данной коллекціи и, кажется, обѣ представляютъ рабовъ: одинъ съ кошелемъ имѣетъ обезьянью маску, другой—въ конической войлочной шапкѣ), представляющіе беззубыхъ стариковъ (двѣ статуйки въ комически — важныхъ позахъ ораторовъ), обрюзглыхъ и отяжелѣвшихъ бойцовъ и пр.

Мы въ правѣ по этому отнести сюда же и всѣ вообще гротески, пародіи и карикатуры ²⁵⁵) самаго разнообразнаго содержанія. вмѣстѣ съ тѣмъ, видоизмѣняя гипотезу акад. Стефани, что карикатуры появляются въ греческомъ художествѣ только въ римскомъ періодѣ ²⁵⁶), замѣтимъ, что этого рода сюжеты начинаются, повидимому, уже въ III вѣкѣ до Р. Х. Между терракоттами Ю. Италіи въ Луврѣ мы видѣли напр. двѣ карикатуры мнимаго больного: полулежа въ креслахъ, и одѣтый въ наглухо до пятъ застегнутый на многія петли халатъ съ капюшономъ, онъ показываетъ

²⁵⁴) См. Каведони, Bull. arch. Nap. IV, 110; Миллингенъ Ann. del. Inst. XV, стр. 72 — 97, 186 tav. E; Біардо I. с. стр. 268. Другіе видѣли въ атрибутѣ инструментъ для пряхи, *mylli* Тесмофорій, простой гребень, лѣстницу счастья или любви, и пр. Фигурки изъ Ю. Италіи въ Неапол. Музеѣ; одна изъ Этруріи совершенно тождественная съ таманскими, находится въ Болоньскомъ Музеѣ Древностей.

²⁵⁵) Собственно пародій мало встрѣчается между терр.: Парисъ съ яблокомъ въ видѣ деревенскаго парня; Деметра и Кора въ видѣ гротесковъ (?) указ. у Штарка, Orient p. 377; извѣстны статуэтки Геракла и нѣкоторыя другія.

²⁵⁶) Отчетъ И. Арх. Ком. за 1873 г. стр. 39 — 40.

языкъ доктору; и смѣшная физіономія, и страхъ на лицѣ изображены съ замѣчательнымъ талантомъ и вкусомъ. Кромѣ различныхъ уродовъ ²⁵⁷⁾, жирныхъ карликовъ, эфіоновъ ²⁵⁸⁾, безобразныхъ евнуховъ и рабовъ, мы наблюдаемъ въ нихъ, правда, немногіе, но опредѣленные типы народныхъ мимовъ: одни изъ нихъ ²⁵⁹⁾ представляютъ участниковъ вакхическихъ или погребальныхъ процессій, держащихъ въ рукахъ тимпаны, мѣхъ съ виномъ, лекіоны или даже пепловую урну; одинъ мимъ представляетъ старую пьяную бабу, которая тащитъ амфору, но изъ подъ его хитона торчитъ отвислый фаллосъ ²⁶⁰⁾; иные играютъ на бубнахъ и наряжены въ хари свиные или обезьяны ²⁶¹⁾. Последнее переодѣваніе получаетъ особенное значеніе въ виду разнообразныхъ каррикатуръ, для которыхъ содержаніемъ служили кривлянья и подражательныя способности обезьянъ. Каррикатурное изображеніе обезьяны, лежащей на крышкѣ саркофага, встрѣчено въ Камиросѣ ²⁶²⁾; фигуры обезьянъ-же въ комическихъ позахъ, подражающихъ человѣку или какъ пародіи на самые мѣны (напр. вмѣсто Ганимеда орелъ уноситъ обезьяну ²⁶³⁾) найдены въ аттическихъ гробницахъ ²⁶⁴⁾: такъ представляется воинъ въ видѣ обезьяны, наряженной въ шлемъ и со щитомъ въ рукахъ, всадникъ, крестьянинъ, везущій виноградъ на своемъ ослѣ, мать съ ребенкомъ и пр. ²⁶⁵⁾. Въ Галліи (нынѣшній департ. Аллье) найдена между терракоттами серія фигуръ, представляющихъ обезьяну, важно сидящую на табуретѣ, въ какой нибудь комически-выразительной позѣ,—то глубокозадумчивой, то унылой, то среди горькаго плача и т. д. ²⁶⁶⁾. Если у Грековъ

²⁵⁷⁾ Разные уроды и гротески изъ Камироса, въ Брит. Музеѣ. Изъ Керчи: Отчетъ за 1870—1 табл. V, 10.

²⁵⁸⁾ Особенно много головокъ негритянскаго типа изъ Ольвии и Пантикапеи.

²⁵⁹⁾ Изъ Ю. Италіи въ разныхъ колл. Janzé II, 3; XI, 3; также Champfleury, Hist. de la caric. ant. p. 134. Изъ Кирены и Ю. Италіи Ээіопъ, держащійся за свой членъ, а другой съ сосудомъ, Biardot pl. 52.

²⁶⁰⁾ Arch. Zeit. 1854, таб. 69, 1.

²⁶¹⁾ Dugand, № 1692, стр. 379, римскій магистратъ съ головою обезьяны. См. выше, также двѣ фигурки въ Луврск. Музеѣ, Biardot, p. 269.

²⁶²⁾ Какъ упомянутое Зальцманомъ, Bull. arch. du Mus. Parent., № 1, стр. 32.

²⁶³⁾ На лампѣ, Rev. Arch. 1871, стр. 374.

²⁶⁴⁾ Обезьяна въ видѣ музагета, Stackelberg I. с. таб. 70, фиг. 5. Также Rev. Arch. 1869, стр. 249, прим. 1. Въ Музеѣ Арх. Общ. въ Аѳинахъ.

²⁶⁵⁾ Frochner, Mus. de Fr. pl. 31, fig. 6; Biardot, l. с. XV, 4. Champfleury, Hist. de la caric. ant. p. 304, замѣчаетъ, что много фигуръ этого рода происходитъ изъ Коринѳа (?). Обезьяна, кормящая дѣтеныша, съ Таманскаго п., Отчетъ за 1872 стр. VII.

²⁶⁶⁾ Tudot, l. с. pl. 62, 63.

обезьяна и называлась даже *μῑμός* (*simia*), то само собою понятно, почему она явилась вмѣстѣ съ *μῑμαίμι* (но позднѣе) въ терракоттахъ. Но, замѣтимъ также, мы согласны скорѣе видѣть въ этихъ пластическихъ карриатурахъ шаржъ въ родѣ Гранвилля, нежели символическій смыслъ, какъ умудряется дѣлать Біардó.

Въ тому же разряду мимическихъ представленій полагаемъ мы возможнымъ отнести и указанную нами (выше)серію террак. «уродцевъ» Пантикапей ²⁶⁷⁾ оригинальнаго варварскаго стили и особаго устройства самыхъ фигуръ. А именно фигурки эти, обыкновенно грубѣйшей работы (и позднѣйшаго времени ²⁶⁸⁾), состояются изъ нѣсколькихъ, отдѣльно вылѣпленныхъ частей: туловища, рукъ, ногъ и непременно фаллоса, длиннаго и загнутаго кверху; все это соединяется ниткою, продѣвасемою черезъ особыя отверстія во всѣхъ частяхъ и прикрѣпляющею нижніе члены къ бокамъ или чаще къ головѣ. Именно это устройство и даетъ, по нашему мнѣнію, ключъ къ объясненію самыхъ фигуръ. Въ самомъ дѣлѣ, мы знаемъ, что древніе знали подобнаго рода *marionettes* (изъ дерева), т. е. куклы съ подвижными членами, связанными ниткою (*οἱ νεύροσ-πλάσται* ²⁶⁹⁾), дергая которую, приводили всю фигуру въ движеніе и заставляли ее выдѣлывать комическіе жесты, приводившіе, вѣроятно, въ восторгъ наивныхъ и малолѣтнихъ зрителей также, какъ прыжки нашего Петрушки или итальянскаго Pulcinella. Въ отличіе отъ обыкновенныхъ куколъ изъ терракотты съ подвижными (для наряжанія), но только прикрѣпляемыми къ туловищу, членами, именно наши пантикапейскія фигурки, имѣютъ цѣлью сохранить это устройство *marionettes*. Съ этимъ предположеніемъ согласуются и ихъ типы, или сюжеты. Вообще они преувеличенно копируютъ комическіе типы: уши фигуръ обыкновенно оттопырены, и такъ ве-

²⁶⁷⁾ По свѣдѣніямъ, доставленнымъ мнѣ нашимъ нумизматомъ Е. Е. Люценко, этихъ типовъ насчитывается уже нѣсколько десятковъ, но по грубости своей эти терр. мало обращали на себя вниманія. Изданы пока лишь немногіе образцы: Древн. Вост. Ким. таб. 71, 7. 8; Roux, Hercul. t. VIII, pl. 40, 42. Отчетъ Арх. Ком. за 1873 г. таб. II, 6 — 10; id. за 1874, I, 8. Г. Стефани, Отчетъ за 1873 стр. 39—41 ограничивается указаніемъ на аналогію съ пахабыми сюжетами изъ Помпей, а мотивы терракоттъ видитъ въ изображеніи карликовъ.

²⁶⁸⁾ Онѣ находятся преимущественно въ катакомбахъ Керчи, вмѣстѣ съ монетами послѣднихъ Рискуноридовъ, т. е. относятся къ II — III стол. до Р. X. Рѣдко въ гробницахъ.

²⁶⁹⁾ Мѣста древнихъ авторовъ, упоминающія о невроспаствахъ, собраны въ Реал. Энциклоп. *Panly*, V, V., также въ соч. *Beck de Fouquières*, *Les jeux des anciens* p. 24, который, по Герод. II 48, указываетъ также на роль *marionettes* въ религиозныхъ церемоніяхъ древнихъ грековъ. Можно думать также, что онѣ служили развлеченіемъ на пирахъ, но, конечно, болѣе были популярны между простымъ народомъ и въ провинціяхъ, какъ и теперъ.

лики, что напоминаютъ маски мимовъ; на головѣ какіе то колпаки съ рогами ²⁷⁰), (можетъ быть, лентами), плющевые вѣнки; въ рукахъ инаго вложенъ мечъ (бронзовый, какъ и серьги и пр. и напоминающій современные типы маріонетокъ), или вѣнокъ, который онъ подымаетъ, какъ бы собираясь увѣнчаться самъ или торжественно возложить его на побѣдителя. Между ними видимъ каррикатурныя фигуры музыкантовъ, играющихъ на свирѣли, питуховъ, сжимающихъ амфору въ своихъ объятіяхъ, или держащихъ большой кубокъ съ виномъ, ораторовъ, Геракла въ женскомъ платьѣ (лидійскаго распутника и пьяницу, но съ своими атрибутами), Гермеса (пифаллическаго), какъ предсѣдателя гимнастическихъ игръ, съ пастушьимъ посохомъ и вѣнкомъ въ рукахъ, фигуру ханжи съ образомъ Астарты на груди, или сердобольную мать съ ребенкомъ, сидящимъ на деревянной лошади, или рабовъ негритянскаго типа и пр. Но что особенно сближаетъ ихъ съ мимами, это отвѣсый или закрюченный кверху мужскій членъ, который на потѣху выставляется изъ подъ короткой тунники фигуры мужской или женской ²⁷¹) — все равно, такъ какъ понимается, что женскія роли и въ мимахъ разыгрывались (по крайней мѣрѣ, преимущественно ²⁷²) мужчинами, какъ и на всѣхъ публичныхъ театрахъ древнихъ Грековъ.

Гораздо богаче терракотты представленіями изъ собственно сценическаго или театральнаго мира ²⁷³), но, по отсутствію доселѣ прочныхъ данныхъ для ихъ истолкованія, эта сфера можетъ быть описана также лишь въ общихъ чертахъ. Большею частію, фигуры эти представляютъ комическихъ актеровъ на сценѣ, въ извѣстной роли ²⁷⁴), сидящими или стоящими, или даже двигающимися по подмосткамъ. Всѣ типы, изображаемые комическими актерами, принадлежатъ, несомнѣнно къ такъ наз.

²⁷⁰) И большія уши, и рога идутъ, очевидно, по прямой линіи отъ Мидаса и Пана, и, вѣроятно, сдѣланы необходимыми принадлежностями *сатирическихъ* плясокъ и хоровъ, ставшихъ основою древней комедіи.

²⁷¹) Просматривая собраніе рисунковъ Е. Е. Люценко, мы нѣсколько разъ замѣчали эту особенность, которая также подкрѣпляетъ нашу догадку, что эти фигуры воспроизводятъ маріонетокъ.

²⁷²) *Magnin*, I. с. р. 160.

²⁷³) Большая часть ихъ происходитъ изъ Ю. Италіи и Сициліи. Обильное собраніе въ Луврѣ и Брит. музеѣ. Изд. у Кларака, *Mus. de sc. pl.* 874 D., 2221 f, g.; *Mus. Borb. t.* XIV, *tav.* 37. 5 стат. изд. и объяснены въ *Arch. Zeitung* 1874 p. 118; и 1854, 69, 3; также *Ann. del Inst.* 1853, *tav.* A — B, 1, 2., *id.* 1835 p. 42; Изъ Керчи, Отчетъ за 1879 г., таб. V, 8 и др.

²⁷⁴) Можетъ быть часто изображается только комическій актеръ самъ, какъ опредѣленный общій типъ, въ своей маскѣ.

средней комедіи или комедіи нравовъ и находятся, опять таки, въ большей или меньшей связи съ типами мимовъ. Паразитъ замѣняетъ здѣсь Сатира или Силена, какъ говоритъ справедливо Маньенъ, и самый ранній комическій типъ изображалъ лысого старика ²⁷⁵). Но вообще типы терракоттъ этого рода, происходящіе, какъ сказано, главнымъ образомъ изъ Ю. Италіи, смѣшиваютъ греческую и римскую комедію, а также разныя каррикатуры и пародіи, и разобратъ въ ихъ изображеніяхъ чрезвычайно трудно ²⁷⁶). Какъ кажется, главные роли комиковъ представляютъ: паразита, стараго скрягу — буржуа, самохвала, раба-проныру, адвоката и шарлатана и т. п. Между ними паразитъ ²⁷⁷) — излюбленный типъ: это иногда прихлебатель низшаго разбора, въ періодъ окончательнаго нравственнаго паденія, жирный и дряхлый, съ бутылкою въ рукахъ — единственнымъ своимъ утѣшеніемъ; или брюханъ, съ окорокомъ и сосудомъ въ рукахъ или амфорою на лѣвомъ плечѣ, которую онъ, видимо, получилъ какъ подачку; но чаще тотъ же брюханъ, обжора, важно сидитъ, закутавшись въ гиматій, или потѣшаетъ пирующихъ, самъ покатываясь со смѣху, или нагло смѣется надъ кѣмъ то, можетъ быть, своимъ же собратомъ, тыкая въ него пальцемъ; одинъ фрагментъ Луврскаго Музея представляетъ драку между двумя паразитами, устроенную нарочно для потѣхи патрона. Маска паразита представляетъ большія, отвислыя губы, плѣшивую голову, иногда бакенбарды, и рѣдкую, словно выщипанную, бороду. Менѣе опредѣленны типы стариковъ: то фигура, полная добродушія, съ лицомъ изрытымъ морщинами, иногда весело смѣется, или униженно кланяется; то типъ скряги, плѣшиваго и горбоносаго, который прячетъ подъ полою гиматія кошелекъ и испуганно осматривается, или на дощечкѣ высчитываетъ свои капиталы; любопытный типъ, въ родѣ нищаго, худого старика въ безрукавномъ хитонѣ, небритаго и съ идиотскимъ

²⁷⁵) Magnin, l. c. p. 52, по Арист. «Облакамъ» ст. 549. Ср. также любопытную группу стараго Сатира, въ мѣховой повязкѣ и съ большимъ постишемъ — фаллосомъ, сидящаго на кучѣ мѣховъ, и идола Ойноса, изд. въ Gaz. Arch. 1878 г., VI livr. pl. 33; это образъ участниковъ Діонисовыхъ игръ, такъ наз. «Сатирическихъ игръ». Группа изъ Танагры.

²⁷⁶) Въ описаніи типовъ руководимся коллекціею Лувра (до 20 типовъ). Под. имъ изд. въ соч. Antiche opere in plastica di M. Campana, tav. 115, A. B. Въ собраніи Брит. музея нѣсколько типовъ носятъ этикетки: обжора, воръ, пчелъ, Miser и пр., но рѣдко удачныя. Изъ Канино.

²⁷⁷) Живой очеркъ типа паразита въ древней комедіи сдѣланъ въ рус. лигерь. г. Шестаковымъ въ 1-мъ т. «Прописеевъ».

взглядомъ. Одна большихъ размѣровъ и великолѣпной работы терракотта Луврскаго Музея изображаетъ плѣшиваго старика, съ торчащею во все стороны бородою, изрытымъ и обрюзглымъ лицомъ и громаднымъ крючковатымъ носомъ; лѣвою рукою подпершись въ бокъ, онъ держитъ правою какой-то (исчезнувшій) предметъ и ухмыляется. Упомянемъ, наконецъ, два прекрасныя олицетворенія «комоса» изъ Танагры ²⁷⁸⁾ въ видѣ маленькихъ геніевъ: одинъ въ плющевомъ вѣнкѣ, одѣтый въ эксомисъ, съ маскою и кошелькомъ въ рукахъ, сидитъ на пьедесталѣ; другой, обнаженный, навернувъ на руки хламиду, держитъ въ лѣвой рукѣ маску Силена; оба о чемъ то раздумываютъ, но лица подернуты винными парами.

Афродитическій
циклъ.

Уже въ сферѣ представленій элевзинскихъ, а тѣмъ болѣе среди вакхическихъ сюжетовъ, мы замѣчали присутствіе эротическаго элемента, правда, въ той грубо-откровенной, цинической формѣ, какая завѣщана обрядными традиціями старыхъ временъ. Болѣе широкое, идеальное въ своемъ родѣ, представленіе того же элемента принадлежитъ непосредственно *циклу Афродиты*, тѣсно связанному съ элевзинскимъ и вакхическимъ ²⁷⁹⁾. Издревле человѣкъ смотрѣлъ на свою жизнь и ея главные фазисы: рожденіе, бракъ, какъ на явленія той-же природы, на себя, какъ на члена ея, сына той-же матери — земли, и древнѣйшая религія, надо думать, мало различала между Афродитою, Герою, Корою, Артемидою, всѣхъ ихъ совмѣщая въ одно понятіе богини природы. Божество, дающее человѣку жизнь, рожденіе, вѣдало также и конецъ ея — смерть. Афродита, — богиня жизни, въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, божество весны, юности, расцвѣта природы и человѣка, здоровья и земнаго счастья, является въ греческой мнѳологіи тѣмъ болѣе широкимъ, всеобщимъ, такъ сказать, началомъ, что оно заимствовано явно изъ восточной религіи семитическихъ, сирофиникійскихъ народностей, а ея идеаль уже на Кипрѣ, куда впервые былъ перенесенъ ея культъ, чуждъ былъ той тѣсной физической основы, которая долго стѣсняла развитіе антропоморфическихъ типовъ другихъ божествъ. Ея культъ, говоритъ Преллеръ ²⁸⁰⁾, явился вообще символомъ всей религіи природы, и въ немъ оригинально слилось и

²⁷⁸⁾ Henzey, Les figurines antiques du Musée du Louvre pl. 22, fig. 2, 3.

²⁷⁹⁾ См. доказательства этого въ соч. Стефани, Отчетъ Арх. Ком. за 1859 г. passim, 1863 г. и др.

²⁸⁰⁾ Griech. Mythologie, I p. 274.

смѣшалось прекрасное и безобразное, высокое и низкое, нравственное и безнравственное». Афродита почиталась и какъ небесная богиня, божество чистаго воздуха и погоды, горныхъ высотъ, и какъ владычица моря, и какъ богиня земли по преимуществу и ея плодородія. Эта всеобщность божества, засвидѣтельствованная намъ памятниками искусства, приводящими Афродиту въ связь со всѣмъ Олимпомъ и разными сторонами жизни человѣческой, одна достаточно объяснить намъ популярность Афродиты и ея спутниковъ въ средѣ терракоттъ. И намъ кажутся, по этому, совершенно излишними тѣ попытки приурочить Афродиту къ хтоническимъ божествамъ, специализировать ея роль въ погребальномъ культѣ ²⁸¹⁾, которыми задавались въ прежнее время ученые, (Гергардъ, Панофка, Виттъ и др.) пытавшіеся опредѣлить роль Афродиты въ терракоттахъ, какъ Афродиты — Персефоны (Венера — Либитина, А. Eritymbia), богини смерти и воскресенія къ новой жизни. Вообще говоря, мы должны принять за правило, что мифологическія разновидности (въ мѣстныхъ культахъ, обозначаются эпитетами) и художественные типы божества суть двѣ различныя области; онѣ часто совпадаютъ, соприкасаются другъ съ другомъ, идутъ рядомъ, но онѣ не одно и то же, и не всегда вторая зависитъ отъ первой. Поэтому путь отождествленія ихъ, которому слѣдовали прежніе ученые, не можетъ считаться безусловно научнымъ, и современная критика требуетъ въ этомъ дѣлѣ большой осторожности. Въ частности, типъ Афродиты въ искусствѣ нуждается въ этой критикѣ указаннаго приема по преимуществу. Значеніе этого идеала на всемъ пространствѣ древняго міра было такъ громадно, что частные типы и мѣстныя разновидности въ историческую эпоху должны были составлять лишь неважные придатки, нисколько не вліявшіе на общую идею и уступавшіе обильному сліянію и обобщенію. Столь же широко представлялось греческому міру общее значеніе Афродиты во всемъ кругу человѣческой жизни, ея чувствъ, и какъ специальной богини любви, красоты и женской прелести, въ древнѣйшую эпоху основательницы брака, семьи и людскаго общенія, а въ позднѣйшее время великой владычицы страстей и чувственнаго начала вообще съ его неограни-

²⁸¹⁾ Признаками служили: столбъ, на который А. опирается, и ея скрещенныя ноги — мотивъ, извѣстный въ фигурахъ Нике и др. Такъ же не уместны попытки различать въ терр. А. Уранію и Пандемосъ.

ченнымъ господствомъ у народовъ древняго міра. Искусство уясняетъ этотъ историческій процессъ, и, выражая его результаты, ведетъ самый процессъ къ дальнѣйшему поступанію.

Разнообразные типы Афродиты въ терракоттахъ, слѣдуя своеобразно этому пути развитія божества и его культа, сами по себѣ выясняютъ намъ значеніе и роль этого божества въ греческомъ искусствѣ. Древнѣйшій типъ богини, извѣстный подъ общимъ именемъ *кипрскаго* (въ цѣломъ рядѣ каменныхъ статуй съ о. Кипра)²⁸²), уже представляетъ намъ ее, не какъ могучую властительницу природы, но какъ привлекательную, слабую и потому вполне и по преимуществу человѣчную женскую натуру, которой близки разныя слабости: привязанность къ украшеніямъ, наивное сознаніе силы своихъ прелестей и жеманная, вычурная грація. Богиня выступаетъ щепетною, мелкою походкою, воспѣтою народной поэзіею, разубранная въ пышный костюмъ, жеманно держа въ рукѣ цвѣтокъ и приподымая съ боку длинное платье. Цвѣтокъ былъ данъ въ руки богини, какъ чудесный символъ, но въ рукахъ изображенной женщины сталъ эмблемою красоты. Такія терракотовыя статуэтки изъ Камироса, образующія алавастръ, и простыя фигурки изъ Калимны, Самоса, Танагры и другихъ мѣстъ, представляютъ дальнѣйшій переходъ къ греческому типу²⁸³). Любопытныя куклы изъ Коринѳа, въ коллекціи Фр. Ленормана, изображаютъ Афродиту, одна съ лиліею (*paederos*) — другая съ голубемъ на головѣ и зеркаломъ въ рукахъ. Подобныя же статуэтки Кипра (аттрибуты: голубь, вѣрѣ, яйцо) египтизированнаго стиля²⁸⁴).

Терракотты архаистическаго стиля позднѣйшаго времени, (изъ Ю. Италіи и Сициліи) при общемъ иконномъ пошибѣ этихъ издѣлій, измѣняютъ существенно характеръ этого типа въ томъ, что изображаютъ богиню сидящею на тронѣ, какъ представляли ее идолъ Банаха въ Сикіонѣ и образъ Эрицинской Венеры, сохраненный на монетахъ²⁸⁵), и, вмѣсто цвѣтка, характеризуютъ богиню голубемъ, находящимся въ ру-

²⁸²) Bernouilli, l. c., Cap. III, a, p. 27 слд.

²⁸³) Ibid. p. 37—8. Heuzey, l. c. pl. 11, 17, fig. 5.

²⁸⁴) Heuzey, l. c. pl. 6.

²⁸⁵) Bernouilli, l. c. p. 8, 9.

кахъ ея. Ранніе образцы этихъ изображеній, еще чисто архаическаго стиля, найдены въ Финикіи ²⁸⁶). Что и позднѣйшія статуйки этого рода изображаютъ иногда самое богиню, а не только ея поклонницъ, кажется, свидѣтельствуется присутствіе въ правой рукѣ божества плоской палаты ²⁸⁷). Богиня одѣта въ гиматій и хитонъ, и всегда на голову ея накинута покрывало (калиптра); голубя она или прижимаетъ къ груди и лону, или онъ самъ прячется въ ея одеждахъ, иногда съ распростертыми крыльями у самага лона; голова богини украшена большими ожерельями и серьгами. Архаистическій, огрубѣлый типъ женщины на тронѣ, иногда и безъ атрибутовъ, но въ калатосѣ явно указываетъ ²⁸⁸) не на реальный сюжетъ, а на воспроизведеніе сакральныхъ, мифологическихъ образовъ. Къ тому же разряду относятся и изображенія Афродиты съ зайцемъ въ рукахъ ²⁸⁹) или пѣтухомъ ²⁹⁰), равно какъ и изображенія богини, ѣдущей на козлѣ (*epitragia*) — Афродиты Анатуріи ²⁹¹), чтившейся, между прочимъ въ Босфорѣ Киммерійскомъ — или на лебедѣ ²⁹²) въ сопровожденіи эротовъ). Къ религіознымъ типамъ и частнымъ культамъ Афродиты могутъ принадлежать также изображенія богини, опирающейся на столбъ (*cippus*) ²⁹³) или колонку, на которую помѣщенъ votивный дискъ ²⁹⁴), или же на герму Пріапа, Гарпократа, канефору ²⁹⁵) и пр., но врядъ ли когда либо будетъ возможно опредѣлить эти типы и соотвѣтствующіе культы. ²⁹⁶) Замѣчательная терракотовая группа Афродиты, сидя-

²⁸⁶) Изъ Тортосы, Афр. съ голубемъ, въ калатосѣ, изд. въ Musée Nap. III pl. 26, 2 (но фигура стоящая). Сидящая на тронѣ, съ голубемъ же, изъ Амрита, *ibid.* pl. 24, fig. 3. Безъ аттр. *ib.* pl. 26, fig. 1 изъ Тортосы — Афродита?

²⁸⁷) Нѣсколько экз. въ Луврѣ, Брит. музеѣ и Берлинѣ.

²⁸⁸) Бернулли, I. с. р. 125 относитъ изображенія къ реальнымъ сюжетамъ.

²⁸⁹) О зайцѣ, какъ любовномъ подаркѣ, и животномъ афродитическаго цикла, см. Отчетъ за 1862 г., стр. 65 слѣд. Терракотта указана у Бернулли, въ видѣ гермы I. с. р. 38.

²⁹⁰) Gerhard, *Venusidole*, Akad. Abhandl., табл. 3, 4. Изъ Теген, фигура въ калатосѣ, архаическая, Бернулли р. 40, 49.

²⁹¹) Ашикъ, III табл. 9; Arch. Zeit. 1851, табл. 31, рис. 2; Отчетъ Арх. К. за 1859 г. стр. 125 слѣд., за 1870—1, табл. V, 3.

²⁹²) Пановка, издавшій группу таб. 50, видитъ изображеніе Афр. Деліи (?). Отношеніе лебедя къ А. разсмотрѣно Стефани въ Отчетъ Арх. К. за 1863 г. стр. 65 сл. Durand, cat. № 1627.

²⁹³) Изацкая стат. Ленормана, Gaz. d. B. A. 1866, стр. 184.

²⁹⁴) Терракотты изъ Керчи, Древн. Босф. Кимм., таб. LXVII, 2.

²⁹⁵) Рапофка I. с. стр. 74. Отчетъ Арх. К. за 1873 г. I, стр. 6.

²⁹⁶) Между ними есть и поздне-римская *Venus Victrix*, со щитомъ и вѣтвью пальмы, см. Рапофка, стр. 76.

щей на скалѣ, рядомъ съ гермою Пріапа, и надъ берегомъ моря, въ которомъ играютъ дельфины и плаваютъ эроты, ²⁹⁷⁾ представляетъ морскую (Потнію) Афродиту, и указываютъ на культъ іоническихъ колоній этой богини, чтившейся на приморскихъ высотахъ (Akraia).

Но лѣпишки терракоттъ, понятно, не столько интересовались этими мифологическими разновидностями божества, сколько самою личностью богини, ея жизнью, привязанностями и обстановкою. Вотъ почему между терракоттами всѣхъ мѣстностей часто встрѣчаемъ (какъ и на вазахъ) Афродиту, занятую своимъ туалетомъ: нагая богиня, послѣ омовенія, выжимаетъ свои волосы обѣими руками (жестъ, свойственный такъ наз. Афр. Анадіоменѣ ²⁹⁸⁾), или одною рукою опирается при этомъ на столбъ или вазу, на которыхъ брошена ея одежда (вольныя коніи Книдской статуи ²⁹⁹⁾), или, подъ вліяніемъ внезапнаго чувства стыдливости, прикрываетъ свое тѣло въ позѣ Венеры Медичейской ³⁰⁰⁾; въ одной Керченской терракоттѣ дельфинъ прикрываетъ своимъ хвостомъ лоно нагой богини ³⁰¹⁾. Удаляясь отъ этихъ художественныхъ оригиналовъ, нѣкоторыя статуэткі (Лувра) представляютъ Афродиту послѣ бани, обтирающую свое тѣло гиматіемъ; подъ грудями у нея проходитъ свернутая повязка; иногда богиня изображается какъ разъ въ ту минуту, когда она накладываетъ на грудь эти повязки, назначенныя поддерживать груди (Α. *χεστοφόρος*). Или же богиня, присѣвъ, наливаетъ изъ алавастра себѣ масла на руку ³⁰²⁾, чтобы умащать свое тѣло; при этомъ ее нерѣдко сопровождаетъ Эротъ, держа зеркало и помогая туалету, но также и мѣшая ей, съ цѣлью не позволить ей прикрыть свои формы одеждою. Съ этими типами сливается также и представленіе Афродиты *Анадіомены*, т. е. богини «возникающей» изъ моря; извѣстно, что Апеллесъ представилъ рожденіе Афро-

²⁹⁷⁾ Изъ Керчи, Ашикъ, III таб. рис. 77, Древн. Босф. Кимм. таб. 65, рис. 1, 2, 3.

²⁹⁸⁾ Clarac, Musée pl. 619, № 6190; Bernouilli, l. c. p. 301, 5, Отчетъ Арх. Ком. за 1868 г. таб. I, 14, стр. 58.

²⁹⁹⁾ Bernouilli, p. 30 f; Tudot, l. c. pl. 20—24. Ближайшая реплика Книдской статуи въ терр. Janssen, таб. 17, 22, въ группировкѣ съ Амуромъ. Полный перечень стат. у Стефани въ Отчетъ II. Арх. К. за 1870—1 г. стр. 83—4.

³⁰⁰⁾ Tudot, pl. 71, 72.

³⁰¹⁾ Отчетъ Арх. К. за 1870—1 г., II, 6; под. въ холл. Гонценбаха изъ Смирны.

³⁰²⁾ Bernouilli, p. 319, 30.

диты въ тотъ моментъ, когда богиня красоты, поднявшись изъ моря, выжимала воду изъ своихъ распущенныхъ волосъ. Одинокая фигура этой картины шла къ скульптурѣ и послужила образцомъ для терракотовыхъ статуекъ, но въ нихъ также около богини помѣщаются Эроты, одинъ или два, или дельфинъ, и часто богиня прикрыта сзади одеждою.

Въ этихъ и другихъ случаяхъ, кромѣ обычнаго спутника ея, Эрота, видимъ возлѣ богини гермы Пріапа, Гарпократа ³⁰³), или также фигуры Паниска, молодого сатира, и Гермафродита, котораго она обнимаетъ, сидя на тронѣ ³⁰⁴); въ Керченской терракотѣ ³⁰⁵) Афродита, въ калатосѣ и хитонѣ, въ сопровожденіи Эрота, помѣщается возлѣ женскаго идола (Илнѣи?), какъ изображеніе богини здоровья и разрѣшительницы. Къ этому разряду отнесемъ мы и типы Афродиты (такъ наз. дѣтопитательницы — Куротрофосъ), въ которыхъ на рукѣ богини или даже на плечѣ помѣщается окрыленный младенецъ Эроть, иногда нашептывая въ ухо богини сладкія рѣчи ³⁰⁶); однакоже, только въ одной статуэткѣ полуобнаженной богини можно видѣть вполне ясный типъ Афр. Куротрофосъ: богиня кормитъ ребенка, стоящаго на столбѣ ³⁰⁷).

Но изъ всѣхъ этихъ сюжетовъ особою важностью отличается одно и наиболѣе распространенное ³⁰⁸) (особенно въ позднѣйшую эпоху) представленіе Афродиты, рождающейся въ морской раковинѣ: новорожденная богиня, сидя на корточкахъ, подымается изъ раскрывшихся створокъ гребенчатой раковины ³⁰⁹). Если трудно указать

³⁰³) Группа изъ Тамани, Отчетъ за 1870—1 г., таб. III, 5, за 1868, I, 14.

³⁰⁴) Gerhard, Akad. Abh., таб. 53, рис. 5. Сатиръ въ группѣ изъ Эгины, Arch. Z. 1865, Taf. 200.

³⁰⁵) Отчетъ Арх. Ком. за 1873 г., таб. 1, 2.

³⁰⁶) Рапофка, таб. 21—23, но фигуры эти могутъ съ тою же вѣроятностью представлять и смертныхъ женщинъ въ ихъ сношеніяхъ съ Эротомъ. Gerhard, Ant. Bildw., таб. 18, рис. 22 b — под. сюжетъ. Афр. съ нашептывающимъ Эротомъ, терр. Тамани и Керчи, Отчетъ Арх. К. за 1870—1 г., стр. 166, таб. II, 5. Прелестная фигурка задумавшейся, сидящей Афродиты, которая лѣвою рукою подпираетъ подбородокъ, а правою охватываетъ юношескаго Эрота, изъ Греціи, изд. въ собр. Лувра, Heuzey, l. c. pl. 21, fig. 1.

³⁰⁷) Gerhard, Akad. Abh., таб. 80, 1.

³⁰⁸) По поводу двухъ великолѣпныхъ статуэтокъ съ Таманскаго полуострова, изд. въ Отчетъ И. Арх. Ком. за 1870—1 гг., таб. I, 3, 4, см. перечень 22 статуэтокъ въ разныхъ изданіяхъ и собраніяхъ (преимущ. изъ Ю. Италіи) *ibid.* стр. 67—8. Тамъ же собраны всѣ мифологическія данныя о самомъ рожденіи богини, стр. 17—18 и др.

³⁰⁹) Въ простертыхъ рукахъ богини или патера, или яблоко, или даже фаллосъ, обычные атрибуты, не имѣющіе особой важности. Возлѣ богини иногда Эроть, приветствующій ея появленіе звуками лиры.

оригиналъ этого представленія въ монументальномъ искусствѣ древнихъ, — хотя высокохудожественный и вмѣстѣ глубокій по мысли мотивъ указываетъ явно на такой образецъ, — за то легко можно объяснить себѣ причины распространенія сюжета именно въ терракоттахъ, гдѣ онъ, въ противоположность игривымъ концепціямъ помпейскихъ фресокъ, получаетъ смыслъ и значеніе. Известно, что раковина, по воззрѣнію древнихъ, будучи символомъ рожденія, атрибутомъ и эмблемою богини полового оплодотворенія, какъ и самыхъ женскихъ половыхъ органовъ, — въ тоже время, въ средѣ загробныхъ вѣрованій служила выраженіемъ надежды на будущую жизнь. Именно въ этомъ смыслѣ раковины (всякія, но особенно створчатыя), носимыя въ ожерельяхъ, натуральныя или искусственныя, служили предохранительнымъ амулетомъ — апотропеемъ. На римскихъ саркофагахъ не только представляется сама Афродита, везомая въ раковинѣ Тритонами на о. Киперу, но и умершая матрона изображается погрудою въ медальонѣ, въ формѣ гребенчатой раковины, которую гении и дельфины, или лебеди уносятъ по океану на блаженные острова. Далѣе, въ томъ же смыслѣ, и античные саркофаги украшаются раковинами или масками морскихъ чудищъ, какъ затѣмъ на древнехристіанскихъ саркофагахъ, наружныя ихъ стѣнки канцелируются витыми ложками, уподобляющими самый гробъ раковинѣ. Раскопки въ курганахъ приморскихъ мѣстностей (у насъ особенно на Тамани, Кубани и пр.) указываютъ на извѣстный пріемъ покрыванія всей могилы слоемъ ракушекъ и пр. Пусть вся эта символика примыкаетъ тѣсно къ афродитическому культу, но такъ или иначе, и она представляетъ въ пластикѣ терракоттъ идею вѣчной, обновляющейся жизни.

Полагаемъ, что именно эта общая, отвлеченная идея легла въ основаніе обширнаго цикла представленій Эрота, которыя мы встрѣчаемъ въ средѣ терракотовыхъ статуэтокъ, начиная съ IV стол., и притомъ, чѣмъ позднѣе, т. е. чѣмъ далѣе мы подвигаемся въ область религіознаго синкретизма римской эпохи, тѣмъ обильнѣе и тѣмъ разнообразнѣе. Безъ всякаго сомнѣнія, и въ этомъ случаѣ терракотты слѣдуютъ за общимъ направленіемъ греческаго искусства, пользуясь напр. фигурою Эрота какъ удобною аллегорическою оболочкою для представленія всевозможныхъ сюжетовъ: въ самомъ дѣлѣ, именно эта склонность искусства и гораздо болѣе, чѣмъ мифологическая среда, способствовала въ римскую эпоху созданію образа такъ наз.

іенія. Въ тѣсномъ смыслѣ представленій афродитическаго цикла Эротъ является образомъ любви, всецѣльно властвующей надъ человѣкомъ и всею природою. Отнявъ палицу и шкуру у Геракла, онъ укрощаетъ льва и ѣдетъ на немъ, или бѣшено скачетъ верхомъ на конѣ. Эротъ также представляется верхомъ на баранѣ, козлѣ, гусѣ, или лебедѣ, (животныхъ, посвященныхъ Афродитѣ), также пѣтухѣ или играетъ съ ними ³¹⁰⁾; изображеніе Эрота, ѣдущаго на дельфинѣ и играющаго при этомъ на лирѣ, кромѣ общихъ намековъ на музыкальныя страсти этого морскаго животного, спутника Афродиты, должно, вѣроятно, имѣть значеніе эмблемы переселенія въ загробный міръ ³¹¹⁾. Ближе представляется міръ любовныхъ чувствъ и отношеній въ фигурахъ Эрота, который, иногда, надѣвъ женское платье, держитъ въ одной рукѣ балзамарій или вѣеръ, а другою прижимаетъ къ груди голубя. Въ музыкѣ Эротъ является, однакоже, исключительнымъ поклонникомъ важнаго, серьезнаго направленія: онъ всегда играетъ на лирѣ, пѣо ея звуками онъ привѣтствовалъ и рожденіе владычицы человѣческаго рода. Эротъ, въ глазахъ грековъ, ревностный участникъ бакхическихъ оргій, и терракоттовыя статуэткы часто изображаютъ его или въ плющевомъ вѣнкѣ, съ грудью, крестообразно увитою гирляндами розъ, гроздью ³¹²⁾ или патерою въ рукахъ, подобно Діонису, или даже сладко засыпающимъ на амфорѣ ³¹³⁾; въ южноиталійскихъ статуэткахъ видимъ Эрота въ женской одеждѣ, пляшущаго. Кромѣ того, между тѣми же южноиталійскими терракоттами встрѣчаемъ изображенія Эрота или Гермафродита ³¹⁴⁾, исполняющихъ какой-то танецъ (съ кроталами или бубнами), и статуйки эти не имѣютъ пьедестала, образуя видъ такъ наз. *oscilla*, вѣшавшихся въ извѣстные

³¹⁰⁾ Подобныя фигуры многочисленны между терр. Керчи и Тамани, также и Ю. Италіи, но болѣе поздней эпохи. Ср. Древн. Босф. Ким. таб. 73. Biardot, l. c. pl. XII, 3, 5.

³¹¹⁾ Самый замѣчательный случай представляютъ 3 фигуры Эрота на дельфинѣ, найденныя въ извѣстномъ Чертомлыцкомъ курганѣ, — единственныя терракотты, допущенныя въ погребальное убранство этой богатой могилы. Отчетъ Арх. К. за 1864 г., таб. VI, 2—4, стр. 202—230. Подобные сюжеты, исполненные въ барельефахъ терр., украшали и деревянные саркофаги.

³¹²⁾ Gerhard, Eros der Todten, Akad. Abh., Taf. 56, № 1. Кажется, къ бакхическимъ же теніямъ относятся изображенія Эрота въ женскомъ платьѣ, или стоящаго задумчиво, или даже полулежащаго на пьедесталѣ. Ср. женскихъ теніевъ выше. Также Biardo l. c. pl. X, 1, 3; XV, 1.

³¹³⁾ Gerhard, Ant. Bildw. Prodrömus, стр. 66, 260.

³¹⁴⁾ Panofka, таб. 26, 27. Biardot, pl. 28.

праздники на деревья ³¹⁵). Но еще обширнее и разнообразнее сфера юношеских увеселений и забавъ, среди которыхъ представляется терракоттами Эротъ, какъ идеальный образъ дѣтскаго возраста: многочисленныя статуэтки этого рода изъ Ю. Италіи, изображаютъ Эротовъ, занятыхъ дѣтскими играми, (особенно въ мячъ ³¹⁶)), или отдыхающихъ, стоя у колонны, послѣ атлетическихъ упражненій, иногда рядомъ съ фигурою Агона ³¹⁷), или въ видѣ кулачныхъ бойцевъ съ ремennыми наручами готовящихся къ поединку. Въ позднѣйшую эпоху изображенія Эрота намѣренно и съ заднею мыслью переплетаются съ разными мифологическими типами, и Эротъ является то въ видѣ задумчиваго Діониса, то воинственнаго Ареса ³¹⁸), съ громаднымъ щитомъ и въ шлемѣ, то даже въ типѣ Геракла, Гарпократа и проч.

Особый отдѣлъ составляютъ въ терракоттахъ группы Эрота и Психеи: значеніе, которое придавали древніе ихъ мифу, его смыслъ, равно какъ и появленіе самаго сюжета (въ позднѣйшую эпоху) на барельефахъ языческихъ саркофаговъ, достаточно доказываютъ, что группы эти воспроизводятъ одну изъ наиболѣе поэтическихъ легендъ, облекавшихъ темныя вѣрованія въ загробную жизнь. Терракотты усвоили себѣ одинъ, но самый существенный фактъ мифа: радостное свиданіе Эрота и Психеи послѣ долгой разлуки, когда Олимпъ и его небесное успокоеніе открылись для истомленной Психеи — «души». Этотъ моментъ, воспроизведенный въ изящной группѣ Эрота и Психеи, обнимающихся или цѣлующихся, появляется въ терракоттахъ, повидимому, съ III вѣка до Р. Х.; группы позднѣе замѣтно размножаются ³¹⁹). Вариации группъ

³¹⁵) О. Янъ (Arch. Beiträge p. 324—5) указываетъ на праздникъ Эригоны, когда подобныя фигурки и маски — *pendula turba, oscilla mollia, oscilla stomatia*, вѣшались во время маскарадовъ на деревья. Ср. также бакхическіе типы мимовъ въ видѣ подобныхъ полишинелей или маріонетокъ. Приводимыя Яномъ свидѣтельства Баррона о связи этихъ фигуръ съ образомъ смерти и эпитетъ Діониса *dendrites*, по нашему мнѣнію, еще не позволяютъ дѣлать тѣхъ заключеній, которыя находимъ у автора.

³¹⁶) Серія терр. у Биардо, табл. X, 2; XIV, 2, 3. Ср. прелестныя маленькія статуэтки Эротовъ изъ Та-нагры, изд. Кекуле, I. с. табл. 4, 5, и которыя издатель толкуетъ подобнымъ же образомъ.

³¹⁷) Группа Берлин. музея, изд. въ Arch. Zeit. VII, Taf. 2.

³¹⁸) Отчетъ И. Арх. Ком. за 1861 г., таб. V, стр. 139. Двѣ фигурки въ Одесскомъ музеѣ.

³¹⁹) Группа изъ Малой Азіи, лучшая, изд. Фр. Ленорманомъ въ *Revue Arch.* 1878, IX pl. 19. Изъ Керчи, Древн. Босф. Ким., таб. 64, фиг. 9. Изъ раскопокъ Шлиманна подъ Троей, фрагм., табл. фотогр. атласа 147-я. Изъ Ю. Италіи: *Minervini*, Mon. ined. app. Raff. Varone, II, 4; Biardot, I. с. pl. XXV, 1, 2; 26; 28. Lützwow, München. Ant., Taf. 22; Janzé, pl. 43 (бюсты). Въ Одесскомъ музеѣ хорошій экз. изъ Керчи. Между терр. Тарсуса фрагменты той же группы въ Луврѣ и Брит. музеѣ.

касаются столько же положенія фигуръ (стоящихъ, сидящихъ или полулежащихъ, смотря по силѣ эротическаго элемента въ этой *симплема*), сколько самого возраста, въ которомъ представляются оба мифологическія лица, начиная съ зрѣлаго юношества и кончая дѣтствомъ; а послѣднее обстоятельство явно указываетъ на особый символическій смыслъ подобныхъ группъ, такъ какъ образъ мифологической Психеи сливается здѣсь съ представленіемъ души человѣка.

Въ ряду мифологическихъ типовъ, входящихъ въ кругъ Афродиты, первое мѣсто за Эротомъ занимаетъ, конечно, Адонисъ, ея любимецъ, котораго безвременная смерть и сама по себѣ близко подходитъ къ избраннымъ сюжетамъ терракоттъ. Изображенія раненаго, или уже простертаго на смертномъ одрѣ красавца извѣстны по этому изъ Аттики, Тегей и Южной Италіи ³²⁰). Можетъ быть, и многія, менѣе опредѣленныя и одиночныя изображенія грустнаго юноши въ азіатскомъ костюмѣ или только во фригійскомъ колпакѣ, также представляютъ Адониса, какъ и подобныя группы юноши и молодой женщины — Адониса съ Афродитою ³²¹). Но къ этимъ статуэткамъ чрезвычайно близко изображеніе другаго любимца богини — Париса, фигуры котораго нерѣдко встрѣчаются между терракоттами собственной Греціи ³²²).

Къ любовному циклу Афродиты относятся, затѣмъ, разнообразныя мифологическія сцены: Европы, уносимой быкомъ ³²³) — Зевсомъ, Леды съ лебедемъ ³²⁴), какъ и разнообразныя эротическія сцены или отдѣльныя эротическія представленія и символы. Значеніе эротическаго элемента въ терракоттахъ вполне соотвѣтствуетъ чувственному направленію позднѣйшаго греческаго искусства. Лукіанъ (*Ερωτες*, 11) рассказываетъ, что въ бытность свою въ Книдосѣ, онъ и его спутники много раз-

³²⁰) Nuove Mem. del Inst. 1865, tav. VI, 7. Большая стат. въ половину человѣч. роста ib. p. 115, Daremberg et Saglio, v. Adonis, fig. 112.

³²¹) Stackelberg, I. c., таб. 61, рис. 68; таже группа изъ гробницъ Низироса, въ Словарѣ Дарамберга и Сальо, v. Adonis, стр. 75, упоминается какъ погребальная.

³²²) Изъ Танагры, Kekule I. c. № 12; въ колл. Комноса изъ Кирены и пр.; въ колл. Кампаны въ Луврѣ изъ Ю. Италіи. См. также пародію выше. На скалѣ, съ яблокомъ въ рукахъ: Janzé, VI, 2.

³²³) Преимущественно вазочки съ рельефнымъ изображеніемъ: Stackelberg, I, 1; Отчетъ Арх. Комм. за 1864 г., II, 33. Но также и статуарныя группы: Janzé IX, 1; въ колл. Комноса и пр.

³²⁴) Статуэтка, несомнѣнно изображающая Леду, которая или отбивается отъ лебедя, или принимаетъ его охотно и даже прикрываетъ своєю одеждою: изъ Афинъ двѣ упом. въ соч. Overbeck, Zeus стр. 495; Stark, Orient p. 376 — изъ Оимбры; Janssen, таб. 26. О женскихъ фигурахъ съ гусемъ, уткой и пр. см. ниже.

влекались, рассматривая непристойные типы глиняных фигурокъ, которыхъ продажа была особенно развита въ этомъ городѣ Афродиты ³²⁵). Такого рода сюжеты брались какъ изъ міра мифологическаго (Сатиры, Фавны, Вакханты и Вакханки, Силены съ Нимфами и пр.), такъ и изъ міра дѣйствительности. Фривольныя группы (симплегмы) мужчины и женщины, обнимающихся въ чувственномъ порывѣ, или даже двухъ женщинъ, изъ которыхъ одна полулежитъ у другой на колѣняхъ и ее обнимаетъ, а другая обнажаетъ ея стыдъ, не рѣдкость въ собраніяхъ терракоттъ греческихъ и малоазійскихъ. ³²⁶). Но мы ложно поняли бы классическую древность, если бы ограничивали эротическій элементъ только старинными эмблемами культа Афродиты, Діаны Эфесской, Діониса и Пріапа, и другихъ божествъ плодородія, или видѣли этотъ элементъ въ общей распущенности позднѣйшаго мелкаго художества, въ которомъ часто обнаженіе женской фигуры само по себѣ составляетъ исключительное содержаніе произведенія. Напротивъ того, обширная среда представленій дѣйствительной жизни также полна афродитическими идеями, какъ и мифологическая, и въ виду сравнительной бѣдности античнаго жанра какъ въ другихъ родахъ художества, такъ и въ литературѣ греческихъ романовъ, представляетъ существенный интересъ.

Этотъ любовный жанръ, не выдѣляясь рѣзко самыми своими сценами или сюжетами, придаетъ лишь особый, романическій характеръ представленіямъ дѣйствительной жизни и въ особенности ея женской среды. И потому прежде нежели коснуться этого отдѣла въ частности, должно обозрѣть вообще всю эту среду, которая составляетъ отдѣлъ особой важности именно въ терракоттахъ.

Женскія
драпированныя
фигуры.

Уже давно археологи и любители древностей отмѣтили между терракотовыми статуэтками этотъ отдѣлъ подъ именемъ «одѣтыхъ женскихъ фигуръ». Это типы молодыхъ женщинъ, наглухо, иногда съ головою, закутанныхъ въ верхней одеждѣ, образующей на груди и ногахъ изящныя складки. Красота этихъ складокъ, и вмѣстѣ отсутствіе всякаго яснаго мотива въ изображеніяхъ были сочтены существенными

³²⁵) *Οὐκ ἀγέλαστὶ τῆς χειρωνακτικῆς ἀπολαύσεως μετέχον ὥς ἐν Ἀφροδίτῃς πόλει*. Образцемъ можетъ служить найд. Ньютономъ въ развалинахъ этого храма Афр. стат. группа Леды съ лебедемъ, см. Newton стр. 463.

³²⁶) Въ Брит. музеѣ и Луврѣ три группы. См. также Janzé, VII, 1.

признаками, и так. обр., въ этихъ статуяхъ, какъ и во многихъ произведеніяхъ скульптуры, видѣли родъ моделей или этюдовъ драпировки, которыми будто-бы художники приготавливали себя къ крупнымъ работамъ. Затѣмъ, сходство иныхъ фигуръ съ изображеніями Афродиты ³²⁷⁾ и особенно Музъ ³²⁸⁾ (изъ нихъ Полимніи въ скульптурѣ специально принадлежитъ мотивъ закутанности) давало инымъ поводъ видѣть въ этихъ фигурахъ, то жрицъ и поклонницъ Афродиты, то разныя олицетворенія или портреты женщинъ, невѣстъ, умершихъ, и даже изображенія поэтесъ древняго міра. Большинство держалось, однако, общаго взгляда, получаемого при первомъ впечатлѣніи, и придавало фигурамъ условное названіе *драпированныхъ фигуръ* (*figures drapées, donne tunicate, figure vestite, giovine tunicate*) или одѣтыхъ женскихъ фигуръ, не опредѣляя точнѣе смыслъ изображеній и не обращая вниманія на атрибуты т. е. разные предметы, находящіеся часто въ рукахъ фигуръ. Другіе (между ними, какъ главный партизанъ въ начатой полемикѣ, извѣстный изслѣдователь греческихъ древностей Гёзей ³²⁹⁾), напротивъ того, задаваясь, и вполне правильно съ общей точки зрѣнія, религіознымъ принципомъ греческаго искусства, отыскивали прототипы этихъ фигуръ въ архаическихъ идолахъ богинь, съ покрытою головою, и смыслъ статуэтокъ — въ погребальномъ ихъ назначеніи. Находка терракоттъ въ Танагрѣ, состоявшая по преимуществу изъ этихъ типовъ нѣсколько разъяснила вопросъ, доставивъ рядъ подобныхъ атрибутовъ, которые, какъ напр. вѣеръ, указывали прямо на представленіе дѣйствительнаго женскаго міра. Припомнили, что отъ самаго названія молодой женщины вообще, дѣвицы — *κόρη*, греческая *пластика*, т. е. лѣпное художество въ глинѣ наз. *ἡ κοροπλαστική*, лѣпныя же фигуры *κόραι*, также какъ и *πλάγρονες*, лѣпщикъ — *κοροπλάθος* или *κοροπλάστης*, *ὁ τὰ ζῶα διαπλάττων*; *ὅς γὰρ μόνον κοῦρους ἢ ὁμοίας κόρας πλάσσει, ἀλλὰ πᾶν ζῶον* ³³⁰⁾. Стало

³²⁷⁾ Изд. Гергардомъ въ Arch. Z. 1861, стр. 129: богиня стоитъ, закинувъ ногу за ногу, лѣвая рука подъ одеждою и уперта слегка въ бокъ — мотивъ множества терракоттъ.

³²⁸⁾ Терр. изд. въ Древн. Б. Кимм. таб. 68, фиг. 1—3, также въ Каталогъ Дюрана №№ 1594—1613, приняты за изображенія Музъ. См. изв. статуи, изд. Висконти въ Museo P. Cl. tav. 23, 27, p. 205 c.

³²⁹⁾ Въ статьяхъ: Recherches sur les figures de femmes voilées, помѣщ. въ Monuments Grecs publ. par l'Association pour l'encouragement des études grecques en France, 1873—4, и Nouvelles Recherches sur les terres cuites grecques ib. 1876, p. 2—3.

³³⁰⁾ Etymolog. magnum, p. 539, 11. См. Hermann, Privatalt. § 31, 27; Overbeck, Die ant. Schriftstell. p. 261.

быть, статуэтки эти и суть эти самыя *хóраи* и, представляя смертныхъ женщинъ, были вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе любопытнымъ сюжетомъ для лѣпищиковъ, и отсюда истекаетъ ихъ типичность и многочисленность въ средѣ терракоттъ.

Но для полноты объясненія все еще недостаетъ существеннаго: т. е. указанія смысла изображеній. И такъ, если эти драпированныя фигуры изображаютъ исключительно молодыхъ женщинъ и дѣвицъ ³³¹⁾, то такъ какъ нельзя же видѣть въ нихъ изображеніе умершихъ или ихъ душъ и т. п., остается принять, что мы имѣемъ передъ собою античныя *хóраи* въ особомъ смыслѣ — т. е. *куклы*, которыя, какъ игрушки для дѣтей женскаго пола, и въ древности, какъ и теперь, представляли преимущественно дѣвицъ въ красивыхъ платьяхъ, и назывались поэтому *хóраи* ³³²⁾. Замѣняя обыкновенныя суставчатыя куклы, которыя надо было одѣвать въ настоящія платья, какъ мраморныя статуи вмѣсто древнихъ *хоана*, эти терракотты вносятъ въ низменную сферу игрушекъ высокое развитое художество и являются уже въ относительно позднюю эпоху конца IV стол. Между терракоттами архаическими ихъ вовсе не встрѣчается, очень мало найдено въ Атикѣ, и наоборотъ находки Танагры, Керчи и Тамани, Сициліи и Ю. Италіи изобилуютъ этого рода фигурами ³³³⁾. Какъ и свойственно именно кукламъ, эти фигуры лишены опредѣленнаго содержанія, не даютъ яснаго акта или мотива, и ихъ атрибуты имѣютъ характеръ общихъ аксессуаровъ женскаго быта, туалета, забавы или просто времяпровожденія. По этому самое описаніе ихъ можетъ быть сдѣлано, за немногими исключеніями, не по экземплярамъ, но по деталямъ самаго типа, въ которомъ, какъ и въ цѣломъ, заключается самый смыслъ представленія.

Каждая драпированная женская фигура бросается въ глаза прежде всего красотою своей позы и одежды, и изящество танагрскихъ глиняныхъ издѣлій именно въ

³³¹⁾ Немногія мужскія драпированныя фигуры относятся уже къ опредѣленнымъ типамъ: ораторовъ (фигура рядомъ съ гермою бога краснорѣчія Гермеса), изъ Керчи, изд. у Ашика I. с. III, рис. 73. Под. изъ Ю. Италіи въ Вѣн. Каб. Ант.; Магистратовъ изъ Ю. Италіи въ Неапол. музеѣ и т. п. Изъ Керчи же экз. Музея Одесск. Общ. Ист. и Древн.

³³²⁾ Какъ намекъ на названіе богини Керы, мы встрѣчаемъ *суставчатыя куклы* съ атрибутами богини въ Ю. Италіи и въ Керчи.

³³³⁾ Относительное число этихъ фигуръ въ коллекціяхъ таково, что почти равняется трети всѣхъ стат., добытыхъ изъ Ю. Италіи, Сициліи, Танагры и Керчи, также отчасти Кирены.

этомъ отношеніи не оставляетъ ничего желать, даже въ сравненіи съ монументальною скульптурою. Мы, въ самомъ дѣлѣ, имѣемъ здѣсь живыя и непосредственныя откровенія греческаго чувства изящнаго, красиваго и граціознаго, — чувства, которое полагало болѣе достоинства въ формахъ тѣла, нежели чертахъ лица, болѣе красоты въ утонченной, даже жеманной и манерной граціи, нежели въ наивности и простотѣ: эти фигурки, видимо, любятъ сами собою. Покойно стоя и слегка выставивъ одну ногу или выступая на прогулкѣ легкою, щепетною походкою, молодая женщина обѣими руками крѣпко притягиваетъ къ тѣлу свои широкія одежды; лѣвая рука ея, захвативъ вмѣстѣ хитонъ и гиматій, уперта въ бокъ, нѣсколько назадъ, такъ что приподнятый хитонъ и натянутый гиматій (или же пеплосъ, или даже особое покрывало) прилегаютъ къ ея тѣлу тонкими, мелкими складками: правая рука, засунутая подъ гиматій или покрывало, то стягиваетъ эту одежду подъ шеею и на груди, иногда даже подпирая подбородокъ, то приподымаетъ длинный хитонъ, между тѣмъ какъ лѣвая, упертая въ бокъ, стягиваетъ одежды напередѣ. Въ иныхъ статуэткахъ идущихъ женщинъ обѣ руки, спрятанныя подъ одеждою, граціозно приподымаютъ гиматій. Такого рода основная поза разнообразится до безконечности, создавая мотивы драпировки, необыкновенно изящные. Но кромѣ того, рядъ статуекъ представляетъ женщинъ сидящихъ, обыкновенно на камнѣ или скалѣ, и выразительныя позы этихъ фигуръ, представляя опредѣленный мотивъ или смыслъ изображенія, напоминаютъ уже жанръ, какъ увидимъ ниже ³³⁴).

Костюмъ драпированныхъ фигуръ составляютъ обыкновенно: цвѣтные хитонъ и гиматій (первый голубой, иногда почти пурпурный т. е. древняго пурпура — лилово-коричневый, второй розовый, рѣже наоборотъ) или вмѣсто гиматія большой пеплосъ, или даже покрывало, которымъ иногда окутана вся голова и нижняя часть лица, такъ что остаются свободными только носъ и глаза. Хитонъ непременно длинный, іоническій, до пятъ, и съ рукавами, но простой, не двойной (*διπλόδιον*) и рѣдко перехваченъ поясомъ; безрукавный хитонъ встрѣчается лишь въ статуткахъ Танагры

³³⁴) Фигуры въ позѣ молящихся, какъ напр. Біардó 1. с. pl. 29, fig. 2 и 39, 2, вѣроятно, относятся къ изображенію души — Психе (см. выше).

и Ю. Италіи ³³⁵⁾ точно также какъ бѣлый цвѣтъ хитона и иногда самаго гимна ³³⁶⁾. Покрывало имѣетъ въ иныхъ танагрскихъ статуйкахъ золотую кайму. Дранировка этихъ одеждъ отличается, однако, зачастую не чистымъ изяществомъ, но и нѣкоторою изысканною граціею; складки слишкомъ уже мелки, дробятся въ разныхъ направленіяхъ и не покойны; въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ статуэткахъ Ю. Италіи и Керчи эти складки показываютъ уже ту утрировку, которую всего лучше было бы назвать вкусомъ «рококо» въ античной скульптурѣ; дранировка, правда, остается красивою, но лишается натуральности и простоты.

Головные уборы драпированныхъ фигуръ уже давно обратили на себя вниманіе археологовъ ³³⁷⁾, между прочимъ потому, что среди терракотовыхъ фрагментовъ чаще всего попадаются головки этихъ фигуръ (какъ лучшія приношенія, эти статуйки, вѣроятно, бились надъ могилою). Но разнообразіе этихъ уборовъ и причесокъ таково, что врядъ ли когда нибудь можно будетъ подвести ихъ подъ опредѣленные типы: кробилосы, косы, накладываемыя на голову, высокіе шиньоны назадъ и пр. варьируются здѣсь вмѣстѣ съ разными цвѣтными и бѣлыми повязками то въ видѣ лентъ, то въ формѣ платковъ. Замѣчательно, что въ волосы фигуръ, или переднюю косу надъ лбомъ, часто вилетаются вѣтки плюща и вѣнки — обычай, возымѣвшій здѣсь мѣсто, можетъ быть, вслѣдствіе подражанія процессіональнымъ костюмамъ и уборамъ. Голову кромѣ того, въ статуэткахъ Танагры и Керчи, прикрываетъ, едва лѣпясь на темені, плоская шляпка (родъ петаза, дорожной шляпки изъ соломы или тонкаго войлока) съ коническимъ, на подобіе китайскихъ шляпъ, остріемъ посрединѣ; широкая тулья бываетъ или краснаго, или желтаго цвѣта, или даже украшена разноцвѣтными полосками.

Изъ немногихъ атрибутовъ или, вѣрнѣе, аксессуаровъ женскаго быта, кромѣ серегъ въ ушахъ, золотыхъ фибулъ и пр., драпированныя фигуры держатъ въ рукахъ всего чаще вѣеръ, изъ перьевъ, сердцевидный и окрашенный въ свѣтло-лубую краску; рѣже является въ ихъ рукахъ цвѣтокъ или туалетная коробочка,

³³⁵⁾ Въ фигурахъ Ю. Италіи хитонъ часто бываетъ даже немного спущенъ съ одной груди.

³³⁶⁾ Kekule I. с. таб. XIV, XV.

³³⁷⁾ Штакельбергъ I. с. Taf. 76—8 изданъ рядъ головокъ этихъ статуекъ.

птичка и пр. ³³⁸). Бѣлый голубокъ, вспорхнувшій на плечо молодой женщины ³³⁹), или Амуръ, помѣстившійся на плечахъ же у ея уха или на груди ³⁴⁰), а также яблоко или гранатовый плодъ въ рукахъ фигуры, переводятъ сюжетъ въ область афродитическаго жанра и придаютъ фигурѣ значеніе любовной сцены; молодая женщина (прекрасная фигура изъ Танагры въ Луврѣ) ласкаетъ Амура, прижимаетъ его къ себѣ, или въ любовной тревогѣ пробѣгаетъ глазами на диптихѣ присланную ей записку, въ присутствіи Эроса ³⁴¹). Но уже устроившаяся домохозяйка, сидя за своимъ веретенемъ, строго смотритъ на Амура, прячущагося отъ нея на колѣнахъ, — такъ рисуетъ намъ любовь оригинальная статуэтка изъ Танагры ³⁴²).

Лишь немногія и притомъ лучшія изъ этихъ терракоттъ представляютъ также опредѣленное выраженіе на лицахъ фигуръ: это выраженіе отличается страстностью и рѣдко, притомъ, бываетъ веселое; напротивъ того, какая то сладкая и вмѣстѣ скорбная задумчивость заставляетъ головы этихъ молодыхъ женщинъ клониться внизъ и слегка на бокъ, погружая ихъ въ самосозерцаніе, почему прежде и принимали иныхъ изъ нихъ даже за изображеніе Музъ; и это наклоненное положеніе головы повторяется и плохими лѣпщиками, уже какъ знакомый, кокетливый мотивъ, хотя и безъ того содержанія, какое даютъ лучшіе образцы. Восторженное поднятіе головы, экстазъ, выражающійся въ протянутыхъ или разведенныхъ рукахъ ³⁴³) иныхъ статуэтокъ являются, наоборотъ, чертою болѣе оригинальною, но менѣе понятною, чѣмъ эта любовная задумчивость, которая явно составляетъ типъ въ реальномъ изображеніи греческой женщины; эта задумчивость, выражаясь въ положеніи головы, не лишена граціи, и на лицѣ фигуръ блуждаетъ всегда легкая улыбка.

³³⁸) Въ Неапол. муз. нѣкоторыя фигурки изъ Абрुццъ держатъ кружку и патеру, также кружокъ. Иныя фигурки держатъ какую то вещь подъ одеждою и получили странное названіе Эрифилы, вѣроломной жены Амфіарая.

³³⁹) Много большихъ статуекъ изъ Ю. Ит., см. Bernouilli, Aphrodite, p. 126.

³⁴⁰) Отчетъ Арх. Ком. за 1870—1 гг., III, 4.

³⁴¹) Ранѣе всего стала извѣстна стат., упом. въ Arch. Z., Anz. 1861 г., стр. 85, принятая Гергардомъ за Афродиту.

³⁴²) Изд. Визелеромъ въ виньеткѣ къ его Arch. Bericht üb. d. Reise in Griechenland. Изъ колл. Сабурова.

³⁴³) См. под. фигуры въ изд. Minervini, Mon. ant. ined. p. da R. Barone, табл. 13, 1. Также Biardot, I. c. pl. 31, фиг. 2 и др.

Но было бы совершеннымъ заблужденіемъ видѣть въ этихъ фигуркахъ, явно составлявшихъ художественное достояніе всего греческаго общества, какъ высшаго, такъ и низшаго, изображеніе гетеръ, куртизанокъ ³⁴⁴), какъ принимали въ послѣднее время нѣкоторые изъ французскихъ (Рэйе) археологовъ, руководясь именно любовнымъ содержаніемъ иныхъ сюжетовъ, и кокетливою граціею фигуръ. Не говоря уже объ отсутствіи какихъ бы то ни было опредѣленныхъ чертъ въ костюмѣ, какими разнились въ Аѳинахъ и Греціи гетеры отъ порядочныхъ женщинъ, представленіе жизни женщинъ въ этихъ терракоттахъ носить, напротивъ, тотъ еще цѣломудренный характеръ искусства временъ Праксителя, когда оно само держалось строго чистой и идеальной художественности, а греческое общество еще жило строгою жизнью буржуазныхъ республикъ. При крайне бѣдной скалѣ мотивовъ, представляемыхъ этими фигурами, — удачно замѣчаетъ Бенндорфъ ³⁴⁵), — въ нихъ нѣтъ вовсе какъ сценъ эффектныхъ съ попопзновеніемъ на остроту, такъ и ничего тенденціознаго и фривольнаго. Эти терракотты рисуютъ намъ простыя картины женскаго быта, подобно Теофрасту (живые и отчасти веселые правоописательные рассказы ἡδυχοὶ χαρακτήρες), въ цѣломъ рядѣ психологическихъ этюдовъ изъ новой общественной жизни женщины. Прзвда, отъ старыхъ условій быта еще удѣлѣли нѣкоторыя стѣсненія въ видѣ условныхъ приличій, напр, покрывала, которыми аѳинскія женщины прежде обязательно закутывали себѣ лицо, на манеръ восточнаго фереджи, выходя на прогулку изъ дому.

Но если въ этихъ фигурахъ психическая жизнь еще блѣдна, и искусство, ихъ создавшее, еще знаетъ только одну пластическую красоту тѣла, то душевная жизнь женщины уже выражается ясно въ указанномъ разрядѣ «драпированныхъ фигуръ», которыя представляютъ своего рода любовный жанръ. Кромѣ упомянутыхъ выше статуэтокъ съ Эротомъ и голубкомъ, сюда принадлежатъ женскія фигуры (преимущественно изъ Танагры), держащія въ рукахъ мячъ или яблоко, которыя онѣ или

³⁴⁴) Изображенія гетеръ, однакоже, должны существовать между терр. стат.: можетъ быть, ихъ должно искать между мнимыми фигурами Афродиты. См. напр. изъ катал. Дюрана, Clagac pl. 634, № 1331, или Biardot, l. c. pl. 38, fig. 1 обнаженные фигуры, или фиг. изд. въ Отчетѣ за 1870 г., III, 1.

³⁴⁵) Въ своей рецензіи изданія Кекуле, Zeitsch. f. bild. K. 1878, p. 168—170.

получили отъ своихъ возлюбленныхъ или готовятся бросить имъ, въ знакъ своей любви (μῆλοβολεῖν — заявить любовь). Вѣроятно тотъ же смыслъ любовныхъ страданій скрывается въ нѣкоторыхъ изображеніяхъ молодой женщины, полулежащей на скалѣ, съ выраженіемъ глубокой скорби; эти фигуры въ европейскихъ коллекціяхъ были принимаемы въ прежнее время за Аріадну (см. выше) ³⁴⁶), точно также какъ статуэтки женщины съ яблокомъ въ рукѣ у столба считаются изображеніемъ Афродиты ³⁴⁷). Но что мы имѣемъ здѣсь дѣло именно съ любовными представленіями, доказываетъ напр. статуэтка изъ Южной Россіи юноши, стоящаго также съ яблокомъ въ рукахъ, какъ любовнымъ подаркомъ ³⁴⁸).

Вообще говоря, представленіе собственного *жанра* ³⁴⁹) въ античныхъ терракот-
тахъ по преимуществу берутся изъ женскаго быта, и это обстоятельство опять пред-
ставляетъ явленіе крайне характерное для античной жизни и искусства. Такъ, на
первомъ планѣ, въ этой средѣ терракоттъ мы видимъ женщину среди ея домашняго
хозяйства и различныхъ работъ. Именно этотъ смыслъ имѣютъ, по нашему мнѣнію,
многочисленныя фигуры женщинъ, держащія на рукахъ молодыхъ гусятъ, утятъ и дру-
гихъ домашнихъ птицъ: терракотты эти столь же обычны среди Керченскихъ, аттиче-
скихъ, какъ и Южноиталійскихъ находокъ. Ихъ явно реальное значеніе, однакоже, обна-
ружено лишь въ средѣ Керченскихъ издѣлій, между которыми встрѣчаемъ даже изоб-
раженія пожилыхъ хозяекъ. Часто гусь или утка прячутся въ складкахъ платья у
ногъ хозяйки — птичницы, и такого рода жанръ сохраняетъ явно общій характеръ
античнаго искусства т. е. идеальное направленіе: цѣлью изображенія служить не

Жанръ
въ терракот-
тахъ.

³⁴⁶) Напр. фигура Ю. Ит. въ колл. Бароне, изд. Minervini, Mon. ined., II, 1: фигура, охвативъ колѣно, припала къ нему головою. Хорошая фигурка этого рода принадл. Одес. музею Общ. И. и Древн. и происходитъ, кажется, изъ Ольвіи. Голова молодой женщины закинута назадъ и поникла на бокъ, какъ во снѣ, но глаза прикрыты. Гиматій, проходя по низу тѣла, связанъ узломъ на лонѣ; руки безжизненно опущены. Изящная работа III стол. Рис.

³⁴⁷) Напр. изъ Танагры, Kekule I. с. таб. 13.

³⁴⁸) Отчетъ И. Арх. Ком. за 1860 г., стр. 81.

³⁴⁹) Вѣроятно, къ области того же жанра относятся и многія загадочнаго содержанія фигуры и группы. Таковы напр. описанныя де-Виттомъ въ Каталогѣ Кабинета Дюрана фигуры подъ № 1705; карриатура съ головою лягушки подъ № 1592 и пр. Въ Луврѣ одна южноит. терр. статуэтка представляетъ молодую женщину, раскрывающую у себя на груди большой орѣхъ. Именно вся загадочность этихъ статуэтокъ происходитъ отъ реальнаго, но неясно изображеннаго сюжета. Такихъ фигуръ много съ Родоса и пр. въ Брит. Муз.

самая сцена, не сама действительность, но ее идея — въ данномъ случаѣ похвальные «свычаи и обычаи» античной женщины — домовитость и хозяйственность ³⁵⁰). Столь же обычнымъ типомъ является пряха: молодая женщина сидитъ въ покойномъ креслѣ съ широкою спинкою, у ногъ ее поставлена корзина конической формы, наполненная шерстью ³⁵¹). Изображенія семейной трапезы ³⁵²) (можетъ быть, въ связи съ надгробными анатемами), какъ и вообще семейной жизни ³⁵³), встрѣчаются нерѣдко между терракоттами Керчи и Ю. Италіи: кромѣ любовно обнявшихся мужа и жены, или иной любящейся четы, иногда посреди ихъ, на столикѣ, посаженъ ребенокъ, плодъ ихъ союза. Сцены женскаго туалета занимаютъ видное, сравнительно съ рисунками вазъ, мѣсто среди сюжетовъ женскаго быта: кромѣ рѣдкихъ сценъ омовеній (терр. изъ Ю. Италіи), уборки волосъ, надѣванія сандалій ³⁵⁴) типичнымъ, является лишь изображеніе молодой женщины съ туалетнымъ ларчикомъ ³⁵⁵): строгая пластическая красота терракоттъ явно пренебрегала сюжетами, хотя вполне пластическими, но допускавшими безцѣльную фривольность.

Зато наиболѣе распространена въ терракоттахъ сфера различныхъ развлеченій и игръ: женщина, играющая на лирѣ и поющая, или на флейтѣ, китарѣ, тригонѣ, или танцующая, составляетъ любимый сюжетъ терракоттъ, какъ керченскихъ, такъ и южноиталійскихъ ³⁵⁶); музыка является главнымъ развлеченіемъ именно женщины. Также и различныя игры: въ мячъ, въ шашки ³⁵⁷) и кости ³⁵⁸) (астрагалы) зани-

³⁵⁰) См. под. фигуры изъ Ю. Россіи: Отчетъ И. Арх. Ком. за 1868 г., таб. III, 6—7. *Ашиксъ*, 1. с. т. 3-й рис. 68. Древн. Вост. Кимм. таб. 69, рис. 1. О гусѣ и его изображеніи въ сценахъ обыденной жизни см. изслѣд. Акад. Стефани въ Отчетъ за 1863 г. стр. 18 слѣд.

³⁵¹) *Biardot*, 1. с. pl. 23 — подъ именемъ Мойры Лахезисъ; *Wieseler*, *Reise in Griechenland*, стр. 48 — какъ Пенелопа. Статуйка въ Луврѣ изъ Танагры.

³⁵²) *Gerhard*, *Ant. Bildw.*, таб. 302, 1, 2, р. 39) (Зевесъ, Гера и Кроносъ?); Отч. И. Арх. Ком. за 1873 г. таб. II, 5, стр. 25—7. *Stackelberg*, таб. 68.

³⁵³) Отчетъ Арх. Ком. за 1869, таб. II, 13; id. за 1874 г., таб. I, 6, стр. 24.

³⁵⁴) Такъ наз. Венера: *Clarac*, *Mus. de se.* pl. 593, fig. 1295. Въ Луврѣ изъ Ю. Италіи встрѣтили мы фигуру женщины, сидящей въ ваннѣ. Туалетъ: *Arch. Zeit.* 1874, стр. 60.

³⁵⁵) Терр. изъ Тамани, Отчетъ И. Арх. Ком. за 1870 г., таб. II, 4, стр. 165.

³⁵⁶) Отчетъ И. Арх. Ком. за 1868, таб. III, 5; id. за 1869, III, 13; за 1870—1, стр. 210.

³⁵⁷) Двѣ дамы, играющія въ шашки, — замѣчательная группа изъ Аттики, въ колл. Королевы греч., изд. въ *Arch. Anz.* 1855, стр. 55; 1863, таб. 173.

³⁵⁸) Прелестная фигурка, играющая астрагалами — *ἀστράγαλίζουσα* изъ Танагры, *Kekule*, 1. с. таб. VI. Также *Stackelberg* 1. с., таб. 64.

мають, судя по терракоттамъ, болѣе всего женщинъ и дѣтей ³⁵⁹). Но самый интересный и въ тоже время наиболѣе спорный сюжетъ, относящійся во всякомъ случаѣ къ играмъ, представляютъ многочисленные среди терракоттъ Аттики, Танагры и Ю. Италіи, группы, носящія условное названіе *Катагузы* ³⁶⁰), въ смыслѣ Деметры, несущей свою дочь Кору въ подземное царство. Съ одной стороны, желаніе видѣть въ тарракоттовыхъ статуэткахъ по преимуществу мифологическіе сюжеты, съ другой близкое соотношеніе этого предположеннаго мифологическаго сюжета съ главнымъ цикломъ терракоттъ — элевзинскимъ, побуждали нѣкихъ и притомъ лучшихъ археологовъ остановиться на той гипотезѣ, что въ этихъ группахъ имѣемъ, дѣйствительно, копію Праксителява произведенія, — такъ наз. Катагузы, — изображавшей, по мнѣнію этихъ ученыхъ, Деметру и Кору на ея плечахъ. Напротивъ того, другіе (Рейе и пр.) отрицали прежде всего самую возможность подобной гипотезы, основываясь на очевидно реальномъ характерѣ данныхъ группъ. Споръ не можетъ считаться и доселѣ оконченнымъ, и для рѣшенія вопроса необходимо было бы прежде издать въ точныхъ снимкахъ многочисленные реплики этого сюжета ³⁶¹), хотя, вообще говоря, манера представленія его довольно однообразна, и ея варианты, видимо, не имѣютъ отношенія къ мѣстностямъ. Молодая дѣвушка, захвативъ руками колѣно и торсъ другой дѣвнцы, сидящей у нея на спинѣ, спѣшно идетъ въ сторону: эта вторая или держится обѣими руками за плечи ея, или подымаетъ правую руку, какъ бы побуждая ее идти. Иногда въ рукахъ дѣвушки, сидящей на спинѣ другой, находится яблоко, граната, (а можетъ быть, мячъ) или туалетный ящикъ; — далѣе она же, а иногда и обѣ фигуры, украшены толстыми вѣнками, а волосы убранны какъ у «дра-

³⁵⁹) Въ фигурахъ женщинъ, играющихъ въ кости, присѣвъ на землю, Гёзей ст. *Les joueuses d'osselets*, Mon. Grecs p. par l'Assoc. d. études gr. 1876 p. 10 сл., указываетъ мифологическіе типы Ніобидъ, или дочерей Пандарей, и цѣль под. изображеній видитъ въ символизациі жизни и смерти въ юные годы. Тамъ же pl. 2 новые рис. терр. фигуръ.

³⁶⁰) Названіе Катагузы дано по имени одной группы Праксителя у Плинія: XXXVI, 18, 20 и поддерживается Гёземъ въ ст. *Recherches sur un groupe de Praxitèle d'après les fig. en terre c.*, въ *Gaz. d. B. Arts* 1875 стр. 192 сл., съ тремя рис. группъ изъ Коринѳа, Ю. Италіи и Танагры. Въ колл. Комноса въ Аѳинахъ группа изъ Мегары упомина. у Кекуле I. с. p. 55.

³⁶¹) Кромѣ указ. изд. только: изъ Ю. Италіи, группа у Біардó I. с., pl. 22; Henzeу, I. с., pl. 33 — пять группъ изъ Танагры и Италіи, три малыхъ размѣровъ. Въ музеѣ Одес. Общ. Ист. и Древн. 2 экз. изъ Керчи, см. рис. одного.

пированных» женщин; голова несущей обыкновенно обращена къ другой, какъ бы прося пощады, но иногда глаза ея закрыты. Общее впечатлѣніе, какъ вѣрно заключилъ Рэйе, указываетъ на какую то игру, всего вѣроятнѣе въ мячъ, при которой побѣжденный долженъ былъ носить на себѣ побѣдителя, и заключеніемъ, поэтому, являлось одно изъ гимнастическихъ упражненій, столь любимыхъ греками ³⁶²). Въ позднѣйшую эпоху такого рода игры должны были отъ мужчинъ перейти и къ женщинамъ, какъ и многія другія.

Но разнообразныя игры и развлечения составляютъ также главное содержаніе отдѣла терр. статуекъ, изображающихъ дѣтскій міръ, и вспоминая общія черты внутренняго содержанія этого производства, мы не можемъ отказать себѣ въ правѣ видѣть и въ этой области духовное отношеніе ея, повидимому, пустыхъ и мелкихъ формъ къ наиболѣе интимнымъ сторонамъ народныхъ вѣрованій въ загробную жизнь. Прямая аналогія, которую эти терр. находятъ въ рисункахъ маленькихъ лекиноовъ ³⁶³), изображающихъ бытъ женщинъ и дѣтскія игры, можетъ, конечно, объяснить намъ, что и тѣ и другія подѣлки (малаго размѣра) могли служить простыми дѣтскими игрушками, но между этимъ назначеніемъ и ролью ихъ въ могилахъ легло тоже оригинальное представленіе о будущей жизни, которое обусловило собою развитіе всей области терракоттъ. Правда, разныя реальныя сцены игры, борьбы, катанья въ телѣжкахъ, или игры дѣтей съ пѣтухомъ, комнатною собачкою, (мелитейскимъ шницемъ) или дворняшкою, зайчикомъ, гусемъ, (конии группы Боэтоса, подробно изслѣдованы акад. Стефани въ Отчетахъ Арх. Ком.), птичкою, козломъ ³⁶⁴) и пр. и пр., вмѣстѣ съ изображеніями дѣтей въ колыбели, входятъ отчасти въ составъ той же женской среды, которою такъ охотно занимаются лѣпщики терракоттъ. Самыя замѣчательныя въ этомъ разрядѣ терракотты, конечно, тѣ, которыя изображаютъ дѣтей, ѣдущихъ на домашнемъ животномъ или птицѣ, — игривая тема народнаго искусства, подавшая

³⁶²) Объ этихъ играхъ въ мячъ и кегли и такомъ наказаніи проигравшаго, которое само составляло игру и носило названіе *ἐν χοῦλῃ* или *ἐφεδρισμός*, см. въ соч. *Becq de Fouquières*, *Les jeux des anciens*, 1873, p. 126—9 и *Krause*, *Gymnastik der H.* I, 324, 902.

³⁶³) Изъ Керчи, Отчетъ И. Арх. К. за 1863, таб. II, стр. 144.

³⁶⁴) Особенно много этихъ стат. изъ Керчи: Древн. Босф. Ким., таб. 64, 72, 74. Отчетъ Арх. Ком. за 1863 г. 53 сл. Тоже атл. за 1868, таб. III, 8—13; за 1876 г., таб. VI, 9.

многимъ изслѣдователямъ поводъ къ построению самыхъ туманныхъ мифологическихъ и мистическихъ теорій. Изъ Танагры и Ю. Италіи происходитъ множество статуэтокъ, представляющихъ ребенка, то съ комическою маскою, то съ мячемъ или другою игрушкою въ рукахъ, и замѣчательныхъ, главнымъ образомъ, тѣсною связью этой апотеозы дѣтскаго міра съ родственными ей религіозными представленіями (Гермесъ, Гарпократъ). Въ самомъ дѣлѣ, нельзя не отличить подобнаго особеннаго замысла напр. въ многочисленныхъ плоскихъ статуэткахъ (почти барельефахъ) ³⁶⁵), изображающихъ или просто присѣвшаго на землю ребенка, иногда съ гроздью, плодомъ или птичкою въ рукахъ, или же съ сосудомъ въ рукахъ, но внутри бесѣдки, увитой плющемъ и виноградомъ; таково было бы символическое изображеніе юнаго Діониса, если-бы, по всеѣмъ признакамъ, лѣпщикъ не имѣлъ здѣсь цѣлью представить чисто реальную сцену. Въ силу того же скрытаго смысла, конечно, терракотты переносятъ эти сюжеты дѣтскаго міра съ собою и въ самое позднее время и на варварскую почву: изъ упомянутой мѣстности древней Галліи напр. происходитъ множество дѣтскихъ, улыбающихся фигурокъ, въ разнообразныхъ дѣтскихъ костюмахъ, или погрудныхъ изображеній ³⁶⁶). Мы говорили, наконецъ о тѣсной связи этихъ сюжетовъ съ идеальнымъ міромъ Эроса, изображеніе котораго на надгробныхъ памятникахъ, саркофагахъ, въ живописи подземныхъ усыпальницъ и мозаикахъ позднѣйшихъ языческихъ и христіанскихъ мавзолеевъ, завѣдомо служило образомъ будущей, безпечальной жизни.

Лишь въ тѣсной связи съ тѣмъ же дѣтскимъ міромъ представляются и становятся понятными въ средѣ терракоттъ немногія сцены юношескаго возраста и его атлетическихъ и гимнастическихъ упражненій ³⁶⁷). Обыкновенно юный гимнастъ, плотно укутавшись въ свою верхнюю одежду — уже послѣ упражненій — стоитъ покойно рядомъ съ гермою, какъ на оборотной сторонѣ многихъ вазъ ³⁶⁸), или же

³⁶⁵) Изъ Кипра, Родоса, Афинъ, Кирены, Керчи и Ю. Италіи. См. Stackelberg I. с. таб. 49—52. Анализъ этихъ стат. сдѣланъ впервые акад. Стефани въ Отчетъ Арх. К. за 1876, стр. 179 слѣд.

³⁶⁶) *Tudot*, I. с. pl. 42, 43 d, 44, 46, 50 (будто бы богъ Смѣха *Risus*), 53.

³⁶⁷) Ср. фигуру юноши съ гроздью въ рукахъ и собачкою у ногъ: Др. Босф. К., т. 64, 6. Юноша съ птичкою въ рукахъ, *Heuzey*, pl. 21, fig. 2.

³⁶⁸) Отчетъ И. А. К. за 1873, I, 5, стр. 19. *Минервини*, *Mon. ined. Var.*, XVII, 4, фигура, поддерживающая что то на головѣ. Стат. въ Луврѣ, изъ Александріи, неизд.

на пути въ гимназій, съ стригиломъ въ рукахъ и петазомъ на головѣ ³⁶⁹), или отдыхаетъ, сидя на скалѣ; есть статуэтки, воспроизводящія любимое развлеченіе греческихъ юношей — пѣтушиный бой (изъ Ю. Италіи) ³⁷⁰). Фигуры гладіаторовъ, африканскихъ бойцовъ на кулачкахъ и пр. являются уже вмѣстѣ съ забвеніемъ основной идеи терр. статуэтокъ, между позднѣйшими издѣліями Кампаніи и Рима ³⁷¹.

Въ силу этой идеи, конечно, сравнительную бѣдность, какъ *сюжетовъ*, такъ и самыхъ экземпляровъ отличаетъ представленія *жанра* въ собственномъ, современномъ смыслѣ этого слова, т. е. сцены и типы дѣйствительности, интересной ради ея самой, ради характеровъ. О большинствѣ подобныхъ сюжетовъ можно сказать, что мы не понимаемъ, почему онѣ избирались для погребальнаго обихода: таковы различныя фигурки писателей или философовъ (изъ Ю. Италіи ³⁷²), воиновъ, всадниковъ ³⁷³), ораторовъ, магистратовъ ³⁷⁴), а также торговцевъ, пекарей, площадныхъ крикуновъ, цирюльниковъ и пр. (последній рядъ — изъ Танагры, отчасти Малой Азіи). Но именно этого рода статуэтки и встрѣчаются наиболѣе рѣдко, и принадлежать не собственной Греціи, и мы, задаваясь, главнымъ образомъ, характеристикой типическаго содержанія терракоттъ, можемъ ограничиться простымъ ихъ упоминаніемъ. Совсѣмъ другія отношенія и иной смыслъ представляютъ сюжеты и типы изъ жизни рабовъ и варваровъ; многочисленность и разнообразіе этого отдѣла терракоттъ столько же характеризуетъ бытъ Грековъ и ихъ колоній, сколько указываетъ на руководство оригинальной, суетворной мысли, что эти изображенія могли, по самой своей каррикатурности и безобразію формъ человѣческаго тѣла, служить для умершаго предохранительными знаками или апотропеями. Не только множество рабовъ, необходимыхъ для домашней жизни Грека и окружавшихъ его своими попеченіями съ ранняго дѣтства его и до

³⁶⁹) Стат. изъ Греціи, въ Луврѣ. Стат. изъ Левадіи, Heuzey, pl. 34, 1.

³⁷⁰) Въ колл. Карьеруэ фигура юноши съ пѣтушиною головою — ироническій образъ палестры, замѣтка Гергарда въ Arch. Anz. 1851, p. 31.

³⁷¹) Въ Брит. музеѣ под. фигуры изъ Кальви въ пров. Казерта.

³⁷²) Помпеи: Rev. Archéol. 1874, p. 272.

³⁷³) Оимбры: Stark, Orient, p. 377; Капуи: Biardot, l. c. pl. 39. На Кипрѣ, въ развалинахъ Куріума, найдены терр. фигуры вооруженныхъ всадниковъ, со щитами, украшенными горгонейономъ: извѣстіе въ журн. The Athenaeum 1874, Nov. 2³.

³⁷⁴) Даженкуръ, Recueil etc. pl. XIV, 5.

глубокой старости, но и комическій характеръ въ глазахъ Грека этихъ низшихъ существъ, ихъ внѣшнее уродство и неумѣренность, являются причиною къ изображенію самой фигуры раба ³⁷⁵⁾ и разнообразныхъ сценъ его жизни: то, таща амфору съ виномъ на плечахъ, рабы и рабыни готовятъ себѣ пиръ; то уже упившійся рабъ блаженно ухмыляется, держа въ рукахъ полный сосудъ ³⁷⁶⁾. Рабъ — педагогъ (скиѣскаго типа въ терракоттовой группѣ изъ кургана Таманскаго пол. ³⁷⁷⁾) нянчить спеленатаго ребенка на рукахъ или ведетъ подростка мальчика въ гимназіумъ, неся стригиль, арибаллъ и наручи ³⁷⁸⁾. Масса головокъ негритянскаго или такъ наз. Эѳіопскаго стиля, происходящихъ изъ Аттики, Керчи и т. д., также представляютъ остатки отъ фигуръ рабовъ, явно исполнявшихъ роль каррикатуръ и гротесковъ. Съ тѣмъ же полу-религіознымъ, полу-художественнымъ смысломъ связаны и многочисленные въ некрополяхъ Керчи, Ольвіи, Кирены, Галліи и пр. терракоттовыя статуйки (чаще въ обломкахъ) варваровъ. Изъ нихъ, конечно, наиболѣе интереса для насъ представляютъ пантикапейскія стат. такъ наз. Скиѣовъ, ³⁷⁹⁾ т. е. типовъ разныхъ варварскихъ народовъ, окружавшихъ греческія колоніи Босфора Киммерійскаго. Къ сожалѣнію, обильныя терракотты этого содержанія мало даютъ реальныхъ типическихъ чертъ въ изображеніи Скиѣовъ и держатся, наоборотъ, одной, отчасти, условной схемы: молодые, безбородые варвары представляются въ короткомъ, но рукавномъ хитонѣ до колѣнъ, и мантии (хламидѣ), наброшенной сверху; на ногахъ азіатскіе штаны, на головѣ остроконечная шапка ³⁸⁰⁾. Скиѣъ, то вставъ на одно колѣно, натягиваетъ лукъ, то мчится на конѣ, преслѣдуя зайца съ собакою или другое животное, то, наконецъ, спокойно стоитъ, скрестивъ ноги и опираясь правою рукою на большой овалъный щитъ, — таковы немногосложные, но обычные сюжеты этихъ пантикапейскихъ

³⁷⁵⁾ Большинство стат. и головокъ рабовъ изъ Аттики, Танагры и Ю. Италіи, съ преобладающимъ негритянскимъ или эѳіопскимъ типомъ.

³⁷⁶⁾ Biardot, l. c. pl. 53. Праздничный костюмъ раба предст. шляпа съ лентами.

³⁷⁷⁾ Отчетъ II. Арх. Ком. за 1870—1 гг., таб. V, 9.

³⁷⁸⁾ Rayet о терр. изъ Танагры, Gaz. d. B. A. 1878.

³⁷⁹⁾ Древн. Босф. Ким., таб. 64, рис. 1—3; *Ашикъ*, Восп. цар., III рис. 71; Отчетъ II. Арх. Ком. за 1870—1 гг., таб. II, 7, 8, стр. 168—9; за 1873, таб. II, 4, стр. 24; за 1876, таб. VI 8.

³⁸⁰⁾ Иногда съ башлыкомъ, иногда въ формѣ фригійскаго колпака. Эта же шапка встрѣчается и вообще въ изображеніяхъ рабовъ, въ гротескахъ, на головахъ стариковъ-комиковъ и пр.

изображений въ терракоттахъ; рѣже изображается пляшущій, развеселившійся отъ вина варваръ, у ногъ котораго брошена опорожненная чаша. Сравнительно съ богатствомъ и типичностью подобныхъ изображений варваровъ на золотыхъ и серебряныхъ сосудахъ, добытыхъ изъ кургановъ той же Керчи и Южной Россіи вообще, нельзя не сказать, что народное производство терракоттъ ³⁸¹⁾ мало и лишь условно воспользовалось этимъ богатымъ матеріаломъ, явно потому, что и не имѣло въ томъ дѣйствительной потребности. Эта скудость и условность только подтверждаютъ существованіе особаго смысла этого производства, заправлявшаго самымъ выборомъ сюжетовъ.

Вскрыть этотъ особый смыслъ, въ связи съ народнымъ бытомъ и наиболѣе интимною, домашнею стороною религіи древнихъ Грековъ, и на этомъ отношеніи утвердить крупное значеніе античной терракоттовой пластики, какъ явленія оригинальнаго и самобытнаго, такова была ближайшая и непосредственная задача предпринятаго обзрѣнія терракоттовыхъ статуэтокъ. Для полноты этого обзрѣнія потребно было бы имѣть подъ руками не только тѣ, уже каталогизированныя и выставленные въ витринахъ, коллекціи античныхъ терракоттъ европейскихъ Музеевъ, которыя намъ пришлось видѣть бѣгло и издали, но и знать частныя собранія, а равно и тѣ многочисленные и неразобранные склады статуекъ и всякаго рода обломковъ въ этихъ музеяхъ, которые доступны только ихъ консерваторамъ. Но если намъ удалось, при помощи этого обзрѣнія, доказать, по крайней мѣрѣ, что производство терракоттовыхъ статуекъ, какъ *народная* отрасль греческаго искусства, заслуживаетъ въ настоящее время особеннаго вниманія, и, при методическомъ изученіи обѣщаетъ открыть, дѣйствительно, многія любопытныя стороны жизни древняго міра, глубокаго историческаго интереса, то мы можемъ считать цѣль нашего труда достигнутою. Не въ однихъ только монументальныхъ созданіяхъ генія греческаго народа, но и въ этихъ мелкихъ подѣлкахъ, изъ убогой мастерской горшечника появлявшихся на народномъ рынкѣ,

³⁸¹⁾ Наибольшею оригинальностью отличаются головки варваровъ изъ Ольвии, иногда и большаго сравнительно размѣра, но онѣ, къ сожалѣнію, еще не изданы въ достаточномъ количествѣ. Для образца прилагаемъ рис. одной головки большаго размѣра изъ собранія музея Одес. Общ. Ист. и Древн.

какъ копѣчный, лубочный товаръ, украшавшихъ сначала жилище бѣдняка, а потомъ и его могилу, заключено народное міровоззрѣніе, постиженіе котораго составляетъ конечную задачу всякой исторической, а слѣдовательно, и археологической науки.

Н. КОНДАКОВЪ.

Д. Ч. О.

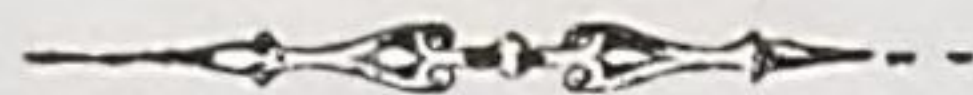
Одесса, Апрѣль 1879 г.

(Изъ XI-го тома Записокъ Императорскаго Одесск. Общ. Ист. и Древностей).

Оглавление приложенных рисунковъ.

- Таблица I. № 1. *Астартя*. Керчь—Пантикапея. 19 сантиметровъ. См. стр. 29, прим. 85 и стр. 57.
2. *Кибела*. Ольвия. 6 сант. до головы. Стран. 56, прим. 171.
3. *Деметра*. Керчь. 14 сант. Стр. 58.
4. *Кора*. Смирна. 19 сан. Стр. 59, прим. 185.
5. Богиня (Кора?) на тронѣ. 14 сан. Керчь. Стр. 59.
6. Богиня съ олененкомъ на рукахъ. Фрагментъ. Керчь. Стр. 48, прим. 136.
- II. 1. *Афродита съ Эротомъ*. Смирна. 20 сан. Стр. 10, прим. 18 и 14, прим. 36.
2. *Афродита и Эротъ*. Гипсъ. Керчь. 21 сан. Стр. 84.
3. *Эротъ* на дельфинѣ, играющій на лирѣ. Керчь. 16 сан. Стр. 87.
4. *Эротъ и Психея*. 13 с. Керчь. Стр. 88, прим. 319.
- III. 1. *Тихе*. Аѳины. 25 сан. Стр. 50.
2. *Бесъ*. Керчь. 17 сан. Стр. 51, прим. 159.
3. Жрица Деметры. Смирна. 20 сан. Стр. 66.
4. Женщина держитъ гусенка. Керчь. 16 сан. Стр. 97.
5. Женщина кормитъ гуся. Керчь. 10 сан. Стр. 97.
- IV. 1. Комикъ въ кожаномъ плащѣ. Керчь. 11 сан. Стр. 79.
2. Комикъ съ кошелькомъ въ рукахъ. Керчь. 10 сан. Стр. 79.
3. Комикъ. Керчь. 6 сант. Стр. 79.
4. Уродецъ въ вѣнкѣ изъ плюща. Керчь. Стр. 34 и 77—8.
5. Флейщикъ. Керчь. Фрагментъ. Стр. 78.
6. Скиѣскій воинъ. Керчь. Стр. 78.
- V. 1. Такъ наз. Ариадна. Керчь 16 сан. Стр. 97, прим. 346.
2. Драпированная женская фигура. 28 сан. Ольвия. Стр. 23, прим. 84 и стр. 90 слд.
3. Драпированная женская фигура, сидящая на пьедесталѣ; безъ головы. Аѳины. 16 сан. иб
4. Такъ наз. группа *Катагузы*. Керчь. 15 сан. Стр. 99, прим. 361.
5. Женщина съ собачкою. Керчь. 10 сан. Стр. 93.
- VI. 1. Женская головка. 7 сан. Александрія. Стр. 33.
2. Голова мужская въ вѣнкѣ (жреца?). 9 сан. Ольвия. Стр. 12, прим. 28.
3. Голова варвара. 10 сан. Ольвия. Стр. 12, прим. 28; также стр. 104, прим. 381.
4. Сосудъ въ видѣ конской головы. 21 сан. Ольвия. Стр. 13, прим. 32
5. Подставка въ видѣ орла. 13 сан. Керчь. 14 сан. Стр. 13.

1

4

5

3

6

2

1

2

3

4

2

3

4

1

5

2

3

1

5

4

6

2

3

1

4

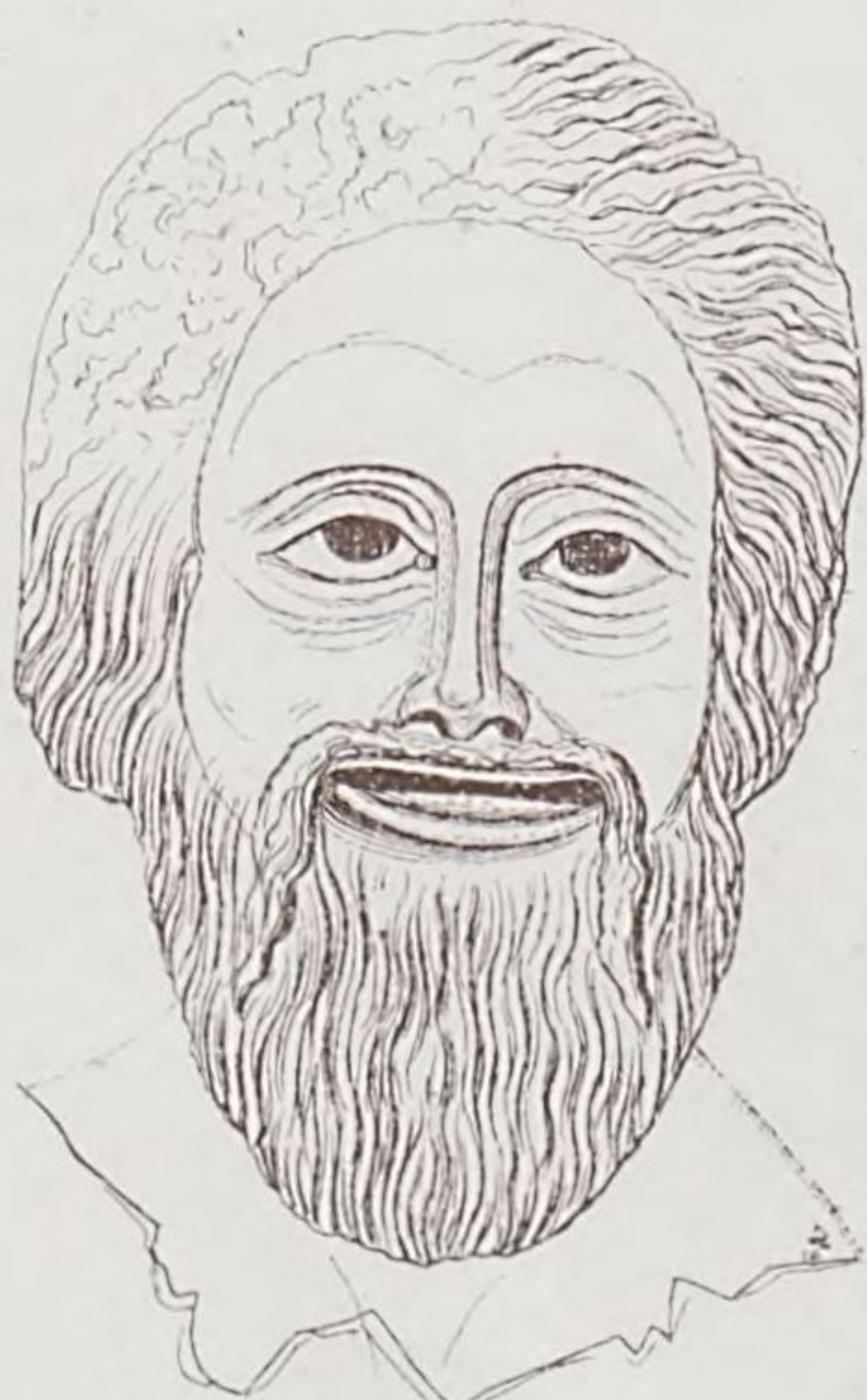
5

5

4

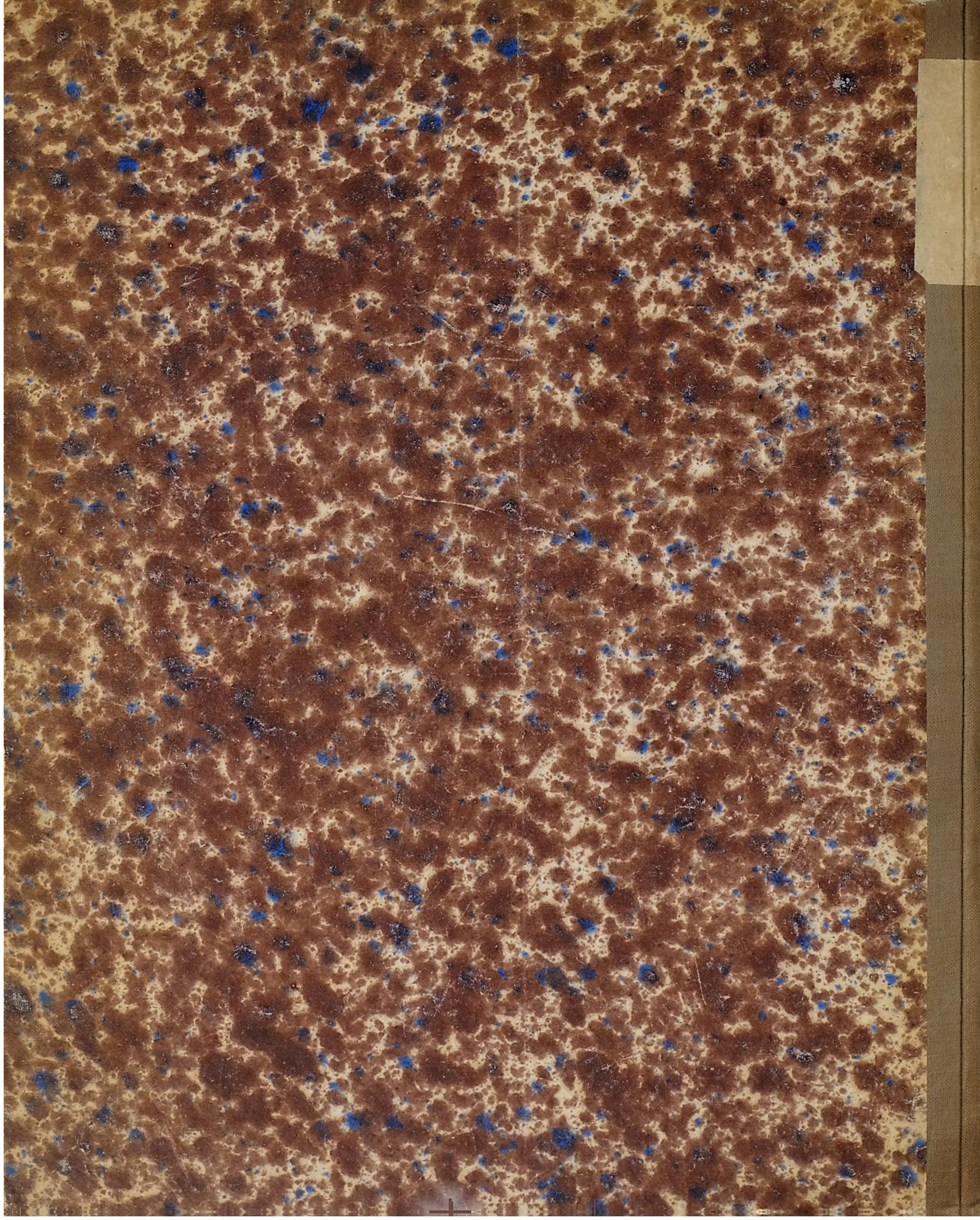
3

2

1

Kondakov, Nikodim Pavlovič,

Grečeskija terrakottovyja statuétki

Odessa 1879

4 Arch. 94 cu

urn:nbn:de:bvb:12-bsb11381570-5